

уральский

следопыт

№3**** 1977

ПОДАРОК ПЕЩЕРЫ ТАЙН

«...Первое, что успеваю заметить,— торчащие хищные клыки. Медвежий череп! Они в комьях буро-красной глины — ее не трогаем: может разрушиться сам череп. Несколько лет ждал я этого момента! Казалось, всю пещеру осмотрели в предыдущий раз — и ничего, кроме разрушенных костей... А тут целых два, да еще хорошей сохранности. Петр благородно отдает мне самый лучший».

Череп пещерного медведя доставили в свой городской краеведческий музей каменск-уральские спелеологи-любители. Об этой не столь частой находке рассказывает Виктор Мельцов, один из участников экспедиции в пещеры Среднего Урала. Смотрите стр. 16.

в номере:

ПЕРВОУРАЛЬСКИЙ НОВОТРУБНЫЙ	2
О. Колов КАК МЫ УЧИЛИСЬ	4
СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ	8
С. Мешавкин О ЖИЗНИ СПЕТЬ	10
В. Мельцов ПОДАРОК ПЕЩЕРЫ ТАИН	16
А. Поляков ГРЕБЕННИКОВ	17
Л. Вакуловская ВЕНЬКА КОРШУН — КРАСНАЯ ЛОДКА. Рассказ	24
НТ-77	34
П. Швец НА ДАЛЬНОМ ПИКЕТЕ	38
М. Секрет ОБЕЛИСК В СТЕПИ	40
Б. Карпенко НЕБО ВСКИПАЕТ ЗВЕЗДАМИ. Стихи	41
Г. Гуревич ОТКРЫТИЕ СЕКУНДЫ. Рассказ	44
Л. Румянцев ЛЮБОВЬ К ЗЕМЛЕ	55
Р. Преснецов «...КОТОРЫЙ ПЕРВЫЙ ЗДЕСЬ НАУКИ НАСАДИЛ»	57
И. Алебастров ЛЕЙТЕНАНТ ВЕДИ	58
В. Шахов ВО ГЛУБИНЕ РОССИИ	60
Т. Полухин БАРНАУЛЬСКИЙ ПЕРВЕНЕЦ	61
В. Березин БИОГРАФИЯ КОРАБЛЯ	62
А. Маркуша ГОЛУБАЯ РАПСОДИЯ	63
В. Юровских ИСТОКИ	67
Н. Широкова НАХОДИТ ТОТ, КТО ИЩЕТ	72
Г. Гулин ЭКСКУРСИОННОЕ ОРИЕНТИРОВАНИЕ — ЧТО ЭТО ТАКОЕ!	76
Е. Назаров МАРАФОН ПО ЛЬДУ ВОЛГИ	77
МИР НА ЛАДОНИ	78

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
 (главный редактор),
Муса ГАЛИ,
Алексей ДОМНИН,
Спартак КИПРИН,
Борис КОЛЕСНИКОВ,
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
 (заместитель главного редактора),
Геннадий МАШКИН,
Николай НИКОНОВ,
Анатолий ПОЛЯКОВ,
Лев РУМЯНЦЕВ,
Константин СКВОРЦОВ,
Игорь ТАРАБУКИН
 (ответственный секретарь).

Художественный редактор
 Маргарита ГОРШКОВА.
 Технический редактор
 Людмила БУДРИНА.
 Корректор
 Майя БУРАНГУЛОВА.

Адрес редакции:
Индекс 620219
Свердловск, ГСП-353,
ул. 8 Марта, 8
Телефоны 51-09-71, 51-22-40

Рукописи не возвращаются
 Сдано в набор 30/XI 1976 г.
 НС 12010.
 Подписано к печати 13/1 1977 г.
 Бумага 84×108/16.
 Бумажных листов 2,62
 Печатных листов 8,8
 Учетно-издательских листов 10,4
 Тираж 275 000.
 Заказ 650.
 Цена 35 коп.
 Типография издательства
 «Уральский рабочий»,
 Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки — рис.
 З. БАЖЕНОВОЙ.

Оформление 2-й стр. об-
 ложки С. МАЛЫШЕВА.

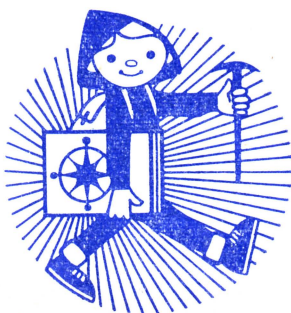
© «Уральский следопыт», 1977 г.

ЛИТЕРАТУРНО-
 ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
 НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
 ДЛЯ ДЕТЕЙ
 И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН
 СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
 РСФСР
 СВЕРДЛОВСКОЙ
 ПИСАТЕЛЬСКОЙ
 ОРГАНИЗАЦИИ
 И СВЕРДЛОВСКОГО
 ОБКОМА ВЛКСМ

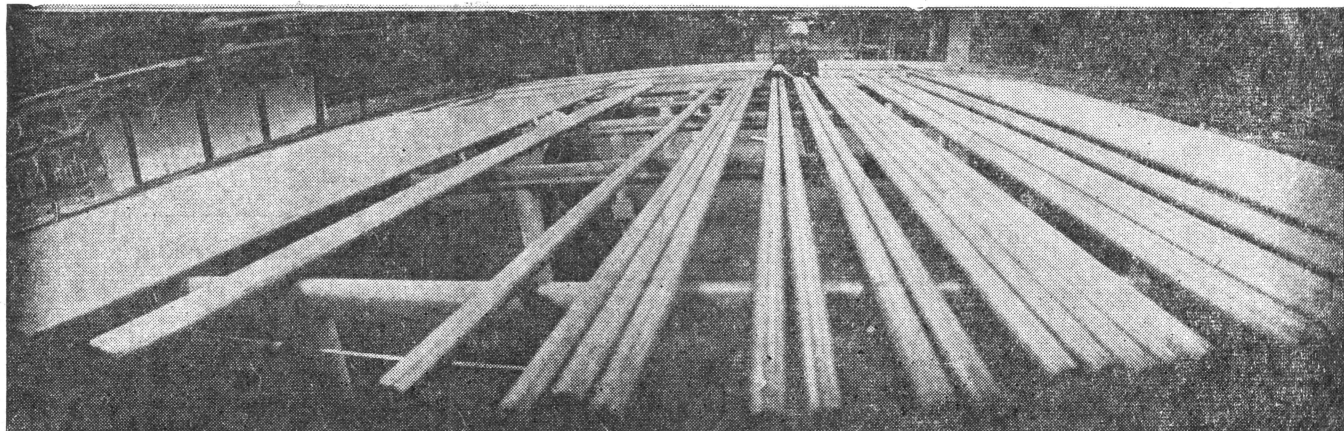
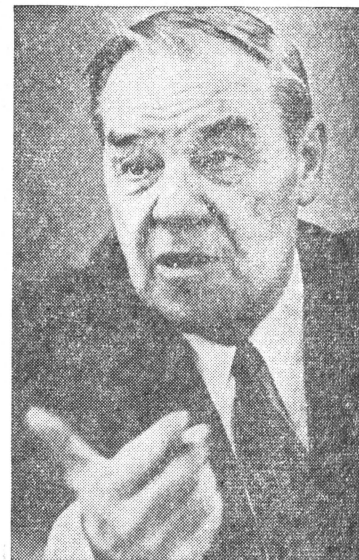
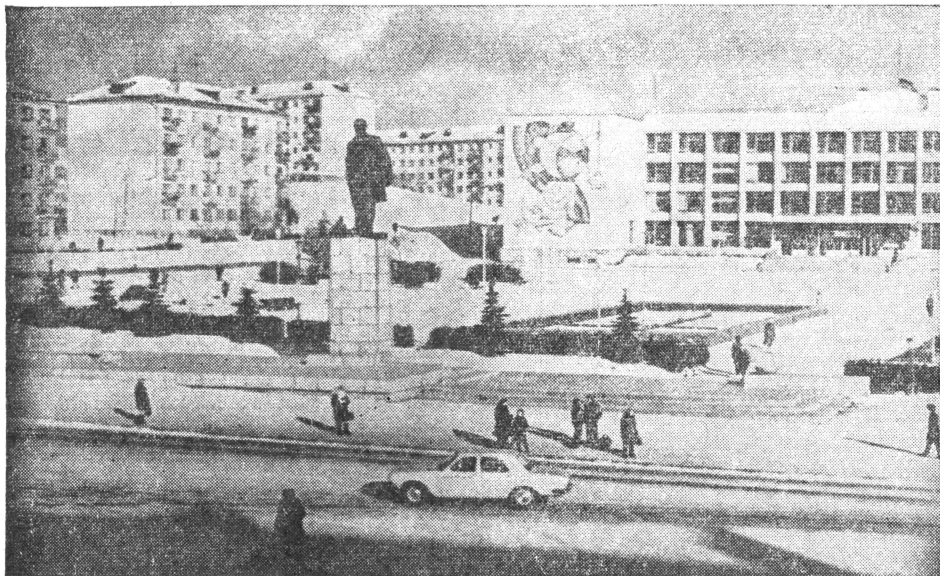
ИЗДАЕТСЯ
 С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
 СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
 КНИЖНОЕ
 ИЗДАТЕЛЬСТВО

№3 * 1977

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

ПЕРВОУРАЛЬСКИЙ НОВОТРУБНЫЙ

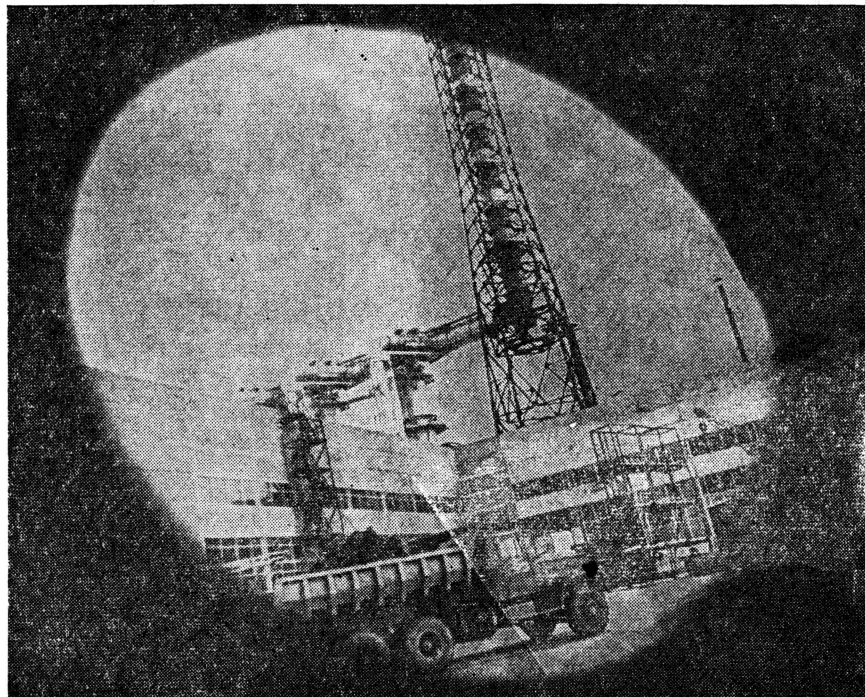

В 1702 году крестьянин Михаил Селин обнаружил у горы Волчиха богатейшее месторождение железных руд. Это предопределило будущее огромного таежного района.

— Именно в 30-е годы здесь и возник Первоуральский новотрубный завод и город Первоуральск, — рассказывает директор завода Герой Социалистического Труда, лауреат Государственных и Ленинских премий Федор Александрович Данилов (снимок сверху). — Наше предприятие сегодня одно из крупнейших и современнейших заводов трубной промышленности страны. Крупнейшее в Европе. Здесь одновременно изготавливается более 7000 различных труб и баллонов. Идет реконструкция старых цехов, растут новые. Строительство цеха В-8 — ныне областная ударная комсомольская стройка. Возводит его молодежь, которая и будет в нем работать.

На снимках: центр города; директор завода Ф. А. Данилов; ОТК принимает трубы; комсомолка Наташа Папу, электрик; агитбригада на строительстве цеха В-8; новый цех.

Снимки А. Лыськова

КАК МЫ УЧИЛИСЬ

**Онисифор
КОЛОВ**

*Рисунки
Н. Мооса*

Нашей Оле лишь четвертого сентября исполнилось семь лет. К тому же она и росточком-то не удалась.

— Эх, не примут тебя в школу из-за роста, малявка! — в шутку мы, взрослые, сказали ей однажды.

— При-имут! Потому что я даже читать умею, во-от! — уверенно возразила Оля.

Конечно ее приняли. И вот будущая первоклассница уже примеряет новенькое форменное платьице, надевает новенькие туфельки и внимательно рассматривает себя в зеркале, то и дело открывает и закрывает новенький портфель...

А я, наблюдая за хлопотами внучки, невольно вспоминаю свое детство.

Тогда, в 1916 году, стояли такие же вот погожие августовские дни, и я тоже впервые готовился к занятиям в школе. Только у меня все было не так.

Во-первых, мне было не семь лет, как Оле, а девять. Во-вторых, если Оля уже умела читать, то я не знал ни одной буквы. В-третьих, она-то гляделась в трельяж, а я мог уви-

деть себя лишь в кадке с водой; зеркала у нас тогда не было. В-четвертых... Впрочем, расскажу-ка лучше по порядку обо всем, что сохранилось от того далекого времени в моей памяти.

Вооружившись маленьким шербатым гребешком, сделанным из коровьего рога каким-то безвестным умельцем, старший мой брат усадил меня на табурет посередине кухни, будущего, значит, первоклассника, и принялся лязгать огромными ножницами, которыми у нас стригли овец. «Полясаив» вокруг меня несколько минут и забросав моими волосами пол, он объявил: «Все, готов ежик!» Мне, однако, этот «ежик» понравился, а вот родственникам пришелся не по вкусу. Придерживаясь старобрядческих правил, они высмеивали всех, кто эти правила нарушал. И вот, увидев меня остриженным, дядюшки и тетушки ахнули:

— Ай-ай-ай! Окорнали-то парня, как татарчонка! Только аракин надеть осталось... Ай-ай-ай!

Я смутился и прежде всего помчался со своей обидой к отцу. Большого авторитета, чем он, для

меня тогда не существовало: побывав на золотых приисках в далекой Сибири, отец многое испытал и на всякий люд наглядился. Он сказал:

— Ты, сынок, успокойся. Ум у человека не в волосах. У кого, бывает, хоть волосы и длинные, а ума в голове — с наперсток... Ну, а татары — так ведь они тоже люди.

И я успокоился. Решив, правда, лишний раз не попадаться на глаза своим тетушкам.

Из сундука мать достала полоску домотканого клетчатого холста.

— Это тебе на сумку, — объяснила она.

А к вечеру того же дня нехитрая моя «амуниция», мало чем по фасону отличающаяся от нищенского мешка, в которые раньше собирали милостыню, была готова.

— Ну-ко понадевай! — до сих пор слышу голос матери. — Примерься!

С готовностью надел я свою первую самодельную школьную сумку.

— Удобно? — поправляя лямку на моем плече, поинтересовалась мать.

— Ага-а! — ответил я, однако пытаясь при этом дотянуться до дна сумки.

— Глубокая, что ли?

— Ну да...

— Это лучше даже. Из глубокой-то меньше чего выпадет. Мало ли что случается?

— Да и больше войдет, — отец весело поддержал мать, — все равно не сумка главное, а чтоб учился ладом.

В домотканых штанах с одной пуговкой на животе, с сумкой, босым — так отправился я в школу.

Встречу с первой учительницей ждал с нетерпением. Ох, и долги же казались последние предшкольные дни: и дома насидишься, и на улице набегаешься вволю, а все светло и спать вроде бы еще рано (часов-то не было тогда у нас, жили буквально по солнышку). А учиться хотелось. И это желание постоянно поддерживал во мне отец: «Без грамоты шибко худо, — не раз говаривал он. — Неграмотный человек — что слепой». Надо сказать, что сам-то он знал только «цифирь» да несколько букв. Знал, например, букву «К», потому что с нее начинается наша фамилия. Еще букву «Я»: с нее начиналось его имя...

До школы добирался я в тот первый раз не один — боязно все же было, — со своим соседом и приятелем Лучкой. Настроение было праздничное и... тревожное. Может и оттого, вдруг остановясь на высоком, крутом берегу пруда, над которым, охотясь, беспрестанно «челночили» чайки, Лучка вдруг размечтался.

— А хорошо быть с крыльями! Говорят, будто люди после смерти тоже становятся птицами: добрый человек — чайкой или голубем, на-

пример, а злой — коршуном или ястребом... Вот только в рай да в ад тогда кто попадает?

— Не знаю, Лучка, — признался я. — Поучимся — может, и узнаем.

— А чудно все... Над нами небо и в воде небо... Вон люди вниз головой идут. Чайки вверх брюхом летают... Все же хорошо им! — продолжал мечтать Лучка, глядя на белых, как снег, птиц. — Были бы у меня крылья — слетал бы я сейчас к тятке... — и тут Лучка чуть не заплакал.

А плакать Лучке было отчего. Третий год шла германская, и отец Лучки лежал сейчас в госпитале.

Со всех улиц и переулков деревни мальчишки и девчонки стекались к школе: кто — учиться, а кто — и просто так, поглядеть. Приоделись, конечно, получше, кто как мог, каждый на свой лад. В глазах рябило от богатейшего набора красок: штаны, сумки, рубахи — и белые, и красные, и синие, и зеленые, клетчатые и полосатые.

У крыльца нас поджидала учительница. Молодая и улыбчивая.

Наконец, заметив, что больше никто не подходит, она обратилась к нам:

— Дети! Сейчас все, кто пришел учиться, пойдемте за мной в класс.

Первый день в школе вышел коротким. Довольные и воодушевленные, возвращались домой. Помня наказ учительницы, со всеми встречными здоровались. Услышав наше многоголосое «Здравствуйте!», люди останавливались и отвечали с похвалой:

— А, здравствуйте, здравствуйте, школьники! Вот и хорошо, молодцы, молодцы!

А узнать нас теперь было легче легкого: с сумкой на боку — кто же, как не школьник?

Если в первый день мы не сводили глаз с учительницы, на второй более пристально пригляделись ко всему вокруг.

Парты пахнут сосновой смолой — они не крашены. Огромные стоячие счеты. На стене большая черная доска, на ней, догадываемся, будем писать. Стол и стул учительницы — обыкновенные, как в наших деревенских домах. Иконами нас тоже не удивишь: у всех они есть. Вот на картины на стенах во всю пялим глаза. А картин — множество, как нам кажется. Во-первых, изображены императорской четы. Потом «Рай» (в нем блаженствуют праведники). И тут же «Ад». Черные, рогатые и хвостатые черти, поддев грешников на вилы, бросают их в котлы с кипящей смолой, тела других грешников насквозь продырявлены змеями. Глядишь на эту картину — волосы встают дыбом, в озноб бросает. Потом, когда мы с Лучкой шли уже домой, я спросил:

— А, должно быть, страшно в аду?

— Уж лучше птицей-коршуном стать, — ответил он.

Ночью я с воплем вскопился в постели и разорвал на себе рубаху, пытаясь вытряхнуть заползшую змею. Всех, конечно, перебудил. Стало стыдно, и я соврал взрослым, что это, мол, «мышь под рубаху залезла, так щекотно стало...»

В единственном на всю школу классе было нас человек тридцать. Кажется, посиди несколько минут — и готов список. Но с нашим списком Аглаида Александровна мучилась несколько дней, потому что многие из нас не знали своих правильных имен. Требовались метрики, а у стариков тогда их не было. Пропоеет «старик» (поп) при крещении новорожденного «Да наречется имя ему Екиспим» — и все, никаких метрик. Называй потом этого «раба божия» как угодно. Родители, чтоб не ломать язык, назовут сына просто Пиксим, Пикся. Точно так же появились на свет Менко, Калька, Мелька, Вичка...

Попавшись в «святцах», учительница отыскала все наши имена и стала называть нас правильно: Пикся — Екиспим, Менко — Евмений, Калька — Калистрат...

Как-то отец поинтересовался:

— Дурите, поди, в школе-то? Вон какие дуботолки собрались!

— Я не дурю... — ответил я. — Только над Тишкой Щербаковым смешно бывает...

— А что он делает, этот Тишка-то?

— Да рожу всякие строит.

— Ты крепись, однако, не смешишь, — серьезно посоветовал отец.

— Я и так креплюсь, а оно еще больше смешится, — признался я.

Верно, смеяться я был горазд. Зальюсь, бывало, так, что мать скажет: «Ну, закатилось, хохотово яйцо!» А я — и того сильнее.

— А наказывает учительница-то? — еще спросил отец.

— В угол ставит. Кого — на ноги, кого — на колени, — сказал я, будто пожаловался.

Но отец строго поглядел на меня:

— На горох надо, на гречуху! Чтоб ума-разума набирался!

Я слышал, что в других школах, действительно, ставят провинившихся учеников голыми коленками на горох. Даже не испытыв, можно предположить, что это такое. Однако горох-то хоть круглый, а вот каково, должно быть, стоять на этой самой «гречухе!» Она и кожу, наверное, всю прорежет... Нет, наша Аглаида Александровна — и слава, и поклон ей за это — такие страшные «пытки» не применяла. А постоять в углу не так уж было и трудно, только стыдно, конечно. Без обеда просидеть тоже ничего страшного:

хлеб-то все равно в твоей сумке лежит, пойдешь домой — съешь. Хуже всего было, когда оставляли после уроков. Об этом сразу догадывались родители: «Все пришли, а нашего нет». Мать, правда, только поворчит, а вот отец мог взяться и за ремень.

Отцов, надо сказать, боялись все. Хотя, справедливости ради, скажу, что отцы нас зря не наказывали. Но если заслуживал — получал сполна.

Памятен, например, такой случай. Любил мой отец ездить на ярмарку. Однажды он там купил мне красивый химический карандаш. Кончик его я тотчас опробовал «на язык». Горько, а пахнет приятно. Правда, фиолетовыми стали губы и язык. Долго пришлось отмываться. В школе я похвастался, что у меня химический карандаш. А когда вернулся домой, карандаша в сумке не оказалось.

— Потерял? — спросила мать.

— Не-ет, я только его показал и обратно положил в сумку.

— Видно, украли, — заключила она. — Ладно. Завтра же я этого вора найду.

Действительно, на следующий день мать со мной пришла в школу. С согласия Аглаиды Александровны она раздала ученикам равные по длине соломинки и велела взять их в рот.

— У вора во рту соломинка обязательно вырастет, — пояснила она. — Длинной станет.

Стоим... Через некоторое время мать стала соломинки собирать. Собрала уже штук десять, как вдруг объявила:

— Вот он, вор! А где же карандаш?

— До-о-ома, — признался Санька, покраснев до ушей. Он, оказывается, откусил кончик своей соломинки.

— Сейчас же принеси карандаш сюда! — приказала Аглайда Александровна.

Вскоре карандаш вернулся ко мне.

Санька, весь в слезах, умолял ничего не говорить отцу. Мы знали, что будет тогда с Санькой. Знала о строгости наших отцов и учительница, поэтому она еще раз после уроков подошла к Саньке:

— Успокойся. Твоему отцу никто ничего не скажет. Так, дети?

— Та-ак! — дружно ответили мы.

— Но ты навсегда усвой: чужое нельзя брать — рано или поздно это откроется все равно. Понял?

Ученые давалось всем по-разному: одни воспринимали хорошо, другие — туго. Иногда терпение у Аглаиды Александровны все-таки иссякало и она начинала на нас прикрикивать, притоптывать каблучком и даже иногда ударяла провинившегося книжкой по лбу.

Чаще других наказывались Коль-

ка и Афонька: трудно давалась им арифметика. Жаль было этих братьев-близнецов, но еще больше я, например, жалел книжку: головам-то ничего не сделается, а вот книжке... Учебники мы старались беречь. От нас они переходили к младшим.

Мне ученые легко давались. Раньше других и довольно хорошо я научился читать. Отец радовался. Он готов был слушать меня часами. И очень хотел иметь много «антиреспективных» книг. Но где их взять? О библиотеках понятия не имели. Не помню уж, как появилась в нашем доме тоненькая книжонка «Кузьма Крючков». С обложки малинового цвета смотрит донской казак. Поухарски набок сдвинутая фуражка и выбившийся из-под нее пышный чуб. Много-много раз вслух читал я эту книжку отцу. Он готов был слушать ее каждый день. Придет вечером с работы, разуетя, разденется, уляжется на печку и просит:

— А почитай-ка, сынок, про Кузьму!

Слушая меня, отец не переставал восхищаться храбрым казаком:

— Молодец! Все бы так, давно с этим германцем бы покочили!..

Занятия в нашей школе и начинались и кончались молитвой. Встав на ноги и повернувшись к иконам, мы пели: перед первым уроком — «Гимн царю», перед обедом — «Отче наш» и в конце занятий — «Достойно». Эта последняя молитва звучала громче всех, потому что после нее — домой.

«Закон божий» считался главным предметом. Уроки часто проводил сам отец Иван, приезжавший из соседнего села. Он больше спрашивал. Объяснять начинал только тогда, когда кто-либо из нас отвечал неправильно. Однажды, помню, спросил:

— А скажите-ка, дети, сколько у нас богов?

— Бог у нас один! — ответил мой сосед Андрюшка.

— Ма-а-а-а! — возразил отец Иван. — Где же одному-то ему с нами справиться? Нас-то, вон, множество! Так сколько богов? Кто объяснит?

И он принялся медленно ходить по классу, вопросительно поглядывая то на учительницу, то на нас.

Но мы сидели, опасаясь поднять руки. Учительница наша покраснела, заволновалась. А мы, словно пришибленные, все сидим молча и ждем, что же дальше-то станет? Наконец отец Иван сам заговорил:

— Так вот, бог у нас один, но трончен в лицах: бог-отец, бог-сын и бог-дух святой — троица единосущная и нераздельная. Вот так! Понятно?

Бойкая наша девочка Нюрка вдруг подняла руку.

— Аглайда Александровна нам так же говорили, — протараторила она. — Мы только сробели и испугались отвечать.

Что и говорить, с какой благодарностью поглядела на нее наша Аглайда Александровна! Плохое знание арифметики и грамоты нам тогда могли и простить, но «Закон божий» знать должны были все в первую очередь. Ох, и натерпелась, должно быть, страхов на том уроке Аглайда Александровна!..

Прошло три года.

Многие из тех, с кем вместе мы впервые сели за парту, постепенно из школы отсеялись. Вынужден был бросить учебу Лучка, потому что отец его хоть и вернулся с медалью на груди, но без ступни на правой ноге и на костылях. И все хозяйство легло на Лучкины плечи. Не расстались со своими школьными сумками до конца лишь около десятка человек. Сдал выпускные экзамены и я. Окончившего сельскую школу (три класса) в деревне считали в те годы уже «большешеграмотным». Дальше у нас никто не пошел учиться, кроме меня. Таким образом, мне довелось стать в своем роде «первопроходцем».

1919 год. Молодое советское государство праздновало вторую годовщину Октября. Этот праздник я встречал уже в Исетском двухклассном училище.

Колонны демонстрантов, красные от флагов и нагрудных бантов, шли по селу с революционными песнями. Не было нарядных одежд. Самое нарядное — флаги и банты.

После демонстрации нас, школьников, угостили обедом. В доме, принадлежавшем ранее купцу Каплуну, накрыли несколько столов. На каждом — большая кастрюля жаром пышущих шей и тарелка с высокой горкой пирожков с мясом. Не в конфетах, не в мороженках, а в куске насушного хлеба нуждались мы тогда. Дороже любых сладостей был для нас такой обед. И как он памятен — первый подарок нам, крестьянским детям, от Великого Октября!

В училище время проходило согласно общему распорядку: урок сменялся переменной, перемена — уроком. Зато после занятий... Особенно быстро вошли в моду самостоятельные спектакли. Ставились они силами местного драмкружка и почти каждый день. Пьесы подбирались маленькие, чаще военной тематики. В реквизите «театра» все было настоящее: боевая винтовка, сабля, шинель... Только вместо грима использовали сажу да мед, а парики мастерили из кудели.

Пробудились люди, потянулись в Нарядный дом. Но наряду с теми, кто твердо поверил в Советскую власть, оставались еще и оборотни — скрытые враги.

Продовольственная разверстка, введенная Советской властью как временная, но крайне необходимая мера, и сама-то по себе способна была легко вызвать недовольство в среде крестьян. А эти оборотни, просочившись в местные Советы и продорганы, специально разжигали недовольство. В начале 1921 года вспыхнул в Западной Сибири кулацко-эсеровский мятеж.

Однажды вечером прибежал домой запыхавшийся Павел Петрович (заведующий училищем, у которого я квартировал) и сообщил:

— Мужики коммунистов и комсомольцев ловят! Носятся по селу с ружьями, с топорами, с вилами...

Ночь прошла в тревоге — никто не сомкнул глаз. Но вскоре мятеж удалось подавить. Истерзанные, исколотые «пиками» тела замученных коммунистов и комсомолок обнаружены в озере Камышном. Все они были сброшены в прорубь. Десятки гробов опустили в братскую могилу на площади в центре села. Могила зарыта. Прогрели прощальные винтовочные залпы. Многие активисты погибли, а новые появились не сразу. Группы вооруженных бандитов еще долго бродили в близлежащих лесах и в любую минуту могли нагрянуть в село.

Тревожно стало и в училище.

Так, в тревоге и опасности, учились мы до весны и, получив справки об окончании училища, невесело, безо всяких торжеств разъехались по домам...

Дома тоже было неспокойно: бандиты нередко заглядывали и в наши Лога. Местные коммунисты не разлучались с винтовками ни на час: ночью — оружие рядом с постелью, а во время работы — за спиной.

Я решил учиться дальше, поняв, что двухклассное училище — это еще не образование.

На исходе августа мать напекла подорожников, отец наскреб небольшой мешочек муки (после выполнения продразверстки хлеба осталось совсем мало: чистое зерно — на семена, а на еду — с лебедой пополам) и, сопровождаемый матерью, я снова отправился в дорогу.

Оставив позади девяносто «полосатых верст» (стояли они еще на больших дорогах тогда), приехали мы в село Ново-Займское.

Учиться стало еще интереснее. Но все-таки трудно было: ни учебников, ни бумаги, ни чернил. Учебники, бывало, переписывали мы целиком под диктовку учителей на обоях, на оберточной бумаге, между строк старых книжек. Учитель диктует, а я пишу: «Куб суммы двух чисел равен кубу первого числа, плюс утроенное произведение квадрата первого числа на второе, плюс...» — это между строк. А в книге:

«В песчаных степях Аравийской земли

Три гордые пальмы высоко росли...»

Жили в интернате, на полном самообслуживании: сами топили печи и заготавливали дрова, сами носили воду и мыли полы, сами латали и стирали белье... Спали на деревянных щитах. Ножками «кроватей» служили толстые сосновые чурки. Были эти «кровати» неустойчивы: «загрестишь», случалось, среди темной ночи и вмиг очутишься на голом, холодном полу в одном исподнем.

Освещение было керосиновое: одна лампа на комнату, в которой проживало десять-двенадцать человек. Оползаясь сесть к лампе за стол — садись перед коптилкой у своей «кровати» на чурку (скамеек хватало только тем, кто сидел у стола).

В общем, тогдашний наш интернат отличался от нынешних, как небо от земли. Тогда нам показалось бы сказкой все то, что реально существует теперь.

Хлеб черный выдавался не досьята, да впридачу какой-нибудь жиденький суп. Бывал суп иногда и мясной (из конины), но сколько в нем мяса? — крохотный кусочек на едока. Чтобы кусочек сделать побольше, объединяли две порции в одну. Тогда уж получишь или «бублик», или «дырку» от него.

Впрочем, хорошо, когда хлеба оказывалось достаточно: наелся — и думать про него забыл. А вот когда его не хватало, тут уж ни на миг не забудешь, что есть в мире такая штука — черный хлеб. Вот и «мудришь», как бы поаккуратнее с ним обойтись. Алексей Середа, например, свою порцию замораживал. Потом грыз, запивая кипятком, и убежденно доказывал, что мороженный хлеб выгоднее: «Пока грызешь, наглотался кипятку — и сыт!» А Михаил Грошев, например, дробил уже обглоданные кости и снова их варил. Потом хлебал бульон, заедая его черными, как земля, лепешками из лебеды. Впоследствии Грошев стал инженером. До сих пор я почему-то уверен, что он и теперь, если жив, ни за что не выбросит кусок хлеба в мусорное ведро.

Что ж, трудное выпало нам житье, но учились мы, воодушевленные надеждой, и добивались своего. Вот Черепанов Гриша. Инвалид (плохо двигалась у него левая нога, а левая рука совсем была неподвижна). В старой-престарой шубенке, в ношеных-переносенных крестьянских броднях за сотню верст приезжал он в школу. Домой возвращался только летом, а на зимние каникулы оставался в интернате, потому что в такой одежде да на заморенной лошадке рискованно было пускаться в такую даль, в трескучий сибирский мороз.

А ведь окончил школу, стал учителем, потом директором сельской школы и проработал в селе всю свою жизнь. Теперь он пенсионер.

Было у нас, у комсомольцев, тогда правило: учеба и общественная работа — сегодня, все другое — завтра. И так — каждый день.

Важнейшей своей обязанностью считали мы политическое образование. Встретившие зарю нового мира, мы понимали, что это — только начало, и жадно стремились заглянуть в будущее. В небольшой, холодной комнатке перед крохотным пламенем керосиновой коптилки читали и перечитывали «Азбуку коммунизма».

Незаметно подкралась последняя школьная весна. Никаких экзаменов тогда не было. Вопрос о переводе учащихся из класса в класс и даже о выпуске из школы предварительно решался замами учащимися на собрании «самооценки», а окончательно — на школьном совете.

Классное собрание по «самооценке» — событие ответственное: выслушай правду о себе, скажи правду о товарище, подними руку «за» или «против», не кривя душой.

Выпускной вечер, прощальный и памятный. Без тостов, без музыки, без наград. Всем нам вручили Свидетельства, отпечатанные на газетной бумаге. Лучшей-то даже и для такого документа тогда в стране не нашлось. С волнением читаю: «Предъявитель сего, сын крестьянина... сдал зачеты по всем предметам за курс школы 2-й ступени...» Внизу — подписи учителей и круглая печать окроно.

Равовались мы, что преодолели девять нелегких ученических лет. Впереди, наконец, — самостоятельная жизнь. Планы и мечты у каждого, конечно, были разные: у одного вуз на уме, у другого — учительство, у третьего... Но знали мы твердо: прожить надо с пользой. И, насколько мне известно, никто из нас от этой заповеди не отступил. Научными работниками стали Мельников Фома, ныне покойный, Мария Ходор, Николай Анисимов и Николай Новоселов. Многие, как Г. П. Черепанов, ушли в учителя. Именно в них, в учителях, больше всего и нуждалась тогда наша страна. Срочно было необходимо ликвидировать неграмотность среди взрослых. В деревне же эта проблема стояла особенно остро.

Я тоже выбрал учительство и проработал в школе без малого сорок лет. На четыре года разлучила меня со школой лишь Великая Отечественная война.

- Кто ты, кремлевский курсант?
- По местам революционной славы
- Яблоня Олега Кошевого
- Операция «Чныррах»
- Катина планета
- Телевизионный клуб следопытов

Информация со снимком публиковалась в журнале «Огонек» за 1924 год.

«Драматическим кружком клуба им. Свердлова (ВЦИК) была поставлена в Кремле пьеса под названием «Гибель самодержавия», где изображены отдельные моменты февральского революционного переворота и последующая борьба большевиков с буржуазным временным правительством. На предлагаемом снимке воспроизводится сцена, представляющая выступление Ильича с речью, обращенной к толпе рабочих. Роль Ильича исполнял один из курсантов военной школы ВЦИК. Это первый опыт портретного изображения в драматическом революционном действе фигуры вождя».

Считается, что образ Ленина на театральной сцене был создан к 20-летию Октября. В профессиональном театре — да, в самодеятельных спектаклях, как видно, раньше. Есть все основания считать, что именно в драмкружке военной школы ВЦИКа была впервые сыграна роль Ленина.

Кто он, кремлевский курсант, в 1924 году сыгравший роль вождя? Имя его до сих пор остается неизвестным.

Просим подключиться к поиску следопытов-теatroведов и организаторов Ленинских музеев, которые имеют сведения о многих людях, имевших отношение к Кремлю, в том числе и о курсантах школы ВЦИК.

41-я ашхабадская школа носит имя Кайгысыза Атабаева. Это первый председатель Совнаркома Туркменской ССР, бессменно находившийся во главе правительства республики более десяти лет. Школьные следопыты многое узнали об этом человеке; им рассказали о нем академик К. Б. Бердыев, московский профессор Я. Р. Винников, писатель Б. Кербабаев. Завязалась переписка с родными К. Атабаева, живущими в Москве.

Сбор материалов о людях, боровшихся за установление Советской власти в Туркменистане, продолжается. Одна из последних экспедиций старшеклассников — в Кизыл-Арват, где впервые на территории Туркмении зарождались социал-демократические кружки. Ребята узнали о том, что места маевков 1904—1906 годов, проходивших в восьми километрах

от города, увековечены кизыл-арватскими рабочими — там воздвигнут монумент. Интересно было узнать и такой факт: еще в 30-х годах на вагоноремонтном заводе в Кизыл-Арвате был отлит первый памятник 26 Бакинским комиссарам. И сейчас завод носит имя славных сынов Закавказья.

Комиссар комсомольского подполья Олег Кошевой мальчишкой посадил возле дома яблоню. Когда ему приносили в гостинец яблоки, он угощал своими:

— Мои вкуснее. Ведь я же сам вырастил!...

Яблоня выросла выше крыши. Она продолжает плодоносить, хотя уже не одна засохшая ветка спилена на ней... Не приходит в сад Олег, не ухаживает за своей яблоней. Но берегут ее ребята из Краснодарской школы № 1.

Обнаружили они проклюнувшийся из земли отросток. И сейчас растят, оберегают его; сделали ограду вокруг взрослой яблони, чтобы ничто не повредило маленькое деревцо.

Отживет свой век старое

СЛЕДОПЫТСКИЙ

телеграф

дерево, отшумит листво, засохнет, и в одну из весен не появятся на нем зеленые листочки. Зато вырастет другое — молодое, крепкое — от той же, Олеговой яблони.

Чныррах — поселок в лямане Амура. Два века назад здесь зимовала экспедиция Василия Пояркова, здесь останавливался Невельской... — не обошла история этот небольшой поселок.

Пионеры восьмилетней школы в Чныррахе начали работу, рассчитанную на много лет. Цель — создание своего краеведческого музея. Два отдела — мезолита и неолита — уже почти готовы. Галечниковые отбойники, каменные топоры и тесла, палицы для добывания крупной рыбы и древние грузила для сетей найдены школьными археологами.

Ждут своего места и другие экспонаты: оружие XVIII и XIX веков, дальномеры, старинные медные украшения, исторические фотодокументы, экспонаты, рассказывающие о культуре амурских нивхов.

...В докладе командования сообщалось: группа бомбардировщиков, которую вела в бой комсомолка Екатерина Ивановна Зеленко, под местечком Пропойск (ныне Славгород Могилевской области) смелым и решительным налетом уничтожила 45 немецких танков и 20 автомашин с пехотой. Это были первые дни войны.

12 сентября 1941 года бомбардировщик Кати Зеленко был атакован «мессерами». Семеро — против одного. Когда в схватке кончились боеприпасы, летчица пошла на таран. Впервые в истории авиации таран был совершен женщиной... От Кати остался пробитый, залитый кровью комсомольский билет за № 7463250, и обломки самолета, которые хранятся сейчас в музее сельской школы в Анастасьевке Сумской области — месте последнего боя летчицы.

Отныне будет напоминать людям о Кате Зеленко и малая планета № 1900. Ее открыла астроном Крымской обсерватории Тамара Михайловна Смирнова и назвала в честь героини — «Катюша».

Недавно Международный планетный центр утвердил это название.

Елочка, палатка и книга-птица — эмблема телевизионного «Клуба юных краеведов», который вот уже год работает на Петрозаводском телевидении.

Занятия клуба на экране ведет старший преподаватель Петрозаводского университета, кандидат педагогических наук Виктор Петрович Ершов, большой энтузиаст краеведения. Еще недавно он был учителем в Медвежьегорской школе-интернате № 4; музей, созданный в этой школе, знаменит во всей Карелии.

Уже на первом занятии следопыты получили задание — собирать письма фронтовиков. И полетели в телевизионный клуб пожелевшие солдатские треугольники... А с них началось и знакомство с авторами, с теми, кто жив. С экрана прозвучал рассказ о шелтозерских девушках, очистивших после войны территорию своего района от вражеских мин. В числе участников передачи был Сережа Грабский, учащийся Петрозаводского ГПТУ № 1 — он рассказал о своей маме, которая одна обезвредила восемьсот мин!

Телекамера побывала в 7-й и 29-й петрозаводских школах, в Чалне, Шелтозерске, Туксинской школе, в целом ряде музеев. Впереди новые следопытские открытия, которые расскажут о неизвестных страницах подвига, об удивительных краеведческих находках, которыми богат Карельский край.

● «Слово коммунистов планеты» — таким разделом пополнилась экспозиция Ленинского музея Марьиногорской школы № 3 [Белоруссия]. Школьники обратились с письмами к делегатам XXV съезда КПСС и получили ответы. В разделе представлены письма делегатов съезда из разных городов и областей СССР, письма коммунистов Сальвадора, Турции и других стран.

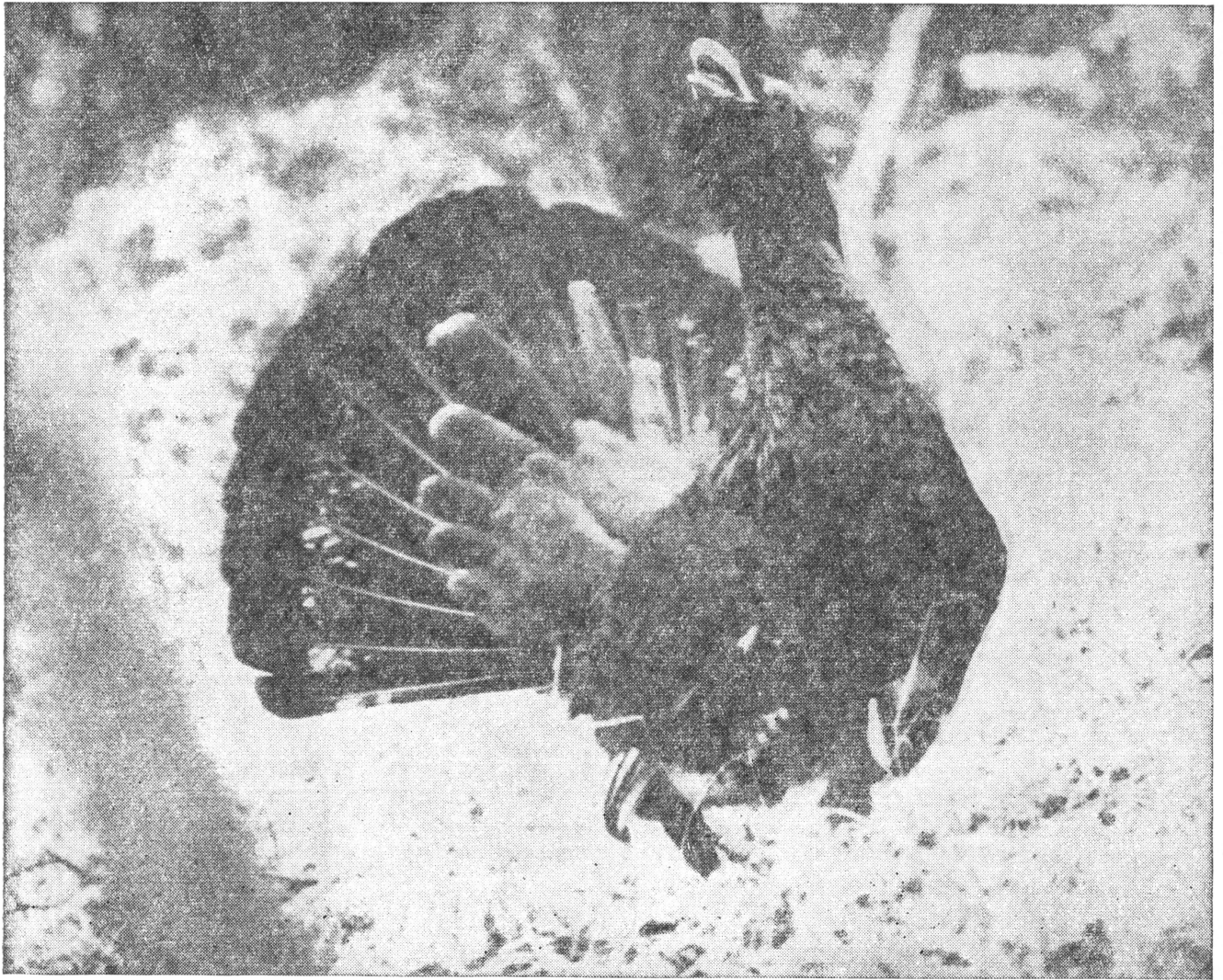
● Рига отметила 32-ю годовщину освобождения от немецко-фашистских захватчиков. В программе торжеств был следопытский слет в Саулкрасты, на котором следопыты доложили о поиске военно-патриотических материалов. Это уже третий слет участников похода по местам боевой славы.

● Во Всесоюзном фестивале юных этнографов приняли участие пять зауральских команд — из Кургана, Далматово, Куртамыш, села Каширино. Они «привезли» на слет уральские частушки, поговорки.

● Исполком Брестского областного Совета наградил памятной медалью «Брестская крепость-герой» 1-ю среднюю школу поселка Казачья Лопань Дергачевского района Харьковской области — за помощь сотрудникам Брестского мемориального комплекса в сборе материалов о первом Красноградском механизированном корпусе.

● Капитальную топонимическую картотеку собрал редактор «Последних известий» на Воронежском радио Валентин Андреевич Прохоров. В ней содержатся сведения о любом, даже самом маленьком населенном пункте Воронежского края.

О ЖИЗНИ СПЕТЬ

**Станислав
МЕШАВКИН**

*Фото
О. Капорейко*

Как тяжело взлетают глухари,
Какие тратят страшные усилия,
Чтоб,
На земле свое отговорив,
О жизни спеть
Поближе к небу синему!

Очень не хотелось вылезать из теплого спального мешка. С устройством ночлега мы возились до глубокой темноты. Используя в качестве рычага бревно, поднимали под «Эй, ухнем!» перекосившийся вагончик, выгребали снег и ужинали далеко за полночь. Спалось так сладко...

— Подъем! — во весь голос кричал, не опасаясь разбудить соседей по коммунальной квартире, Олег Капорейко. Он уже был в полной форме. Обругав нас засонями, Олег хлопнул дверью, справедливо полагая, что ему лучше не слышать ответных фраз.

Небо вызвездило. Мокрая с вечера от таяния последнего снега листва покрылась к рассвету звенящей коркой. Я иду за Геннадием след в след, осторожно, едва не ласково опуская на землю тяжелые сапоги, и все-таки слышу предательский хруст. Испуганно гляжу на Геннадия и успокаиваюсь: и ему, несмотря на таежный опыт, не удается идти беззвучно.

Геннадий Борискин — научный сотрудник института охотничьего хозяйства, Олег — фотокорреспондент газеты «Уральский рабочий». Свела нас троих в избушку одна цель — побывать на глухарином току, услышать и увидеть древние, как мир, свадебные игрища.

Лес тем временем просыпался. Утреннюю песню, как и положено, начали солисты — звонко, удивительно чисто. Одиноким певцов вскоре перекрыл могучий хор: на болоте забормотали — враз, дружно — тетерева. И вдруг в радостную симфонию ворвался щемящий душу всхлип. Один, другой, третий. Кто-то жаловался на свою судьбу, напоминал, что не все в этом мире благополучно. Журавлиный плач...

Геннадий вдруг сдвинул шапку, высвободив полностью правое ухо, и стал напряженно вслушиваться. Следуя его примеру, я изобразил на лице такое же тревожное ожидание, но кроме тетеревино-глухариного ансамбля иных звуков не улавливал. Геннадий поманил меня пальцем и прошептал:

— Глухарь... токует.

Честное слово, я был разочарован. Глухаря, правда, в отдалении, видеть доводилось, слышать — нет. Неужели это чуть слышимое «тэк-тэк» издает могучая птица, весом до полпуда? Да любая пичуга заявляет о себе куда звонче. Прыжками, в такт песне, подбираюсь к сосне. Откуда взялось это — в такт и прыжками? То ли опыт, почерпнутый из книг, то ли ожили дремавшие дотеле гены далекого прапрадеда. Все ближе, ближе... И все же не рассчитал где-то полшага, а может, утешаюсь, глухарю надоело играть в одиночестве, только вдруг что-то большое, темное, с шумом, треском сорвалось с сосны и растаяло в серой дымке.

Выбрались на дорогу, закурили с горя. Небо светлело, ясно показывая, откуда должно появиться солнце. И с этой стороны прямо на нас летела птица. Глухарь! Бывает — хоть редко, в жизни так: ищешь-свищешь счастье, а оно летит тебе прямо в руки. Не раздумывая, глухарь плюхнулся на сосну, долго устранился, а потом стал оглядываться.

Нас он заметил сразу. Вытянув шею, глухарь обстоятельно рассматривал невесть откуда появившийся на поляне серые тени. Разглядывал долго, у нас затекли ноги. Успокоился и принялся шелкать. Но как-то робко. Чем-то мы ему все-таки не понравились. Взмахнул крыльями и улетел.

Делать нечего — идем дальше. Неподалеку раздался громкий треск. Явственно донеслось хлопанье крыльев. Дралась самцы, шел извечный спор в природе за даму сердца. Подойти напрямик не решились, перебежками обогнули поляну. Я глянул из-за куста в бинокль.

На опушку леса вышел глухарь. Он не остыл после горячей стычки и весь вздрагивал. Чуть успокоившись, захлопал крыльями и пошел по поляне, именно пошел — важно, по-хозяйски. Вдруг подпрыгнул и разом распустил хвост,

черный веер с белыми прожилками. Теперь он был при полном параде. Красавец-парень, первый шеголь по тайге. А перед кем же он так расфуфырился? Ищу в бинокль самочку. Ага, вот она где. Сливаясь окраской с прошлогодней листвой, пестренькая курочка суежилась возле болотной кочки. Вся она была какая-то маленькая, неприметная, полная противоположность своему галантному кавалеру. Глухарь подавлял подругу великолепьем брачного наряда. И, полностью уверенный в своей неотразимости, он, не оглядываясь, пошел к лесу. Дошел, не выдержал, оглянулся. И что же? Глухарка, оказывается, и глазом не повела, словно не для нее был затеян весь этот торжественный церемониал. Мигом слетела с глухаря вся его чопорность. Он взмахнул раз-другой крыльями, сделал короткую энергичную пробежку и стал что-то взволнованно говорить своей подруге. Видимо, речь была убедительной. На сей раз к лесу они шли вдвоем: она впереди, он чуть-чуть сзади.

Урало-сибирскую тайгу трудно, просто невозможно представить себе без глухаря, так же как пустыню без верблюда, джунгли без обезьян и попугайчиков. О глухаре слагают песни и стихи. Я позволю себе привести полностью стихотворение автора нашего журнала поэта Олега Покребышева, которое звучит гимном этой древней птице.

*Как тяжело взлетают глухарь,
Какие тратят страшные усилия,
Чтоб,
На земле свое отговорив,
О жизни спеть
Поближе к небу синему!
Роня между ветками перо,
Они при взлете разорвутся, кажется:
Ведь каждый —
Как огромное ядро
По гулкости
И по чугунной тяжести.
А все-таки взлетают —
Напролом —
И, выбрав ель потолще,
Поупористой,
Поют о счастье,
Лишь о нем одном,
И никогда —
О тяжестих и горестях.
Я знаю: не увидеть, как слепцу,
Охотнику, что замер над стволиною,
Какого взлета стоила певцу
Та песня —
Глуховатая,
Недлинная.*

А сейчас пора от лирики перейти к суровой прозе. Часто ли удается увидеть глухаря даже тому, кто постоянно дружит с лесом? Наслышаны о глухаре все, а большинство знакомы с ним лишь по рисункам да кинофильмам. И не только в том дело, что птица эта чуткая, боязливая. Просто мало стало ее. Еще в тридцатых годах, даже позднее, на уральских токах собиралось по 30—40 штук, свадьбы устраивались с царским размахом. Сейчас богатыми считаются игрища, если в них участвует 10—15 глухарей.

Что это — еще один довод в пользу тех, кто доказывает, что цивилизация и природа несовместимы? Горько сетуя на оскудение лесов, ждаль, когда глухаря занесут в «Красную книгу» — книгу исчезающих с лица земли редких животных?

Можно часами дискутировать на эту тему, благо жизнь подбрасывает в топку спора все новые охапки фактов, в основном, негативных. Можно поступить проще, как это делает охотвед Иван Иванович Скутин. Помочь глухарю выжить. Нет, его задача, пожалуй, потруднее: доказать, что человек не только не враг, а друг всему живому.

До села Шогрыш, где живет Иван Иванович, от Свердловска с его более чем миллионным населением, рукой подать,— каких-нибудь километров девяносто. Совсем под боком промышленный город Артемовский. Где тут, кажется, зверю держаться? Между тем, в лесных угодьях Скутина водится (не откажу себе в удовольствии перечислить) лось, косуля, заяц, куница, бобр, ондатра, рябчик, серая куропатка, глухарь.

Так вот о глухарях.

Да, глухаря стало меньше. Прежде всего гонит его с насиженных мест звук топора. Хотя надобно оговориться, что глухарь вовсе не такой уж любитель дикого нетронутого леса. Напротив, замечено, что численность его возрастает, если при рубке остаются не столь уж малые участки высокоствольных деревьев. Но кто, скажите, думает о глухарях, когда в лес под визг пил и ляганье тракторных гусениц вторгается его величество план.

Есть у птиц естественные хищники, но самый злостный — человек. Во время короткого привала Геннадий достал из кармана пищик. На призывную трель тотчас прилетело трое рябчиков, они заметались буквально над нашими головами. Зов крови был сильнее извечного страха перед людьми. Попади на глухариный ток злой человек, уйдет с полным рюкзаком, Ну, а о браконьерах речь впереди.

Есть еще одна причина, менее видимая, но не менее важная. Трудно стало птице жировать. Рубка леса и ирригационные работы сушат богатые клюквой болота. Раньше боровая дичь паслась на стерне, подбирая колоски. По новой агротехнике земля сразу после уборки хлебов идет под зябь. Как прилетит голодная птица в поле, так несолоно хлебавши и улетает.

Лет десять назад Скутин надумал подкармливать глухарей. Друзья отговаривали его от вздорной идеи, ссылаясь на мировую практику. Всем известно, что легче приручить царя зверей — льва, чем глухаря. Ссылка на мировую практику Скутина, признаться, не волновала, так же как и слава первооткрывателя. Он видел, что тока пустеют, птица голодает и кроме как от человека помощи ей ждать неоткуда.

Поначалу Иван Иванович стал разбрасывать близ леса снопы, но сразу же понял бесплодность затеи. Снопы заносило снегом, да и попробуй определи, кто лакомится зерном: вездесущая ворона или запасливый бурундучок. Следующий этап поисков — простые навесы в лесу. Но и их не шадил буран.

Сейчас кормушка для глухарей двухъярусная. Верхний навес служит лишь прикрытием от снега, на нижнем, основном,— колосья пшеницы и овса, гроздь рябины. Рядом порхалище — неглубоко выкопанная яма, лесная баня глухаря. Тут же и галечник. Камешки в зобу, что жернова, перетирают пищу и естественной мельнице время от времени требуются «запчасти».

Каждое утро я проходил мимо кормушек и могу засвидетельствовать лично: глухарь привыкли к лесным домикам. В бинокль любопытно наблюдать, как глухарь разрыгает ногами солому, отыскивая зерно. Точь-в-точь как курица.

Зерно для корма заготавливают егери. В распоряжении Скутина четыре егеря, тракторист, «Беларусь» с тележкой. Пашут, сеют, жнут на лесных делянках, привозят соль, комбикорма — много забот у современного егеря.

Глухарь благодарно отзывается на человеческую заботу — в хозяйстве насчитывается 1100 глухарей.

А теперь к разговору о браконьерах. Об этом столько пишется, что иных, возможно, сомнение берет: так ли уж велик в лесу вред человека с ружьем, не появилась ли в журналистике мода на браконьеров. Если бы так. Коротенькая справка: за один только 1975 год Скутиным отобрано у браконьеров сорок ружей. Вред от браконьера, впрочем, измеряется не только количеством убитой им дичи, последствия куда более серьезные.

...Незадолго до поездки в Шогрыш я побывал в Чехословакии. Автобус шел по оживленной магистрали Прага — Пльзень.

— Смотрите, зайцы,— закричал кто-то обрадованно.

Все высypали из машины. Метрах в двухстах от шоссе, по которому беспрерывно мчались авто, резвилась семейка лопухих. Заслышав крики, вожак сел на задние лапы, повел ушами, недоумевая, почему их незатейливые игры собрали столь почтенную публику, а потом спокойно присоединился к собратьям.

Не смешно ли: приехать с лесного Урала в густонаселенный центр Европы, чтобы любоваться зайцами? Не столько смешно, сколько грустно.

Помню, в детстве не раз на дню замирало сердце, когда буквально из-под ног выскакивал зазевавшийся, тоже до смерти напуганный косой. Сейчас о встрече с зайцем рассказывают как о редкой удаче.

Трудно стало жить зайцу. И не только ему. Толпами сходят с электрочек туристы и охотники и, почитай, у каждого второго собака. Лайки, бульдоги, овчарки, таксы, борзые... Встретится неокрепший зайчонок, тетеревиный выводок — не убежать от разномастной своры. Лес буквально прочесывается, очищается от всего живого. И весной, и летом, и осенью, и днем, и ночью — нет покоя лесному населению.

На станции Сагра, где я постоянно бываю, чуть ли не на каждое дерево прибита табличка: «Выводка и натаскивание собак строго запрещены. Охота строго запрещена». И никакими охрано-организационными мерами таблички не подкреплены. Вся энергия, все время тех, кому положено следить и наводить порядок в лесу, тратятся на эти грозные предупреждения.

Многие беды проистекают от того, что человек в лесу чувствует себя эдаким разгулявшимся мелким купчиком, исповедующим принцип: чего нельзя в городе, то можно на природе. Пустит собаку на все четыре стороны, включит на полную мощность транзистор, выпьет для бодрости стакан вина или чего покрепче, скинет с плеча ружьишко и чувствует себя «на свободе». Берегись, зверь и птица, — идет окультуренный питекантроп!

У Ивана Ивановича глос прерывается, когда речь заходит о горе-туристах, горе-охотниках. Жаль, что нельзя привести эпитеты, которыми он их награждает. Они точные, сильные, но не облечены в литературную форму.

— Едем мы как-то вдвоем. Слышу — выстрел. Дело было весной, любая охота запрещена. Соскакиваю с телеги, бегу. Выскочил на поляну. Вижу — стоит мужик с ружьем, в руках утка. Улика налицо. Увидал меня, — я был в форме, — задрожал от злости и взвел курок.

— Стой, — кричит, — не подходи, убью!

А я только тут обнаружил, что впопыхах забыл винтовку. Повернуться, уйти? Нельзя, один раз струсишь, сарафанное радио вмиг разнесет по всей округе, и лучше тебе в лесу не появляться. Была, не была! Иду, как в атаку.

— Тебе не приходилось идти под ружьем, на тебя нацеленным? И не приведи, господи. Потом он может в сотый раз будет проклинать себя, что спустил курок, а тебе

от этого легче? Смотрю ему прямо в глаза и иду. Твердо, спокойно, хотя у самого все внутри кипит. Не выдержали у того нервы, бросил ружьишко и бежать. Ну уж тут-то я его, миленького, скрутил. Помял его маленько. Знаю, что не полагается, а до того ли мне было в ту минуту? Инспектором пожарной охраны оказался. Из Артемовского.

Потрескивает огонь в костре. Бродит по верхушкам деревьев ветер, и они негромко, беспокойно гудят. Иван Иванович прикуривает от головешки и, погрузившись в воспоминания, покачивает головой, словно сам удивляется тому, что пережил. Нет, никак не скажешь, что у егеря, если он настоящий егерь, мирная профессия. Поймал как-то Скутин двух браконьеров с сетями, один из них сбросил фуфайку и с топором бросился. Пришлось прямо над головой дать отрезвляющий выстрел — подействовало.

Однажды ночью завизжал в ограде Барин — верный страж дома. Скутин — ружье в руки — выскочил. Увидев тень, два раза подряд выстрелил в воздух. Ночной визитер оказался злым браконьером. Решил отомстить за крупный штраф. Собаку спасти не удалось.

И все-таки из всех случаев наиболее памятен егерю один. Чтобы рассказать о нем, пора вывести на сцену новое действующее лицо... Ларионов Николай Алексеевич, участковый уполномоченный.

Участок — его можно по-разному понимать. Село — это, мол, да, а вот, что происходит за околицей — это милицию не касается. Для Николая Алексеевича браконьер, что хулиган — и тот, и другой нарушает законы общества. Так вот, о том случае.

Осенним поздним вечером возвращался Скутин домой на мотоцикле. Смотрит, лучи света по полям, как прожекторы, рыскают. Есть и такой вид браконьерства. Ослепят фарами бедного зайца, и пока он соображает, что к чему, — тут и приходит его последний час.

На полной скорости Скутин примчался к Ларионову. Тот уже спать собрался. Выехали вдвоем. Приглушили мотоцикл у леса, ждут. «Газик» возвращался с потушенными фарами. Иван Иванович стал с ружьем посреди

Хорошо, когда есть крыша над головой, хотя бы такая, как тракторный вагончик. Подобный порядок, точнее беспорядок, который вы видите на снимке, принято называть живописным.

дороги, Николай Алексеевич чуть поодаль, в тень деревьев.

Выскакивает из машины человек и Скутину:

— Ты что дорогу загородил? Освободи.

— Вы почему занимаетесь браконьерством? — спокойно спрашивает Иван Иванович.

Для тех, кто дружит с лесом, кто связан с ним профессией, лошадь — незаменимый «вид транспорта». На снимке: охотовед Иван Иванович Скутин (слева) и участковый уполномоченный Николай Алексеевич Ларионов.

— Да знаешь ли ты с кем разговариваешь? Вот тебе удостоверение — читай!

Ох, уж эти красивые книжечки! Не так уж мало среди их обладателей таких, которые, получив ее, считают, что они пожизненно причислены к рангу избранных и законы писаны не для них. Книжечка удостоверяла, что ее владелец — Сыропятов Александр Николаевич — является заместителем председателя Артемовского райисполкома. Хозяин района, на территории которого расположен, кстати, и Шогрыш. Сыропятов несколько поутих, когда достали из багажника завернутого в мешок зайца.

Новости в деревне расходятся со скоростью радиоволны. На другой день приехал Сыропятов по делам в Шогрыш, зашел в столовую, Нина, буфетчица, приветливо пригласила его к столу.

— Отведайте, Александр Николаевич, зайчатинки. Слышали, наверно, Скутин у браконьеров отобрал. Очень вкусная, доярки ели, в голос нахваливали.

Самолюбие — вещь опасная. Как тут смириться, когда твой, можно считать, подчиненные подрывают авторитет? Позвонил Сыропятов кому следует, мимолетно упомянув, что Скутин и Ларионов были пьяными при исполнении служебных обязанностей. И завертелось колесо в обратную сторону, действующие лица поменялись ролями. Как водится, прибыла комиссия, потребовала объяснений. Заяц и незаконное ношение оружия (у Сыропятова не было разрешения на мелкокалиберную винтовку) незаметно отошли в сторону, как второстепенные детали. С большим трудом все встало на свои места.

Стоит ли умиляться, что справедливость восторжествовала? Не лучше ли задуматься, почему столь важная для государства природоохранная должность является чаще всего объектом внимания сатириков и фельетонистов? Начать с того, что зарплата у него меньше, чем у кладовщика скромной базы, хотя егеря по сути хранитель огромных материальных ценностей, которые к тому же нужны не только нам, но и потомкам. И не оттого ли на эту должность идут либо пенсионеры и инвалиды, либо рвачи, которые считают, что уже сам уровень зарплаты предполагает известную предприимчивость.

Энтузиастам, вроде Скутина, приходится нелегко. Штаты неполные, надо самому латать прорехи. Заранее прошу прощения у Ивана Ивановича и его супруги, что предаю гласности сцену, свидетелем которой довелось быть. Иван Иванович предполагал в этот день вернуться домой за светлом, но дела задержали. Анна Кирсантьевна встретила угрюмо:

— Сама не знаю: есть ли у меня мужик в доме или нет? Скотина не поена, дрова колотить некому, сено, как привезли, так и лежит на земле. Ты квартирант или хозяин?

Иван Иванович устало сидел на скамейке и с мужской покорностью кивал головой. Не успевает он на два дома (лес, как ни крути, второй дом), вот и приходится чем-то жертвовать.

А ведь если поглубже вникнуть, не должен Скутин в одиночку думать свою невеселую думу. Забота о природе должна прежде всего коснуться тех, кто ее охраняет. Всеми рычагами, которые есть в распоряжении у общества, надо ломать потребительское отношение к природе. Я снова обращусь к Чехословакии.

Чтобы стать в ЧССР охотником, надо в обязательном порядке посещать десятидневные курсы, после чего государственный экзамен. Охотника-одиночку практически не встретишь, в лес выходят партиями, под руководством егеря. При таком порядке, как легко догадаться, нормы отстрела соблюдаются неукоснительно. У нас же очень

часто единственный контролер — совесть, хотя у иных, что скрывать, она безразмерная. Только самому охотнику и ведомо, сколько и какой дичи он уносит в рюкзаке. Учет и контроль, важнейшие принципы социалистического хозяйствования, оказались почему-то мало популярными применительно к лесным богатствам.

В ЧССР вам незамедлительно выдадут справку, скажем, такую: в стране насчитывается 16 медведей, 286 волков, около 1800 тысяч зайцев. Разумеется, масштабы наших государств несоизмеримы, но точность статистики во всяком случае заслуживает подражания. Любопытно, что на каждого медведя заведено «персональное дело», в которое заносятся сведения о месте его зимовки, районе обитания, увеличении потомства и т. д. Лицензия дается в порядке исключения, в ней оговорена плата за право выстрела. Спустил курок, и плати немалую сумму, независимо от того, попал ты в медведя или пальнул в белый свет. Точность статистики, в которой, подчеркну, активно участвуют сами охотники, позволяет разумно регулировать численность животного мира, не допуская перекосов.

Сдают экзамены в ЧССР и рыболовы-любители. Они также посещают курсы, им выдают специальный билет. За ловлю мелких экземпляров, не достигших кондиционности, за превышение улова — штраф до 500 крон (около 40 рублей). Деньги от взносов и штрафов идут на воспроизводство рыбного стада.

Разумеется, нельзя механически переносить, копировать опыт. Но не следует и отмахиваться от него, чересчур ссылаясь на специфику и особенность нашей страны. В той же Свердловской области рыбаки все чаще сетуют на скудость водоемов, видя главную беду в интенсивности промыслового лова. А вот цифры. В прошлом году промысловые артели в целом поймали 8 тысяч центнеров рыбы, любители — 10 тысяч тонн. А если тонны перевести в количество пойманных рыб, цифра вообще астрономически распухнет, ибо трудяга-любитель уносит домой даже таких, которые не превышают размером спичечный коробок. Свердловское правление общества охотников и рыбаков, в частности, думает закрепить большие водоемы близ Свердловска за заводскими коллективами. Шаг разумный, но, честно говоря, запоздалый. Армия рыболовов растет в геометрической прогрессии и, если каждый будет лишь брать у природы, ничего не давая ей взамен, скоро можно будет или забрасывать удочку в воду или спокойно положить ее рядом на берег — результат окажется одинаковым.

Фраза «сохранить живое в природе» вообще звучит сегодня не столь привлекательно, как идущие ей на смену более активные глаголы: восстановить и приумножить. Примеров тому, к счастью, немало, и я снова вспоминаю Скутина.

Хозяйство, в котором он работает, именуется Бобровским. А бобров до семидесятых годов здесь и в помине не было, даже старики не помнят. Но когда-то жили бобры в этой речке — речке Бобровке! В 1971 году выпустили 23 зверька-переселенца, через год — еще десять. Ныне их около сотни.

На очереди пятнистые олени. Давно лелеет эту мечту Иван Иванович. В ближайшие год-два завезут в Шогрыш гостей с Дальнего Востока. Как-то они приживутся? Новые хлопоты... «Сам себе работу ищет», — довелось мне как-то слышать ироническую реплику в адрес Скутина. Это вообще, наверное, свойство настоящего человека — взваливать ношу потяжелее. Один живет лениво, отбрыкиваясь, как молодой жеребенок, от забот и проблем, другой понимает,

что мир несколько больше, чем его собственный дом, пусть и с тремя окошками на улицу.

Меняется, хотя и не так глубоко, как бы хотелось, отношение человека к природе, меняется и отношение природы, прежде всего, животных к человеку. Давно, скажем, перестали быть сенсационными заметки о лосях, которые все чаще навешают большие города, беззаботно разгуливая среди машин и трамваев.

В том же Бобровском хозяйстве, которое расположено на 109 тысячах гектаров, есть заказник. Он не выделен никакими естественными рубежами. В заказнике запрещена всякая охота в любое время года. И остается только гадать, каким образом лоси могли догадаться, что эти маленькие столбики, означающие границу, берегут их жизнь. Ночью они спокойно разгуливают по всему хозяйству, а чуть забрезжит, бегут домой, в заказник.

— Взяли мы однажды лицензию на отстрел лоса, — рассказывает Ларионов. — Только вошли в лес, выбегают из заказника, как в сказке, четыре зверя. Крупные, как на подбор. Взвели курки, ждем. И надо же, не добежали они до столбика метров пятьдесят и остановились. Во мне азарт, кричу Ивану Ивановичу: давай команду. А он: нет, мужики, они еще, сами видите, в заказнике. Перейдут границу — ваше счастье, нет — стрелять не дам, а убьете — акт составлю. Лоси постояли, посмотрели на нас и повернули обратно. Ну, и нам пришлось пойти домой бо-вояси.

В вековой цепочке человек — природа, в отношении человека с животным миром входит новое, пока еще зыбкое, которое, наверное, можно с известной условностью обозначить как доверительность. А доверие, как известно, не бывает односторонним, и главенствующим в этой связке должен быть человек.

...В последний раз мы разожгли костер возле тракторного вагончика, который успели обжить и полюбить. Зрелая к ночи, а расходиться-разъезжаться не хочется. Объединил, сдружил нас лес, и не мне одному казалось, что он сейчас не просто шумит, он разговаривает с нами, как равный собеседник, внимательно и дружелюбно слушает, что говорят о нем сидящие у костра люди.

Погас костер. Привычно прыгнули в седло охотовед и уполномоченный, застоявшиеся кони рванули в галоп и растаяли в темноте. Из-за поворота донеслось: «Темная ночь... Только ветер гудит в проводах...»

Любимая песня Ивана Ивановича Скутина.

ПОДАРОК ПЕЩЕРЫ ТАЙН

См. 2-ю стр. обложки

**Виктор
МЕЛЬЦОВ**

Вход в пещеру открывается объемной аркой высотой до восьми метров. В глубине скалы виден просторный вестибюль, освещенный утренним рассветом...

Скидываем с плеч поклажу и удобно устраиваемся на глыбах известняка, уже под каменной крышей. Одеваем выдавшие виды комбинезоны, каски и шахтерские лампы. Каждый четко выполняет свои обязанности. Петр Матвейчук, наш начальник, настраивает психометр, измеряющий влажность воздуха, и уже через несколько минут мягкое журчание прибора наполняет грот; этот звук в течение нескольких лет сопровождает нас во всех исследуемых пещерах. Студент Сережа Волков разворачивает аппаратуру. Володя Вахрушев по-хозяйски устраивает очаг, достает продукты.

Петр первым уходит в пещеру. Через каждые десять метров он делает замеры. Я иду поодаль, потому что дыхание второго человека вредит показаниям прибора. Температура постепенно повышается до плюс пяти градусов.

Весь свод лаза покрыт бахромой ледяных кристаллов. По очереди ныряем вниз головой. Колени упираются в острые углы щельки, ледяная крошка осыпается за шиворот. Бр-р...

Вползаем в высокую извилистую галерею, из которой уходят небольшие тупиковые входы. Петр первым залез в грот и кричит: «Давай сюда!» Зов возбужденный, нетерпеливый. Пробираюсь к нему и вижу в руках у него два предмета по полметра длиной. Первое, что успеваю заметить, — торчащие хищные клыки. Медвежьи черепа! Вот это находка... Они в комьях буро-красной глины — ее не трогаем: может разрушиться сам череп. Несколько лет ждал я этого момента! Казалось, всю пещеру осмотрели в предыдущий раз — и ничего, кроме разрушенных костей... А тут целых два черепа, да еще хорошей сохранности.

В гроте вырыта яма глубиной до метра. Подчищаю стенки. Сверху увлажненная глина покрыта панцирем твердой известковой корочки — древние отложения, и они буквально напигованы медвежьими костями в анатомическом беспорядке. Я на-

брал изрядную кучу останков. Замечаю одну особенность: много небольших челюстей с молочными очень крупными зубами и клыками. Что это? Говорит ли это о том, что медведи вымирили в малом возрасте? Или пожирали своих слабых сородичей, что встречается и у современного медведя? И вообще, какой давности эти находки?

Археолог О. Н. Бадер утверждает, что пещерный медведь окончательно вымер 12—15 тысяч лет назад. Судя по находкам у нас в стране и за рубежом, медведь имел самое тесное отношение к пещерным людям. Доисторический человек, как и звери, вынужден был устраивать жилища в пещерах. Туда его загоняла стужа, и он мирился с вечным мраком, температурой чуть выше нуля и атмосферой до предела наполненной влагой, с постоянной опасностью обвалов, внезапных наводнений, с угрозой нападения хищников — того же пещерного медведя, имевшего клыки в двенадцать-сантиметров длиной. Но человек и тогда уже был сильнее всех живых существ. Пещерный медведь служил источником пищи и одежды. Удивительно реалистично изображал первобытный человек это косматое чудовище в наскальных рисунках. А в некоторых пещерах сохранились до нашего времени странные каменные ящики, наполненные медвежьими черепами...

Останки этих животных находят и в пещерах Урала. Наиболее уникальные скопления костей и черепов обнаружены при археологических раскопках в пещерах Кизеловская Медвежья и Тайн на Среднем Урале.

Нашим отрядом геологов были обследованы обе эти пещеры. В первой, после многочисленных детальных раскопок, не осталось ни косточки. Зато вторая порадовала обилием костных останков — ими буквально усеяны полы коридоров и гротов. Попадают мощные зубы древних лошадей, мелкие косточки грызунов, останки скелетов медведей.

Свои находки мы бережно упаковываем в рюкзаки. Как говорит наш Петр: «Программа минимум на сегодня сделана. Едем в следующую дыру».

ЗЕМЛЯ ПИЛОТА

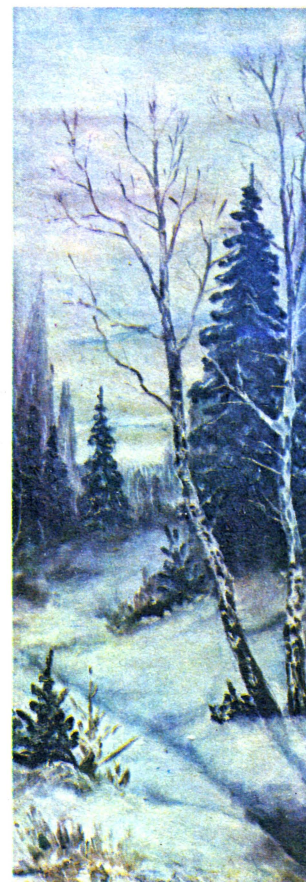
**Алексей
НАГИБИН**

Тысячи и тысячи километров налетал Александр Алексеевич Романовский на самых разных самолетах: на «По-2», «Ли-2», «Ан-8». Но больше всего нравился ему неприхотливый «Ил-14», на котором ему доводилось выполнять самые неожиданные задания.

Много замечательных людей повстречал Александр Алексеевич на своем пути. Были среди них знаменитые летчики, наши космонавты. На память об этих встречах остались у Романовского фотографии с автографами, сувениры.

Нередко Александр Алексеевич берет в руки кисть, и появляются на полотне заветные уголки, куда стремится сердце пилота, места, где он уже побывал.

Вышел в отставку подполковник Романовский. Больше стало свободного времени. И больше новых картин. Ни на одну выставку не представлял летчик свои работы: пишет их для себя, для души...

Поэзия ножниц и бумаги

Творческий путь художника-дизайнера Нэли Карклин не велик. Не суждено было осуществиться многим ее замыслам, но то, что она успела сделать, очень интересно. И прежде всего это работа по исследованию возможностей конструктивных качеств различных материалов. Особенно бумаги, которая обеспечивает быструю реализацию замысла художника. Вырезки Нэли Карклин, сделанные без предварительного эскизирования, — результат импровизации. Они лаконичны и немного напоминают линогравюру. Сюжеты вырезок — сказки, жанровые сценки, портреты людей.

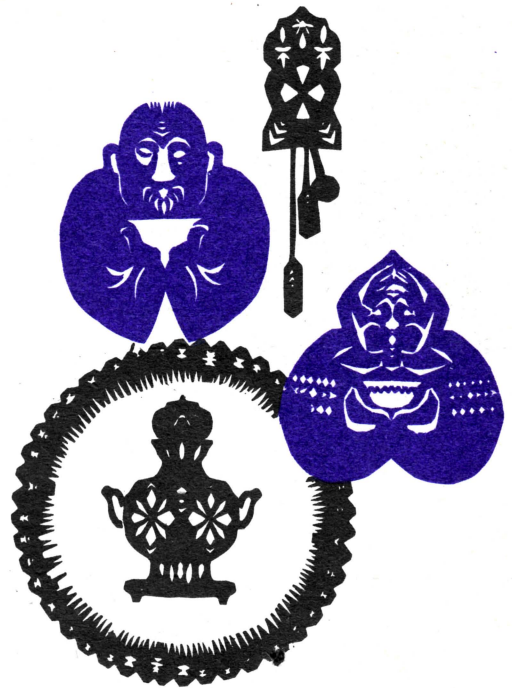
Иные возможности раскрывает фольга. Эксперименты Карклин с фольгой увенчались разработкой большого альбома самоделок — елочных украшений из этого дешевого и эффектного материала.

Достоинство альбома в том, что, обращаясь к мысли и воображению детей, он вовлекает их в творческий поиск, приобщает к художественному конструированию.

На этих страницах представлены лишь некоторые из работ Нэли Карклин.

Татьяна
ЛИХАЧЕВСКАЯ,
искусствовед

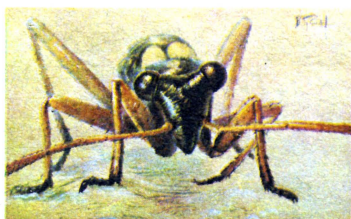

В. С. Гребенников с акварелью «Шмель у капли меда»

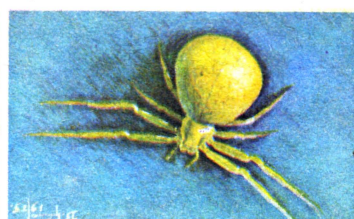
Фото Юрия Лушина

Бескрылая оса

Хищный клопик

Паук-краб

Жук-скакун

Фото Геннадия Кустова

ГРЕБЕННИКОВ

**Анатолий
ПОЛЯКОВ**

На этот раз Сергей Максимович, крупный руководитель, возвращался из Москвы на поезде, а не самолетом, как обычно. До областного совещания, на котором он непременно должен был присутствовать, время еще оставалось, и Сергей Максимович, встретившись вечером в гостинице с помощником, сказал ему:

— На поезде поедem. Впрочем, вы — как хотите. Можете лететь. А мне возьмите билет на поезд. На вторник.

...В купе их оказалось трое: он с помощником и академик из Сибири. Помощник хотел, чтобы они с Сергеем Максимовичем ехали в купе вдвоем. Но в последний момент позвонили и, извинившись, сказали, что пришлось продать еще один билет — известному ученому.

Академик, проснувшись на другой день, выпил стакан чаю и засел за книгу.

Сергей Максимович тоже читал, что попало под руку. Курил и думал. Потом сказал:

— Не мешало бы, понимаете ли, пообедать. Обедали все втроем, в купе. Тут они и разговорились.

Поезд, скрипя тормозами, остановился. В динамике пробулькало:

— Наш поезд прибывает на станцию Городок. Остановка две минуты. Помните об этом, товарищи пассажиры!

— О! Городок, в котором живет Гребенников. Вы знаете его? Как я понял, это ваша область. Удивительный человек!..

— Да, да, это уже наша область... Знаю-знаю я, конечно, Гребенникова... Встречался, беседовал...

Сергей Максимович, мягко говоря, был не точен. О Гребенникове он был наслышан, но не встречался с ним и, тем более, не беседовал.

— Сто раз, небось, я мимо Городка ездил, а все не замечал его, не знал даже, — академик разговорился: — А Гребенников — удивительный ученый. Недавно прочитал его статью о меллибиях. Я — физик, вообще-то. Но он меня увлек. Это не статья, а прямо детектив увлека-

тедьный. Даже завидно стало: как точно ведет эксперимент, как умеет писать!..

— Да, да! Ученый он серьезный, — Сергей Максимович был ошарашен. Он не знал, как себя вести, как поддержать разговор.

— Статья о меллитобиях — чисто просветительская, согласитесь, — академик хотел разговорить собеседника, узнать от него, земляка ученого, что-нибудь новое. — А его работы о доместикации шмелей, о привлечении к полезному делу антофилов, сулят, согласитесь, немалые выгоды. Это уже прикладная энтомология!..

— Вы правы, конечно, — Сергей Максимович не знал, что еще сказать.

Он не был профаном. Кандидат наук, он, конечно, знал, что такое энтомология и доместикация. Но поддержать разговор о трудах своего земляка не мог. Ему не раз докладывали о просьбах и жалобах Гребенникова. По этим докладам, по входящим и исходящим бумагам, которые приходилось просматривать или на ходу подписывать, руководитель уяснил себе, что некто Гребенников — фанатик, или даже фантазер, требует невозможного, отрывает от дел... «И что дался этому академику Гребенников? — горько думал Сергей Максимович. — Может, я недоучел что, мало интересовался энтомологом из Городка?»

— В Москве был на выставке Гребенникова. Это совершенно потрясающее зрелище! Ничего подобного я не видел, — академик уже добивал «лежачего». — Вы, полагаю, знаете его картины, устраивали у себя в областном центре его выставки?

Руководитель только вздохнул, ничего не ответил. А что он мог ответить? Он только вспомнил, что когда-то согласился с мнением товарищей не устраивать выставки. «Нужна ли такая выставка? — помнится, говорили ему. — Блошки, вошки, тараканы!..»

Академик, впрочем, и не ждал ответа, а продолжал говорить и говорить:

— Вот и я думаю: в чем Гребенников более талантлив? Как энтомолог, как писатель или как художник? Поразительно! В наш век узкой специализации быть таким универсальным! Мы имеем дело, полагаю, с феноменом: в одном человеке так плодотворно сочетаются многие способности! Городок этот, полагаю, заштатным будет долгие годы. А вот Гребенников сделал Городок известным. Даже прославил его, я бы сказал. И прославил на весь мир. А что, вы не согласны? — Сергей Максимович усмехнулся, и академик, заметив это, пошел в наступление, решил доказать, что он прав: — О Гребенникове пишут всюду. Это читается и за рубежом. И его научные труды известны, полагаю, за границей. Нет-нет, — не спорьте: ему достаточно было

быть только популяризатором науки, чтобы прославиться. А он еще и энтомолог известный, и анималист удивительный!..

На этом академик и закончил свой монолог. Умолк он так же внезапно, как и начал. И было ясно, что он не ждет ответа: высказал свое, а мнение собеседника его уже не интересовало. Или он понял, что попутчик не хотел с ним говорить на эту тему?

Сергей Максимович в душе обрадовался, что разговор закончился — хватит ему на сегодня этого Гребенникова!..

Помощник не проронил ни слова. Но он понял, почему его шеф, обычно словоохотливый, не поддержал академика, и поэтому в машине, по дороге с вокзала, спросил Сергея Максимовича:

— Гребенникова пригласить на пятницу или на понедельник?

— Да-да, непременно. Лучше на понедельник. Выберите там свободное время... И подготовьте мне справку: что он писал, понимаете ли, где о нем написано и все такое...

В понедельник утром Виктор Степанович Гребенников приехал в областную центр.

С четверга, когда ему передали, что его вызывает сам Сергей Максимович, он думал об одном — зачем он понадобился большому начальству? Или это начало добрых перемен, или, наоборот, опять то же самое?.. Устал он так жить. И все перед ним стена, стена... Никто не хочет его понять.

Невеселыми, в общем, были думы Гребенникова в эти дни, вот сейчас, когда он, гуляя по улицам, ждал назначенного часа.

Ровно в 14.30, скоротав пятнадцать минут в коридоре, Гребенников вошел в приемную. Ждать пришлось недолго: помощник, выждав минуту, вошел в кабинет, через минуту вышел, молча посидел минуту и затем сказал, указывая на дверь:

— Прошу. Сергей Максимович ждет вас.

— Здравствуйте, Виктор Степанович, здравствуйте! — хозяин кабинета вышел из-за стола, подал руку, подвел к креслу, сам сел напротив и, как бы обдумывая, с чего начать разговор, долго смотрел на Гребенникова.

О чем он мог подумать, изучая Виктора Степановича? «Не здоровяк, не здоровяк. Даже явно больной человек. Вид усталый, изможденный, можно сказать. И видит плохо — какие толстые стекла очков! Однако при модной бороде, понимаете ли. Как и все эти интеллектуалы. Одет не с иголочки. А хотя мог бы и... Или все деньги тратит на микроскопы?..»

— Слежу за вашей деятельностью, Виктор

Степанович, — наконец начал он разговор. — Много, чрезвычайно много, понимаете ли, вы пишете. Как Лев Толстой, — шутка не получилась, и Сергей Максимович поморщился. — А о вас сколько пишут? Всюду и везде, помногу и понемногу, и за границей, понимаете ли, — когда Сергей Максимович говорил твердо, директивно, что ли, желая подчеркнуть, что вот это — его указания, с его языка срывалось пресловутое «понимаете ли». И сейчас он снова поймал себя на этом.

— Вы говорите так, будто это очень плохо, что я много пишу? — прервал его Виктор Степанович. — Будто и я виноват, что обо мне много пишут в последнее время?

— Да-да, именно так. Кое-кто считает даже, что вы пишете исключительно ради гонораров. Я этого не говорю... Но такие сигналы нам поступают, понимаете ли.

«Боже мой, что он говорит? Какие гонорары?! Если бы он знал о моих заработках! — горько подумал Гребенников. — Зачем я все это слушаю? Или хлопнуть дверью — уйти из кабинета? Таблетку бы сейчас...» — Гребенников прикрыл очки ладонью, сжался весь, ожидая, что хозяин кабинета вот-вот снова заговорит.

Но Сергей Максимович вдруг замолчал. Небось, уже две минуты прошло, а он молчал. Или понял, что круто больно начал беседу и обдумывал, как теперь ее повернуть?

— Оставим эту тему. Вы все это имейте в виду, понимаете ли, но поговорим о другом. Вот вы утверждаете, Виктор Степанович, что антофилы помогут нам в десять раз повысить урожайность клевера. Так?

— Именно так. Я не просто утверждаю, но и берусь доказать это. Да кое-где уже доказано — выращивают такие урожаи!..

— Выходит, наша отработанная технология производства регрессивна, ни к черту не годна? Значит, тысячи ученых и практиков не смыслят в том, чем обязаны заниматься? А вот вы взяли и сделали открытие, но вас ведь не слушают...

— Я не говорю, что нынешняя технология производства клевера плоха. Она, может быть, и оптимальна на уровне тех условий, которых придерживаются. Этих проблем я не касаюсь. Я подчеркиваю вот что. Антофилы созданы природой для опыления энтомофильных растений. Исключительно. А их, шмелей и одиночных пчел, немного осталось уже на земле. Не так ли?

— Да-да, конечно. Только культурные пчелы остались...

— Культурные пчелы неохотно летят на люцерну или красный клевер. У них хоботок короткий! А у шмелей и диких пчел в этом главное назначение. Вот развести их вокруг клевериц — и урожай поднимется в 10—13 раз!

— Любопытно, очень интересно, понимаете ли. А как вы себе мыслите добиться такого?..

Беседа затянулась. Уж три раза звонил из приемной помощник. Хозяин кабинета отвечал ему по телефону:

— Спасибо, не забыл...

— Я ему позвоню...

— Отложите еще на полчаса...

Должностные лица, с какими приходилось сталкиваться Гребенникову, обычно не хотели вникать глубоко, не очень-то слушали доводы и аргументы. Только среди друзей или ученых-коллег Виктора Степановича были такие хорошие и понимающие слушатели, какого неожиданно встретил он и в лице Сергея Максимовича.

Хозяин кабинета вообще-то был умным и удивительно любознательным человеком — этого у него не отнимешь. Если выпадал случай узнать то, что он не знал, он не упускал такой случай. Он был крут и привык повелевать, но умел и прислушиваться к иным мнениям, не стеснялся задавать вопросы, спрашивать, если чего не знал.

Гребенников рассказывал и рассказывал. Обо всем он рассказал Сергею Максимовичу. И о работе своей, и о себе, и о жизни... И расставание было уже иным. В дверях кабинета, пожимая руку Гребенникову, Сергей Максимович сказал:

— Рад был с вами познакомиться, Виктор Степанович. Спасибо, просветили вы меня хорошо, понимаете ли.

А Гребенников в тот период опять оказался... у разбитого корыта. Дело, которому он посвятил долгие годы, не найдя поддержки, без высокого покровительства захирело вовсе, стало предметом насмешек иных «учителей жизни».

И тут эта встреча...

Вскоре Гребенникова вызвали в исполком горсовета и сказали:

— На окраинной улице достроен угловой коттедж. Присмотрите квартиру в нем. Понравится — приходите за ордером.

Какое счастье привалило! Мог ли он об этом мечтать? Четыре комнаты! Да кухня, да веранда, да огород! Хоть институт на дому открывай! И с опытным полем!

До этого он жил в двухкомнатной квартире. Вернее, вчетвером жили в одной комнате, а в другой была его невыносимо тесная лаборатория — книги и микроскопы, колбы и приборы, мольберт и верстак, рой домашних шмелей и формикарии или муравейники в трехлитровых стеклянных банках...

Неведомый — загадочный и таинственный — мир насекомых. Сколько их на земле? Тысячи и тысячи видов, миллиарды особей!.. Всюду, где есть жизнь, они летают, плавают, ползают, копошатся, жужжат... Кто они, чем они служат великой природе, создавшей их?

Наука, изучающая насекомых — энтомология, — древняя наука. Однако и сегодня у нее — непочатый край работы, потому что велик и многообразен мир насекомых.

Еще велик и многообразен... Научно-техническая революция задела крылом и насекомых. На них еще не заведены «Красные книги», но дело идет к тому. В цивилизованных и урбанизированных местах планеты насекомые попали в беду. А они ведь нужны природе, нужны и человеку — добрая половина из них полезные.

Только домашнюю пчелу, ту, что приносит мед, прополис, молочко, жалует человек. А дикая, или одиночная, пчела забыта. Шмель не в чести тоже. Между тем этим насекомым, так называемым антофилам, природа и человек обязаны появлением на земле энтомофильных растений — некоторых видов ценных культур. Только они, антофилы с длинными хоботками, могут опылять их.

Ученые подсчитали: из-за того, что энтомофильные растения опыляются теперь не теми насекомыми — шмели-то в дефиците! — сельское хозяйство страны ежегодно теряет более двух миллиардов рублей! Вот почему так важно знать характер, условия обитания и размножения шмелей и диких пчел. Важно знать о них все-все. Вот почему пришла пора заняться доместикацией, или, проще говоря, одомашниванием этих насекомых. Они принесут человеку не меньше пользы, чем медоносная пчела. Необходимо организовать службу опыления посевов насекомыми — и дикими и культурными.

Заслуживают всяческого уважения и «ужасные» на вид клопы, пауки, мухи, жуки — все так называемые энтомофаги, хищники, истребляющие вредных насекомых.

О муравьях и говорить нечего, что они полезны — общеизвестно. Их теперь разводят, развозят муравейники, полные обитателей, по лесам, где их не стало.

Эта научная идея — доместикация шмелей, ос и диких одиночных пчел — вообще-то не нова. Она была выдвинута и обоснована видным советским энтомологом С. И. Малышевым. В. С. Гребенников считает себя учеником и продолжателем дела Малышева.

В Северной Америке идею Малышева оценили сразу. На станках-автоматах там штампуют пластмассовые гнездилища для пчел-листорезов. Окружают этими современными жилищами насекомых посева люцерны. И пчелы поднимают

урожайность семян ценной кормовой культуры во много раз!

Уже первые опыты и эксперименты Гребенникова привлекли внимание ученых. Он изучал повадки и характер насекомых, писал статьи — сугубо научные и очень популярные, — которые охотно печатались в журналах и сборниках. Серьезно занялся изучением муравьев, расселил их дома в формикариях. О муравьишках написал увлекательную книжку — «Миллион загадок». Сам ее и проиллюстрировал, как нельзя лучше. Впрочем, Гребенников прослыл незаурядным книжным графиком. Труды известных советских популяризаторов науки о насекомых писателей П. И. Мариковского и И. А. Халифмана тоже выходили с рисунками В. С. Гребенникова.

И шмели постоянно жили в квартире Гребенниковых. Прямо домашними стали они. Днем через специальный лаз в окне улетали на волю по своим делам, а потом непременно, все до одного, возвращались к хозяину. Шмели стали объектом особых забот и серьезных экспериментов. Ведь они, длиннохоботные антофилы, — опылители энтомофильных растений, таких ценных кормовых культур, как клевер, люцерна и другие бобовые. Шмелей, значит, надо разводить, расселять там, где их нет...

Гребенников задумал сделать эксперимент широким, выйти с ним на природу. Домашние шмели — только скромный эксперимент, даже забава.

В березовых колках и на полянах близ Горodka и появился тогда первый в стране микрозаповедник диких шмелей.

В старых пнях, в трухлявых стволах, источенных древогрызами, устраивают свои квартиры осы и дикие пчелы. Селятся они и в соломенных крышах домов. Селились, вернее, когда-то... Тростник и солома не применяются теперь как строительный материал. Редко теперь увидишь в обжитых местах трухлявые стволы — перелески вокруг пашен вычищены и вытоптаны. Негде стало жить осам и пчелам.

Шмели живут в земле — в заброшенных мышами норах. Но и мышей стало меньше. Нет вовсе диких уголков в лесу, где бы не косили, не ходили как по тротуару, не пасли скот... Шмели тут не жизнь уж.

Негде, в общем, стало жить полезным насекомым. И человек должен позаботиться о них — найти место для поселения, настроить там жилищ.

И этим делом занялся Гребенников. Умелец, он сам сделал все, что надо. Пучок камыша, прикрытый сверху поленом от дождя и солнца, повис на одном дереве. Это — большое осиное гнездо. На другом дереве — кипа гипсовых тарелок, испещренных каналами. Это — уж и многоквартирный и многоэтажный дом. Тот пень пробит в упор картечью из ружья — тоже много квартир стало в нем. На земле, в кочке, леток прилажен — там общая квартира для шмелей.

Добро пожаловать, осы, пчелы и шмели! Занимайте благоустроенные квартиры! Живите в них и трудитесь...

Жена Тамара Пименовна да сын с дочерью — вот и весь штат шмелиного заповедника, основанного Гребенниковым. Работали они, конечно же, на общественных началах — без жалованья. Наезжали подивиться тому, что творится в шмелином царстве, коллеги-энтомологи. Однажды на шмелиной ферме блестяще прошли летнюю практику студенты биофака Новосибирского университета.

Тогда и прокатилась по стране первая волна информации и слухов о Гребенникове, о его дрессированных шмелях и муравьях.

Нынче в апреле Виктору Степановичу Гребенникову исполнится 50 лет. Если к пятидесяти человек чего-то достиг в жизни, то он может считать себя счастливым, он исполнил свой долг перед обществом. В эти годы уповать на лучшее будущее, предаваться мечтаньям — дело, мягко говоря, ненадежное.

А Гребенникова к кому отнести? Он многое успел сделать в жизни, многого добился. Гребенников с чистой совестью может считать себя счастливым в день своего 50-летия. Но он остался и мечтателем. Сколько интересных планов, смелых мыслей, всяких экспериментов задумано им! Они ждут своего часа, и он надеется, что они будут выполнены, сделаны, осуществлены.

Дважды счастлив тот, кто, осуществив мечту свою, прославившись, считает, что ничего не успел сделать, что вся его работа впереди еще, и он мечтает, как юноша, и полон планов. Воистину: блажен кто верует.

Жизнь у Гребенникова Виктора Степановича была нелегкой, ой, как нелегкой. Сколько он выстрадал, как бывало ему трудно, отчаянье не раз едва не одолевало его. А он нес и нес свою мечту, как крест, и выдюжил, остался Гребенниковым — со своими мыслями и идеями, со своим, можно сказать, мировоззрением.

Отец Гребенникова был изобретателем — и по призванию, и по должности. Он не потряс и не удивил мир каким-то сногшибательным изобретением, но на своем веку придумал нема-

ло оригинальных конструкций и технологий, например, — бесшумный станок для насекания напильников, или агрегат для добычи золота, или арбалет. Гребенников-старший был автором 16 изобретений.

Сын, казалось бы, пошел в отца. В школе еще он увлекся астрономией. Изобрел и сделал телескоп, придумал простой прибор для фотографирования Луны. Своими руками сделал жидкостно-линзовый — на капле глицерина — микроскоп, который увеличивал до тысячи раз. Это изобретение было обнаружено в журнале «Техника — молодежи».

В Астрономическом циркуляре, в Бюллетене Всесоюзного астрономо-геодезического общества Академии наук СССР появляются статьи совсем юного В. Гребенникова. Что это — начало большого пути?

Мы предполагаем, а жизнь располагает. И она продиктовала юноше свои условия. После десятого класса Гребенникову не удалось учиться дальше, — надо было работать. И замелькали в листке по учету кадров записи: рабочий малярной станции, делопроизводитель промартели, художник-оформитель клуба...

Он родился еще и художником. И не случайно устроился в клуб оформителем. Потом закончил двухгодичные курсы, стал работать преподавателем рисования. Основал в Городке художественную школу и долгие годы был ее директором.

Жизнью был, в общем, доволен. Ну, случались там разные неприятности, часто приходилось чего-то добиваться, просить и жаловаться, требовать и не отступать... А как иначе?

Дело Гребенникова процветало. Городок гордился школой. Да вот пришел и этому укладу конец. Окончательно совершила Гребенникова энтомология, и он, махнув рукой на школу, которую считал доселе главным своим занятием, стал профессиональным энтомологом. Живопись он не бросил совсем — как можно! Она осталась его вторым призванием. Добавилось и еще одно дело — литературное творчество, популяризация науки о насекомых.

Вроде бы интересно и приятно листать папку бумаг, где собрана вся переписка, — сколько тут добрых слов сказано о Гребенникове, о его ценных и смелых научных изысканиях!? А посмотришь все входящие и исходящие официальные письма, и грустно становится. Не верится: неужто так живуча библейская еще мудрость — «Несть пророка в своем отечестве»? Неужели что-то новое так долго должно ждать признания?

Шесть с половиной гектаров земли выделили Гребенникову, под заповедник — для проведе-

ния опытов по одомашниванию шмелей. Номинально и формально выделили: на, мол, коли надо, коли так просишь — жалко, что ли, земли-то?

Совхоз, чья это была земля, тут же поставил условие: помогать Гребенникову ничем не можем — у нас свой план и нам не до шмелей, соседние поля само собой будем обрабатывать ядами — гербицидами, так что пусть оберегает своих насекомых.

На заседании исполкома областного Совета не утвердили решения о выделении участка под заповедник. Кто землепользователь-то? Им может быть предприятие, организация или учреждение. А тут — какой-то Гребенников! Одиночка-энтузиаст или, того хуже, — частный предприниматель?!

Один академик, занимающий ответственную должность, писал, обращаясь в сибирский институт:

«Академия, отмечая важность практического использования шмелей для повышения урожайности ряда бобовых культур, просит вас оказать по возможности организационное и материальное содействие тов. В. С. Гребенникову в продолжении и углублении его работ в указанном направлении».

В другом письме тот же академик, отвечая на запрос из другой, более высокой инстанции, напишет совсем другие слова:

«Учитывая, что в нашей системе отсутствуют научно-исследовательские учреждения, занимающиеся разведением шмелей, сообщаем, что предусмотреть материальные средства для выше-названных целей не представляется возможным».

И Гребенникова, его друзей-ходатаев отфутболили, что называется, в другой институт другой уже системы. Стиль и смысл ответа из этого института мало чем отличался от предыдущих.

На секции пчеловодства Академии сельскохозяйственных наук сочли вполне обоснованным и реальным включить в план работы предложенную Гребенниковым научную тему — «Усиление полезной деятельности диких антофилов — шмелей и одиночных пчел в условиях агробиотопосов и агрохимического режима».

А вот в план именно какого института следует включить эту тему — никто так и не смог решить. Так и не смог до сих пор...

Все голосуют «за», все, в общем, одобряют энтузиазм Гребенникова, отмечают его большой вклад в науку. И тем не менее...

Даже из такого заинтересованного, казалось бы, в опытах Гребенникова учреждения, как научно-исследовательский институт пчеловодства пришла казенно-официальная и грустная бумажка, гласящая, что институт считает создание заповедника насекомых весьма полезным и современным мероприятием, но, к сожалению, не имеет возможности оказать содействие.

Всего три года работал Гребенников в своей полевой лаборатории. Шмелиный микрозаповедник, однако, так и не был признан де-юре, не получил при нем должности и создатель его.

И разлетелись по окрестным колкам шмелиные семьи. Была снесена, до колышка, добрая изгородь. Уехал из Городка и сам Гребенников. А что оставалось делать? В чужих краях он не нашел работу по душе. Его, такого мастера на все руки, незаурядного художника, охотно принимали на должности младшего научного сотрудника. Иной кандидат наук не прочь был присоседить свое имя к трудам Гребенникова, стать его покровителем. Его заваливали работой по художественному оформлению стендов, выставок. А он тосковал по насекомым... И продолжал писать, добиваться своего.

Когда переписка дошла до уровня замов министров и академиков рангом повыше, в Городке нашелся землепользователь. Гребенников вернулся домой. Ему даже изыскали в одном далеком сибирском институте оклад в размере 100 рублей. Шмелиный заповедник вновь открылся.

В 1975 году в Ленинграде на VII съезде Всесоюзного энтомологического общества, затем в Московском зоологическом музее и, наконец, на VIII Международном конгрессе по защите растений, проходившем в Москве же, были выставлены живописные и стереоскопические картины, глиптотечные гербарии и другие творения рук Гребенникова.

Видные ученые, крупные писатели, известные художники на разных языках оставили свои восторженные отзывы в книге посетителей выставок.

«Поражен и восхищен!»

«Это — уникальное событие в энтомологии».

«Такие люди, как В. С. Гребенников, являются нашей национальной гордостью, о них должен знать весь мир».

«Автор достоин присвоения звания кандидата биологических наук (хотя бы) без всяких защит».

Вот тогда и прокатилась по всей прессе вторая волна информации — на этот раз с яркими иллюстрациями, «портретами» насекомых, — о Гребенникове из далекого тихого Городка.

Научная ценность глиптотечных гербариев — изобретения Гребенникова — очевидна и неоспорима. Они — вечны, они — великолепное учебное пособие.

Знакомые нам со школы гербарии собирают для дела, а не для забавы. По ним и школьники и ученые-ботаники изучают фауну земли. Но засушенные растения становятся вовсе беззащитными, хрупкими, они теряют вид — форму, цвет... А что если цветочки, листочки, стебельки сделать твердыми? Виктор Степанович, большой выдумщик, первым разработал технологию изготовления глиптотечных гербариев.

В расплавленный пластилин вдавливаются растение. Получается нечто вроде литейной формы. В нее, когда пластилин затвердел снова, заливается гипс. Точный слепок цветка затем раскрашивается, и растение из гипса «оживает».

На каждой фазе развития растения можно сделать гипсовый прообраз его. И тогда «вечному» гербарии нет цены.

Гребенниковские глиптотеки — собрания скульптурных растений — имеются теперь во многих музеях биологических институтов страны, в Главном Ботаническом саду Академии наук СССР.

Еще более ценны, как наглядные учебные пособия, как музейные экспонаты, стереоскопические блоки — второе изобретение. Штрихи и мазки краской здесь лежат не в плоскости, а висят в объемных пространствах, в различных местах стеклянных пластин, собранных в пакет. Капля морской воды с микропланктоном или с планидиями, увеличенная в сотни раз, будто оживает. А вот кружевница, точь-в-точь, какая она есть, но увеличенная в 40 раз. Зрелище — поразительное.

Можно с уверенностью сказать, что и вечные гербарии, и стереоскопическая живопись Гребенникова будут взяты на вооружение биологами, в школах, в музеях.

Между прочим, гребенниковский метод стереоскопических интерпретаций, как еще называют его стереоблоки, может найти широкое применение и в... архитектуре. Стихии, космос, подводный мир, фантастические феерии — что только нельзя изобразить на объемных витражах?!

А почему «портретная галерея» гребенниковских энтомофагов нравится всем?

Хотя все эти насекомые и полезные, но отношение у нас к мухе-тахине, или клопику-набису, или жуку-нарывнику чаще всего безразлично. Объекты, казалось бы, не эстетичны сами по себе. А художник убеждает нас в ином. Смотрите, как красиво «одет» каждый жук, муравей, слоник или оса?! У каждого свой характер и своя походка, своя мина на «лице». Мы ведь никогда не видели их так «близко» — увеличенными в 100, 200 или 400 раз! А увидели впервые на выставке работ Гребенникова и поразились. Выставка открыла нам неведомый мир. Он, оказывается, прекрасен и достоин лучшего к себе отношения.

Характер у Гребенникова — не сахар. Если послушать иных бывших его начальников, то они наговорят

такое:

— Все перечит и перечит, и жалобщик к тому же...

— Больно умным себя считает...

— Некоммуникабелен...

— И слова не скажи ему — сразу в бутылку лезет...

Может, все это и так, а, может, и вовсе не так. Да, Гребенников чрезмерно восприимчив и даже, может быть, мнителен. Он все принимает близко к сердцу и переживает по пустякам. А потом — ночи напролет не спит.

— Но это уже, — как говорит сам Виктор Степанович, — не черта характера, а болезнь.

Зато другим, тем, кто влюблен в дело до самозабвения, с Гребенниковым работаете легко.

Совсем недолго жил Гребенников в четырехкомнатном коттедже на окраине Городка. Шмелиный заповедник снова был прикрыт. Новый землепользователь и юридический хозяин шмелиной страны — Общество охраны природы оказалось далеким от охраны природы.

Институт Сибирского отделения ВАСХНИЛ, где в штате состоял Гребенников, предложил ему переехать в Новосибирск. Его назначили на должность старшего специалиста-энтомолога и, учитывая его высокую квалификацию, установили персональный оклад. Ему дали в Новосибирске профессорскую квартиру.

Всего десятилетку закончил Виктор Степанович Гребенников, а ведь стал известным, можно сказать, с мировым именем ученым. Он написал около 40 научных трудов. Ученые обращаются к нему за консультациями. Его просят дать отзыв на диссертации. В. С. Гребенников избран членом французского энтомологического общества Фабра. Этого высокого звания удостоены немногие — буквально считанные единицы — крупные советские ученые.

Ученые Англии пригласили Гребенникова, как крупного советского специалиста, персонально, как гостя, на симпозиум. По просьбе общества дружбы «Великобритания — СССР» Гребенников повезет в Лондон и свою выставку.

Свое пятидесятилетие Виктор Степанович Гребенников отметит непременно в хорошем настроении. Иначе и быть не может, потому что у него давно есть своя заветная звезда. Путеводная! И такая, свет которой нужен не только ему... А это очень важно!

Вся не вся Колыма, а пол-Колымы на-верняка знала Веньку Коршуна по прозвищу Красная Лодка. Правда, в лицо не многие, а понаслышке решительно на всех приисках, лепившихся по берегам золотоносной реки Волчья Пасть. Знали, что живет он на участке — пять дощатых вагончиков да десяток деревянных домишек, — заскочившем за снежные отроги Чертова Хребта, куда не проложено никаких дорог, а есть лишь один путь — вертолетом. Знали, что он местный, колымский, что почти с мальчишества моет золото артельным способом, а это значит, что с весны до зимы в таежной глухомани пропадает. И знали также, что отчаяннее, чем он, парня в этих краях, пожалуй-то, и нет.

Дважды в год — и не больше! — Венька покидал тайгу и свое крохотное селенье за Чертовым Хребтом и появлялся в райцентре. Один раз — весной, когда уже вовсю шумели, освобождаясь от снегов и льда, горные реки и на носу был промывочный сезон, а второй раз — осенью, когда трескучие морозы и пурга трубили отбой промывке и когда приисковый и артельный люд, покинув свои драги, бульдозеры и оборудование, валом валил из тайги в райцентр, дабы отметить завершение сезона и вообще глотнуть цивилизации: белой салфетки в парикмахерской, новой киноленты в кинотеатре «Мороз», джаза в ресторане и еще чего-нибудь такого, не предусмотренного собственной программой.

Осенью Венька, как и прочий народ с приисков и артелей, отмечал в ресторане «золотой урожай» и в то же время заключал пари на будущую весну. А весной он появлялся в ресторане в окружении побежденных им соперников, с тем, чтобы отметить свою победу над ними и получить причитающийся выигрыш.

Десять лет заключал Венька пари, десять лет выигрывал, и уже один этот факт множил число желавших потягаться с ним в ловкости на коварной горной речке Лысый Дед, свалить Веньку с пьедестала колымского Олимпа и лишить его громкого титула Непобедимый, присвоенного не

Венька Кор

Рассказ

Лидия
ВАКУЛОВСКАЯ

Рисунки
Л. Смирновой

судьями и не жюри, а исключительно широкой людской молвой.

Но покамест свалить и лишить никому не удавалось. Одни приписывали эту Венькину удачливость фортуне, другие — малому росту Веньки — такому, дескать, легче держаться в углой посудине, третьи плели разную чертовщину насчет какой-то хитрой машинки, которая, видимо, поставлена в красной лодке и которая-то и справляется с бешеным течением Лысого Деда и с его подводными валунами.

О фортуне и хитрой машине это, конечно, пустая болтовня, а комплекция Веньки была и вправду легкой: росту невысокого, в кости тонок, плечи — так себе, средней ширины, обувь носил 39-го размера, которая в обувных магазинах идет и как подростковая. Но тело Веньки, тренированное нелегким старательским трудом, было словно из гибкой стали, и когда он здоровался, в заскорузлой ладони его чувствовалась большая сила. А с лица он был весьма симпатичен: чернявый, брови широкие, под ними небольшие карие глаза, губы резко очерчены, кожа на сухощавом лице твердая, каленная лихими погодами. Стригся он коротко, но спереди оставлял волнистую челку, косо закрывавшую часть лба. И если кто-нибудь, не знавший Веньку в лицо, искал его, допустим, в ресторане и спрашивал, не сидит ли за каким-либо столиком Венька — Красная Лодка, ему отвечали:

— Да вон он, с косою челкой!

Пари Венька заключал весело, щуря на будущего соперника смешливый карий глаз:

— Ну, что ж, я не стеснительный! Запросто с тобой по рукам ударю. Раз тебе охота в ледяной водичке поплавать, давай, друг, плавай.

В ресторан Венька, ясное дело, являлся не один, а со своими артельными товарищами. При заключении пари товарищи выступали в роли Венькиных свидетелей и всем соперникам откровенно предвещали неудачу. Как правило, желавших потягаться с Венькой на речке Лысый Дед находилось человек пять-шесть, а один год был просто-таки рекордный: численность соперников достигла десяти.

Говорили, что в первые годы Венька держал пари на деньги, а потом «пошел чудить»: спорил на спички, на сигареты «Прима», на зубные и сапожные щетки и на прочую ерунду, которая для Колымы, случалось, вовсе не являлась ерундой. И поскольку по уговору все проигравшие обязаны были расплачиваться с победителем, то однажды Венька завладел семьястами коробками спичек, в другой раз получил полсотни зубных щеток и столько же тюбиков зубной пасты, в третий раз увез за Чертов Хребет триста пачек дефицитнейшей в то время «Примы», ну и так далее.

Заключая пари, Венька никогда не интересовался, кто такой его будущий соперник, какова его профессия и чем он занимается: геолог ли, летчик-вертолетчик, верхолаз ли какой, а может, и вовсе мастер спорта по лодочным гонкам, чудом заброшенный в их края. Без всяких расспросов Венька с каждым ударял по рукам и каждому говорил так:

— Парень ты, как вижу, не из робких, но Лысый Дед хитрый старик, и ты его не обманешь. Прилетай летом ко мне, Лысый пересохнет, проведу тебя по руслу, покажу все заковыки. Я честно играю, в открытую. А лодку свою крась в любой цвет, кроме красного. Понял, почему? Потому по самому, что красный цвет мой.

К вечеру все пари были заключены, все детали обговорены. Утром Венька исчезал из райцентра и искать его здесь не имело смысла. Если кто-то по какой-то причине не укараулил его и прозевал заключить пари, тот уже не мог его заключить до следующей осени. Таково было неписаное правило, установленное самим Венькой.

В августовскую жару, самую неистовую колымскую жару, когда солнце исходило белым огнем и воздух раскалялся в дневную пору до сорока-пятидесяти градусов, за Чертов Хребет начинали наведываться соперники: протопать собственными ногами по руслу Лысого Деда, пощупать собственными руками его донные камни, приглядеться к его порогам и заворотам

шун — Красная Лодка

и срисовать все это на бумагу, чтобы затем всю зиму мысленно проходить на лодке по этому каверзному маршруту, пока не настанет день, когда уже не мысленно, а реально придется прогнаться этим же путем по воде.

Жара превратила Лысого Деда в неказистый ручеек-замухрышку. На дне просвечивалась галька, со дна наружу выпирали крутобокие многопудовые валуны и острые, как бритва, обсушенные солнцем обломки скальных пород, и трудно было представить, что во время таяния снегов Лысый Дед превращается в ревмя ревущую реку, бешено несущуюся в ворохах белой пены с высоты сопки в долину, чтобы там с ходу врезаться в другую реку — Красавушку — вместе с осколками льда и тяжелыми пластинами еще не успевшего истаять льда.

Три километра гнал со скальной высоты к долине свои воды Лысый Дед, гнал их прямо, косо и по крюку, вгрызался в гранитные бока сопки, перемещал тяжелые донные камни, отвесно падал и выравнивался, снова извивался ужом и намывал пороги, невидимые в бурлящей воде.

Вот на этом Лысом Деде, в самый его разлив, и мерялся Венька с желавшими его победить и ловкостью, и мужеством, и сноровкой, и чем угодно. Чья резиновая надувная лодка промчится с верховья до низины по этой чудовищной быстрине, по этому водяному аду, чья лодка не опрокинется или не будет выброшена на берег и какой кормчий устоит в ней от старта до финиша, — тот и победитель. Устоять желал каждый, и каждый был не из робкого десятка, ибо робкий не шел бы на такой отчаянный риск.

Если в час приезда соперника у Веньки выпадал свободный от работы день, если он вообще в тот час находился в своем малом селеньице, а не пропадал в тайге, то сам он становился гидом, поднимался в сопки с приехавшим, показывал ему все коварные местечки Лысого Деда и объяснял, какие штуки он может выкинуть при разливе. Если же Венька в ту пору отсутствовал, то чаще всего гидом становился шофер грузовика Серега Бабкин, закадычный дружок Веньки, а также его неизменный свидетель во всех пари, неизменный судья, секундант, рефери и тому подобное.

Был он, Серега Бабкин, великий мастер потрещать языком, а потому всякому-каждому с великой охотой излагал спортивную, так сказать, биографию Веньки. И выходило из этого рассказа, что как-то давненько, когда Серега с Венькой находились в том возрасте, в коем мальчишки могут сутками гонять по пыли консервную банку, громко именуя ее шайбой, и грезить о будущих чемпионских титулах, еще в то давнее время на их участке поселились мерзлотоведы из Москвы: старик профессор и двое молодых парней. И, поселившись, сразу же взялись за Лысого Деда: измеряли русло и ва-

луны, что-то вычисляли, зарисовывали в свои альбомы и, в конце концов, пришли к выводу, что стремительный путь Лысого Деда выгрыз в доисторические времена сползавший в долину ледник. Этот ледник с его доисторическими временами вовсе не интересовал Серегу с Венькой, зато их страшно интересовала резиновая лодка мерзлотоведов. Когда ее надували, на красной резине, на обоих бортах лодки появлялись аршинные белые буквы — «Венера». Лодка была легкая и устойчивая. Иногда мерзлотоведы рыбачили с нее на широкой и тихой Красавушке, и тогда с берега казалось, будто на голубом стекле реки чуть колыхнется большой красный мак.

Трудно сказать, знал ли старый степенный профессор, какой замысел вынашивали в своих дерзких головах его молодые помощники, — скорее всего, что не знал. Они же, помощники, в один прекрасный день втащили красную лодку на высокую скалу, откуда начинал свой путь Лысый Дед, и пустили ее на ней вниз по течению. Лысый Дед в то время уже изрядно обмелел и не был столь опасен для лодочников, как в разлив, однако затея кончилась едва ли не трагически. Каменный нож располосовал днище лодки, парней бросило на скалу, и так потрепало, что на них, как говорили потом, не было живого места. Их увезли в больницу, с ними отбыл и профессор, бросив красную лодку на произвол судьбы. Венька с Серегой залатали ее кусками негодных резиновых баллонов и два года приучали и лодку, и себя к Лысому Деду. Через два года, в самый разгар паводка, Венька впервые прошел на красной лодке все три километра: от истока Лысого Деда до впадения его в Красавушку. Венька рискнул и прошел, а он, Серега, не рискнул.

Вот такую историю излагал Бабкин всем Венькиным соперникам и непременно предвещал им неудачу. И пророчество, кстати сказать, сбывалось.

Словом, так продолжалось целых десять лет. А потом вдруг летом по приискам, по артелям, по участкам и поселкам, лепившимся вдоль реки Волчья Пасть, пополз слух, будто Венька решил забросить свою красную лодку, будто он женился, заимел себе живую Венеру, по имени Нюшка, и будто отныне, как человек семейный, он не намерен больше подвергать опасности свою жизнь на Лысом Деде, и будто бы сказал он, что теперь пусть без него соревнуются лодочники, если есть у кого такая охота.

Слух полз да полз, ему верили и не верили. Но все же многим было любопытно знать: так это или нет? Явится Венька — Красная Лодка со своей артельной братией по осени в райцентр отмечать «золотой урожай» или останется дома с молодой женой? А если явится, то будут ли снова пари? Или Венька, в самом деле, поставил

на всем крест? А если и поставил крест, то същутся ли охочие продолжать без него эти, никем и нигде не фиксируемые, беспроточольные состязания?..

Венька вместе со своей малочисленной артелью в райцентр явился, и явился, прихватив свою жену Нюшку, что противоречило неписаному колымскому закону: «Кто мыл золотишко — тот и гуляет».

Оказалось, однако, что Венькина молоденькая жена, как и сам он, была бульдозеристкой и работала вместе с Венькой на промывке золота. Но самым интересным было не это, самым интересным было то, что уж очень похожи они были друг на друга: Венька на жену, а Нюшка на мужа. И ростом невысоки, и костью тонки, и глаза у обоих карие, и носы курносые. Даже темная Нюшкина челка тоже была косовато подрезана.

Нюшка сидела в компании смирно, не пила ни вина, ни шампанского. Подперев смуглым кулачком щеку, слушала джаз, гремевший с эстрады, и чуть приметно шевелила губами, когда патлатый солист в джинсах с пестрыми наклейками пел в микрофон незатейливую песенку на местную тему: «Трасса, колымская трасса».

Семеро парней вызвались в тот вечер скрестить с Венькой, образно говоря, шпаги. Семеро

протянули Веньке свои руки и семь раз Серега Бабкин ударил по сцепленным рукам, утверждая тем самым состоявшееся пари. И каждому из семерых Венька сказал одно и то же:

— На коробку парафиновых бигуди. Говорят, только в Таллине можно достать. Говорят, потрясающая штука.

Назначение бигуди не требовало объяснения: видимо, Нюшка страстно желала заменить свои прямые от природы волосы какими-нибудь сногшибательными локонами.

— А если я выиграю, на кой мне твои бигуди? — воспротестовал геолог из дальнего прииска Семен Крутик, малый крепкого сложения и к тому же крепкого упрямства: он третий раз шел на поединок с Венькой, шутливо объясняя это тем, что бог, мол, троицу любит.

— Нет, вы не выиграете, — улыбнулась в ответ ему Нюшка. — Я Вене не разрешу проиграть.

— Ну, посмотрим, — упрямо хмыкнул Семен Крутик, но насчет ненужных ему бигуди успокоился.

В тот раз состязания на Лысом Деде и впрямь были необычны. Венька решил, что называется, блеснуть: всем соперникам дал форы в полкилометра. Это означало, что все они могли начинать спуск не с верховья, а от Серого Камня, оставив за спиной самый опасный порожи-

стый обрыв, близ которого на берегу всегда находилось несколько Венькиных дружков, вооруженных длинными баграми, ибо в том месте чаще всего опрокидывались лодки, и задача дружков-секундантов состояла в том, чтобы мгновенно помочь неудачнику в целости выбраться на твердую землю, а еще и в том, чтобы постараться подцепить багром его беспризорную лодку. Но последнее удавалось редко — лодка, лишенная седока, неслась вниз, кувыркаясь и подпрыгивая в смерче пены, едва ли не со скоростью звука.

Короче говоря, Венька всем дал хороший шанс для выигрыша и, не изменяя своему правилу, предоставил им возможность первыми попытать свою удачу. Самого себя он всегда оставлял «на закуску».

Состязания начались, и это было воистину великолепное зрелище. Скорбеть приходилось лишь о том, что на нем присутствовало ничтожное число зрителей: человек двадцать спасателей — «боковых» судей, разбросанных по правому берегу Лысого Деда, да горсточка зрителей на финише, — на некрутом мыске в низине, как раз в том месте, где Лысый Дед смыкался с Красавушкой.

Сергея Бабкин, находившийся среди зрителей на финише, дал вверх оранжевую ракету. Она взметнулась к вечноснежным отрогам Чертова Хребта, распустила в небе огненный хвост, и по этому сигналу первая лодка, надувная, резиновая и ярко-желтая, отвалила от Серого Камня.

Первым стартовал геолог Семен Крутик.

— Раз ты замыкаешь, я первым пойду. Семь бед — один ответ, — сказал он Веньке еще в прошлом году, когда заключали пари.

Лысый Дед был в стадии высокого разлива: срывался водопадом, вспрыгивал на левый, скальный берег, со звоном и шумом низвергался снова, притапливал и снова выбрасывал на поверхность обломки льда и пласты дырчатого снега, швырял на противоположный берег, пологий, но заваленный грудями камней, шипящие шлейфы воды, смешанной с пеной.

Ярко-желтая лодка стремительно летела вниз по реке, наполовину погруженная в пену, и трудно было описать позу находившегося в ней Семена Крутика. Он полусидел-полустоял в лодке, подаваясь корпусом то влево, то вправо, то назад и балансировал легким веслом, держа его обеими руками у груди, как держит шест канатоходец. Семен был в черном ватнике, без шапки, и ветер нещадно дыбил и трепал его светлые, как солома, волосы.

На третьем крутом повороте, где Лысый Дед резко огибал врзавшийся в него кусок скалы, желтую лодку швырнуло к скале, а затем какая-то дикая сила поволокла ее поперек течения и выбросила на другой берег. Волна тут же схлы-

нула, оставив на берегу среди камней целехонькую лодку с целехоньким Семеном Крутиком.

А дальше пошла обычная история: Серега Бабкин, соблюдая строгий интервал в десять минут, посылал в небо оранжевую ракету, лодки, крашенные в разные цвета, срывались со старта, потом черпали бортами воду, переворачивались, владельцы их, благополучно выбравшись из ледяной купели, быстро переодевались в сухое и уже на своих двоих бежали к месту финиша узнать, успели ли там перехватить их лодку или придется ловить ее в Красавушке.

Всем на удивленье героем дня едва не стал маркшейдер с прииска «Вольный», молодой паренек, молчаливый и застенчивый с виду. Звали его Тима, что означало Тимофей, а фамилия была Мальчиков. Но Тиму Мальчикова подвела преждевременная радость. Этот Тима Мальчиков всего два года жил на Колыме, присланный сюда после техникума. А сам он был с Урала и, похоже, что на Урале имел дело с шальными горными реками, — судя по тому, как уверенно он стартовал на своей лодчонке, размалеванной яркими полосами, и как славно прошел на ней все хитросплетенья Лысого Деда. До финиша оставалось метров двести, еще минута, и полосатая лодка вырвалась бы из горловины реки и закачалась на мягкой волне Красавушки. Четверо Тиминых друзей с прииска «Вольный» почувствовали это и шумно закричали, подбадривая Тиму Мальчикова. И Тима Мальчиков, тоже поняв, что его взяла, сдернул с головы меховую шапку и, вскричав что-то восторженное, бросил шапку вверх и вперед, желая с ходу поймать ее, но тут же, потеряв равновесие, плюхнулся в воду. Он выбрался сам, без посторонней помощи на берег и, обескураженный случившимся, досадливо махнул рукой. И после, уже переодевшись, все покачивал головой и пожимал плечами, точно сам не понимал, что допустил такую оплошность.

Ну, а потом свой класс демонстрировал Венька. Черт знает, что это был за Венька и что за лодка была под ним! Не лодка, а какое-то живое существо, какой-то демонический красный конь с пенистой гривой и бело-пенным хвостом. Венька стоял во весь рост на этом чудо-коне, как всадник в стременах, подавшись грудью вперед и выбросив вперед руки, будто натягивал невидимые поводья. Красный конь стремительно нес его на себе, делая при этом невыносимые виражи и подскоки. То взвивался на дыбы, то припадал на передние колена, и казалось, что это не река гремит и вызванивает мелкими льдинками, а бьет копытами чудо-конь, звенит удилами и заливается колокольчиком. И летел на чудо-коне по бешеной реке наездник в странном одеянии: в мотоциклетной каске, в квадратных мотоциклетных очках и в нейлоновой куртке, которую

рвал, хлобучил, пузырем надувал ветер. А по берегу, по камням, неслась, как угорелая, к низине Нюшка и кричала что есть мочи остро-звонящим голосом:

— Венька-а-а!.. Ве-еня-я-я!.. Венечка, держи-и-ись!..

Стоит ли говорить, что через самое малое время дружки и секунденты, а также малочисленные зрители качали Веньку? Серега Бабкин выпустил из ракетницы все оставшиеся ракеты в честь его победы. Соперники придиричиво изучали Венькину лодку, ворочая ее и так и этак, и ничего не находили в ней примечательного, за исключением двух больших старых заплат на днище.

Спустя неделю, как и было условлено, Венька с женой и друзьями явился в райцентр отметить свою победу и получить выигрыш. Поверженные соперники, все семеро, прибыли точно в назначенное время — в шесть вечера, но лишь двое из них выставили на стол коробки с парафиновыми бигуди: маркшейдер Тима Мальчиков и геолог Семен Крутик. Остальные принесли глубокие извинения, подкрепленные вескими объяснениями: они тоже писали в разные магазины далекого города Таллина, тоже зывали к помощи знакомых и родственников на материке, но — увы и ах! Остальные вместе с извинениями выложили на стол обыкновенные металлические и пластмассовые бигуди, причем разных размеров и в таком количестве, что Нюшка просто-таки испугалась.

— Ребята, вы что, спятили? Что нам, мариновать их? Заберите, заберите!.. — потребовала она.

Но забирать никто и не подумал, видать, сами были рады избавиться от такого антимужского товара, так что Венька с Нюшкой улетели вертолетом на Чертов Хребет с двумя рюкзаками, набитыми металлом и пластмассой.

А Нюшка, как и в первый раз, не пила ни вина, ни шампанского, только слушала джаз, да тихонько шевелила губами, когда солист в джинсах пел всем известные песенки, да, раскрыв пестро раскрашенную коробку, с восхищением разглядывала парафиновые бигуди и ворошила пальчиком свою темную челку, будто примерялась, как эти бигуди будут накручиваться.

Следующей осенью Венька снова был в райцентре, с женой и со всей артельной братией. Снова заключались пари, снова Серега Бабкин ударял по рукам споривших и пророчил поражение Венькиным соперникам. И опять Венька озадачил соперников, заявив, что спорит он только на дюжину сосок-пустышек, непременно с колечками, и ни на что больше.

— Да на кой мне соски, если я выиграю?! — возмущился один парень, прораб, отслуживший недавно в армии и занимавшийся там греблей в солидном спортивном обществе.

— Не выиграешь, — ответил Венька, весело щуря карий глаз. — Только Тима Мальчиков с прииска «Вольный» может выиграть. Но его не будет. Закинул мне письмишко, что к маме в отпуск на Урал едет. И Семена Крутика не будет, тоже стоящий претендент, жаль, что на Чукотку укатил. Так что, други, готовьте соски с колечками. Здесь не ищите, в Магадане тоже. Этой штуковины в наши края уже два года не завозят. Я справки по всем каналам навел.

В конце концов, все сошлись на этих сосках, догадавшись, безусловно, зачем они требуются Веньке.

Соски Венька выиграл сполна: ровно шестьдесят штук, по дюжине от пяти побежденных соперников. На сей раз Нюшка не мчалась, как угорелая, по берегу вслед за Венькиной лодкой и не орала остро-звонящим голосом: «Венечка, держись!» Нюшка находилась в числе немногих зрителей в низине, у самой горловины Лысого Деда, считавшейся финишной чертой, и молча взирала на происходящее. Она готовилась стать матерью и ей не рекомендовалось ни кричать, ни нервничать, ни волноваться. Посему она отсутствовала и в райцентре, когда праздновали Венькину победу и вручали ему выигрыш.

Вернувшись домой, Венька вытряхнул на кушетку из двух целлофановых мешочков соски, и Нюшка чрезвычайно обрадовалась:

— Ой, какие замечательные! — всплеснула она руками. — Тверденькие!.. А колечки какие белянькие!.. Теперь нашему Андрюшке надолго хватит.

Но вместо ожидаемого Андрюшки у них родилась не менее желанная Маришка. Она явилась на свет поздней осенью, незадолго до окончания промывочного сезона, и кое-кто стал поговаривать, что, возможно, Венька, став папашей, наконец-то уgomонится и оставит в покое свою красную лодку. Однако вскоре Серега Бабкин засвидетельствовал шесть пари, и спорил в тот раз Венька на детские коляски.

Дабы не затягивать рассказ и не описывать вновь, как проходили по весне лодочные состязания, как стрелял из ракетницы Серега, как переворачивались лодки, дабы не описывать всей этой процедуры, скажем сразу, что Венька, как и следовало ожидать, стал обладателем шести детских колясок: трех совсем малых и трех побольше, крытых и открытых, обитых внутри клеенкой и шелком. Была среди них одна коляска не на четырех, как должно, а на двух колесиках, а другая и вовсе с одним колесом — она похожа была на миниатюрную тачку, обшитую розовым ситчиком, и почему-то считалось, что именно эта одноколеска и есть сверхмодное изобретение.

Нюшка на сей раз была в ресторане со своей

Маришкой. Маришка спала у нее на левой руке, закутанная в одеяльце с пододеяльником в пышных кружевах, а правую руку Нюшка держала у щеки и, слушая джаз, задумчиво накручивала на указательный палец темный локон. Теперь у Нюшки не было челки, а были длинные волосы в крупных локонах.

Вот так Венька — Красная Лодка и удерживал за собой титул Непобедимого все тринадцать лет.

И вдруг прошлой зимой опять пополз по приискам и артелям странный слух: будто Венька колот дрова, саданул топором по ноге и теперь лежит в больнице с загипсованной ногой, а значит, — какая же лодка и какие гонки? Но пари-то были заключены, стало быть, соперники выйдут на лодках без Веньки, а Веньке, само собой разумеется, будет засчитан проигрыш. И еще, стало быть, придется теперь ему самому без всяких-яких выставлять трехколесный детский велосипед, так как спорил он последний раз именно на эту штуку.

Неизвестно, как подействовал этот слух на Венькиных соперников (их снова было шестеро); обрадовались ли они, опечалились или сочли все это просто за выдумку. Но один из них, Тима Мальчиков, который давно вернулся из отпуска и, вернувшись, снова решил попытать удачи в единоборстве с Венькой, слуху поверил. Тима Мальчиков проделал нелегкий путь на тракторе по тяжелым снежным заносам, завалившим тайгу, трещавшую от белого пятидесятиградусного мороза, добрался со своего «Вольного» до центральной трассы, а затем уж автобусом до райцентра и нашел Веньку в больнице. Все было верно: раздробленная кость ноги и гипс. До вскрытия Лысого Деда оставалось всего-навсего полтора месяца, и Тима Мальчиков, жалея Веньку, исхудавшего, с пожелтевшим лицом и запавшими глазами, предложил перенести их спор на будущий год.

— С какой стати? Чтоб меня трепачом и трусом посчитали? — не согласился Венька.

— Но ведь у тебя нога в гипсе, при чем тут трусость? — сказал ему Тима Мальчиков.

— При том, что если даже мне оттяпают ногу, все равно я сяду в лодку, — ответил Венька.

— С такой ногой на воде не удержаться, — сказал Тима.

— Поживем — увидим, — ответил Венька, насмешливо шуря карий глаз. И прибавил: — Правда, я мог бы стартовать на равных: от Серого Камня. Но раз сказал: даю вам форы, так и будет.

— Нет, я тоже хочу на равных. Я тоже начну с верховья, — ответил Тима Мальчиков.

— Хозяин — барин, — хмыкнул Венька и закрыл глаза, точно устал от разговора.

С полминуты Венька держал глаза закрытыми, а когда приподнял веки, в карих глазах его стояли слезы. Он сморгнул слезы и сказал приглушенным голосом:

— Не обращай внимания, это разрядка напряжения. А вообще, ты прав, я выбыл из игры. Если ребята согласятся, лучше сойдемся на будущий год. Или валяйте сами, без меня.

— Без тебя не то, — сказал Тима Мальчиков. — Без тебя не интересно.

— Тогда передай им, что Венька просит год передышки.

— Передам, — сказал Тима Мальчиков, сожалея в душе, что через год он уже не сможет встретиться с Венькой, так как скоро навсегда уедет с Колымы на свой Урал.

Так они решили и на том расстались.

Но примерно через месяц Тима Мальчиков получил от Веньки письмо, отпечатанное на пишущей машинке:

«Привет, Тима! Я передумал: пари остаются в силе. Нога моя в полной норме. Передай ребятам, пусть точат лодки и мажут маслом весла. Жду вас, как договорились. Салют!

Венька Коршун — Красная Лодка».

...В тот день все было так же, как и в прошлые годы. Весеннее солнце резко слепило глаза. Освободились от снега долины и низины, а Красавушка освободилась от метрового льда. И плавились снега и льды в сопках, скатывались вниз водой, раздували Лысого Деда. И ревел этот Лысый Дед сумасшедшим ревом, не управляясь сбрасывать свои воды в Красавушку. Он месил эту воду, как тесто в деже, взмахивал к небу, швырял на скалы, снова месил и гнал вперед. И не было ему никакого дела до того, что на пологом каменистом берегу ходят какие-то люди, что какие-то люди возьмется с лодками у Серого Камня, что горстка других людей топчется на зеленом мыску у самой его горловины и что какой-то парень карабкается по склону вверх, взвалив себе на плечи сплюснутую ярко-полосатую лодку.

Как когда-то Семен Крутик, Тима Мальчиков вызвался спускаться первым.

Он поднялся к верховью реки. Венькина красная лодка уже лежала здесь, опрокинутая набок, с выставленными на солнце знаменитыми заплатами. Лодка была надута и готова к спуску, но самого Веньки еще не было. Вместо Веньки возле лодки сидел на валуне один из его дружков-секундантов и покуривал.

— Придет скоро. Чего ему спешить, если он замыкать будет, — ответил этот дружок на вопрос Тимы о хозяине лодки.

Вдвоем они надули полосатую лодку и перенесли ее к самой воде. Минут через десять после этого далеко впереди оранжевым цветком распустилась в воздухе ракета. Венькин дружок багром оттолкнул от берега полосатую лодку, и

она вместе с Тимой Мальчиковым понеслась по Лысому Деду, набирая с каждой секундой скорость.

Тима Мальчиков страстно хотел одолеть Лысого Деда, и одолел его. Зрители ахнули, когда полосатая лодка, выскочив из-за поворота скалы, пронеслась мимо них на гребне пены и влетела в Красавушку. Но ликовали и кидали вверх шапки только четверо Тиминых друзей по прииску «Вольный», что явились вместе с ним на этот поединок. А Венькины друзья, которых было большинство, и друзья иных соперников хранили полное молчание.

Возможно, потому, что здесь качать привыкли только Веньку, а Тима Мальчиков вдруг нарушил этот ритуал.

Словом, Тима, очутившись на берегу, влился в ряды зрителей, обнимаемый лишь своими друзьями. Серега же Бабкин откровенно бросил на Тиму недобрый взгляд и буркнул что-то непонятное, после чего послал в небо следующую ракету: ладно, мол, не все потеряно, еще посмотрим!

Однако смотреть, увы, было не на что, так как ни одна из пяти лодок, стартовавших от Серого Камня, так и не вышла из-за поворота скалы: где-то там, за поворотом, постигала их неудача.

Оставалась последняя лодка — Веньки.

— Ну, пошла, милая! — громко сказал Серега Бабкин и бахнул в небо из ракетницы.

И пошла красная лодка, этот красный чудо-конь, как ходила много лет до этого. И никто не мог сказать, что чудо-конь был послушен Веньке хуже, чем прежде. Венька стоял в той же позе: во весь рост, подавшись грудью вперед и выбросив вперед руки, точно натягивал невидимые поводья, взнуздавшие норовистого коня, летевшего вскачь по бурной реке. На нем была та же мотоциклетная каска, те же квадратные очки с темными стеклами, и ветер так же хлопучил и надувал пузырем его нейлоновую куртку. И когда лодка, перепрыгивая через какой-нибудь скрытый порог, на мгновение отрывалась от воды и как бы застывала в воздухе, на борту ее ярко обнажались крупные белые буквы — «Венера».

— Держись, Венера!..

— Держись!..

— Держись!.. — кричали вслед проносившейся лодке Венькины дружки-секунданты.

И не без зависти провожали ее глазами Венькины соперники, успевшие нахлебаться ледяной воды перед тем, как выбраться на берег.

Общий радостный крик разнесся по низине, когда из-за поворота вынеслась красная лодка и тут же влетела в Красавушку.

— Ураа-а!.. Знай наших!.. — завопил Серега Бабкин и принялся, как ненормальный, палить из ракетницы.

Венька же повел себя весьма странно: вместо того, чтобы повернуть свою лодку к берегу, он погнал ее веслом по течению Красавушки к дощатым домикам участка. Потом бросил на берегу лодку и быстро пошел к своему домику, сильно хромая на одну ногу. В это самое время Серега Бабкин заорал:

— Качать Тимку!.. Качать его!..

— Качать его!.. — вскричали вдруг все Венькины друзья, подхватывая на руки Тиму Мальчикова.

— Это несправедливо!.. Ведь нас двое!.. — протестовал Тима Мальчиков, взлетая на воздух и приземляясь на руки качавших его.

Но и потом, уже стоя на земле, запыхавшийся Тима Мальчиков снова сказал:

— Это несправедливо. Коршун тоже выиграл. Пойдемте к нему.

— Да ну его, — махнул рукой Серега Бабкин. — У него опять нога зашалила, пусть отдыхает. Видел, как он к дому шел, ногу за собой тасил?

— Нет, пойдемте к нему, — просил Тима Мальчиков.

Соперники-неудачники тоже стали говорить, что нужно все-таки зайти к Веньке, что это даже неприлично — не зайти и не пожать ему руку. Но тут подруга Нюшки, гидромониторщица Валя, находившаяся здесь же с Маришкой, которая сидела, закутанная в одеяло, в красивой коляске, испуганно сказала:

— Что вы, к ним нельзя заходить! У Нюши грипп азиатский и температура сорок. Я сейчас все узнаю...

Валя быстро покатила коляску к дощатым домикам, а Венькины друзья и женщины, жившие на участке, стали шумно говорить о гриппе, в том смысле, что из-за этого проклятого гриппа Нюшка даже не вышла сегодня на берег.

Но спустя несколько минут Нюшка все же появилась на берегу. На ней были валенки, тулуп и большой платок, повязанный по самые глаза. Натужно покашливая в ладонь, Нюшка болезненным голосом сказала, что у мужа очень разболелась нога, она дала ему порошок и он уже засыпает.

— Извините, ребята, что так получилось, — через силу выдавила она слабым голосом. — И Веня просил извинить его. Тебя, Тима, он просил поздравить, и я тебя поздравляю. А тут и я, как назло, заболела. — Нюшка опять сипловато покашляла в кулачок. — В райцентре мы обязательно будем. Вы пока к Сереже Бабкину идите. Переночуете у него, а утром он вас на вертолет проводит. Хорошо, Сережа? — совсем уже почти неслышно спросила она Серегу Бабкина и снова закашлялась, приложив к груди руку.

— О чем разговор? — ответил Серега Баб-

кин. — Все в ажуре будет. Ты иди ложись, не шути с гриппом. Мы тут сами разберемся.

Нюшка кивнула и пошла к своему домику, по-старушечьи волоча ноги в больших валенках.

А в райцентр Нюшка прибыла вполне здоровой и заметно похорошевшей, точно азиатский грипп пошел ей на пользу. Была она в туфельках на высоком каблучке и в элегантном кримпленовом костюмчике, который очень шел к ее молодой прическе: Нюшка снова коротко постриглась, оставив надо лбом темную, как у Веньки, челку. А вот Венька все еще маялся ногой и не смог прилететь вместе с женой, с ее подругой Валей и со своими дружками-секундантами. Больше всех отсутствие Веньки опечалило Тиму Мальчикова. Тима на днях должен был покинуть Колыму и жалел, что не может попрощаться с Венькой.

— Ничего, Тимочка, еще когда-нибудь увидитесь, — сказала ему Нюшка, чтоб немного утешить его.

— Нет, вряд ли, — сказал Тима Мальчиков. — А вообще я с удовольствием спустился бы еще раз по Лысому Деду.

— А Веня больше не будет, — сказала Нюшка. — Он так и просил всем передать.

— Брось, Нюша, — сказал ей Серега Бабкин. — Поправится нога и не устоит он. На то он и Венька — Красная Лодка.

— Нет, хватит. Как сказала, так и будет. Я ведь тоже вместе с вами на Лысом Деде выросла, только не любила его никогда, — ответила Нюшка Сереге Бабкину, и в голосе ее прозвучали твердые нотки.

Серега Бабкин, следуя традиции, предложил поднять бокалы с шампанским за победы-телей.

— Первый раз оказалось, что вас двое. Значит, за двоих, — кивнул он Тиме Мальчикову, но чокнулся сперва с Нюшкой: видимо, как с женой основного победителя, а потом уже и с Тимой Мальчиковым.

И все стали чокаться сперва с Нюшкой, потом с Тимой Мальчиковым.

Нюшка выпила шампанское, посидела с полчаса и, не дожидаясь, когда на эстраду выйдут музыканты и ударит джаз, сказала, что ей, да и всем, кто с нею прилетел, пора уходить. Поэтому пора, что в девять часов вечера за Чертов Хребет пойдет вертолет, а им обязательно нужно успеть на него, так как дома больной Венька с Маришкой.

Венькины друзья сразу же вняли этому призыву и задвигали стульями. Оставалось только решить, как быть с трехколесными велосипедами, оставленными в вестибюле. Пять велосипедов принадлежали двум победителям, но Тима Мальчиков решительно отказался от них, говоря, что они ему совершенно не нужны. Нюшка тоже

наотрез отказывалась от «чужой доли». В конечном счете она махнула рукой и сказала:

— Ладно, заберу. На участке есть малыши, пусть ездят. Не заржавели коляски, не заржавеют и велосипеды.

Тима Мальчиков и его друзья с «Вольного», а также побежденные соперники и их друзья проводили уезжавших, а сами вернулись еще посидеть. И когда немного посидели, да когда еще немного выпили, да когда стали перемалывать языками Ньюшкино заявление о том, что это были последние пари Веньки и что кончились отныне всякие гонки на Лысом Деде, когда пустились парни толковать на эту тему, кочегар райцентровской котельной и заядлый охотник на зайцев Виктор Чернушко, дважды державший с Венькой пари и дважды тянувший пустой номер, сказал:

— А женушка его — крепкий орешек. Я ее сегодня второй раз видел и приглядывался к ней. Но такое у меня впечатление, что, когда она в валенках к нам на берег вышла, кашель у нее притворный был. А вот, зачем больной притворилась, этого не пойму.

— Да, может, затем, чтоб в дом нас не пустить, — ответил другой парень. — Сказала ведь, что дала Веньке порошок сонный.

— Как хотите, братцы, а свинья он, ваш Венька — Красная Лодка, — сказал один из друзей Тимы Мальчикова. — После финиша сбежал, сегодня не явился. Если с больной ногой в лодке выстоял, мог бы и до берега доковылять, и в вертолет влезть.

— Ладно, бросим об этом, — сказал Тима Мальчиков. — Я вот уезжаю скоро, может, последний раз тут видимся. Лучше закажу сейчас и себе, и вам прощальную.

Он поднялся и пошел к музыкантам, которые как раз собирались начать вечернее выступление.

Но, подойдя к эстраде, Тима почему-то ничего не сказал музыкантам, а вдруг повернулся и направился в вестибюль. Он взял в гардеробе куртку и шапку, вышел на улицу и через пять минут уже подходил к районной больнице. У него возникло одно подозрение, и он хотел сразу же все выяснить.

Был десятый час вечера, на улице разливалась дневная светлость, и солнце, катившееся ближе к лету, еще не собиралось заходить.

Двери в больнице были не заперты.

Тима вошел в пустой вестибюль и поднялся на второй этаж. Здесь он сбросил куртку и шапку, кинул на кресло.

Его заметила молоденькая медсестра.

— Вы к кому? — машинально спросила она, потому что сразу же строго сказала: — Уже поздно, приходите завтра.

Тима Мальчиков смешался под строгим взгля-

дом хорошенькой медсестры и потянулся к шапке с курткой. Но потом сказал:

— Понимаете, завтра я не могу: уеду на прииск. Просто я хотел узнать, когда от вас выпишется Коршун? Он лежал в девятой палате.

— Его только что выписали, минут двадцать назад. Они на трех такси к вертолету уехали, — ответила молоденькая медсестра, и добавила: — А я вас теперь узнала: вы к нему приходили.

— Да, когда он первый раз лежал, — сказал Тима Мальчиков.

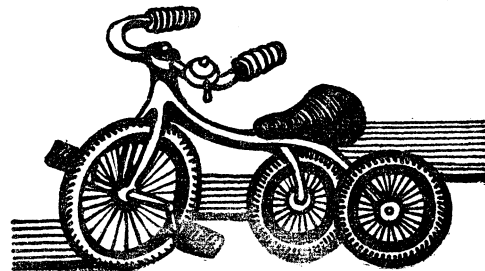
— Почему первый? — удивилась медсестра. — Коршун лежал у нас все время, ровно три месяца.

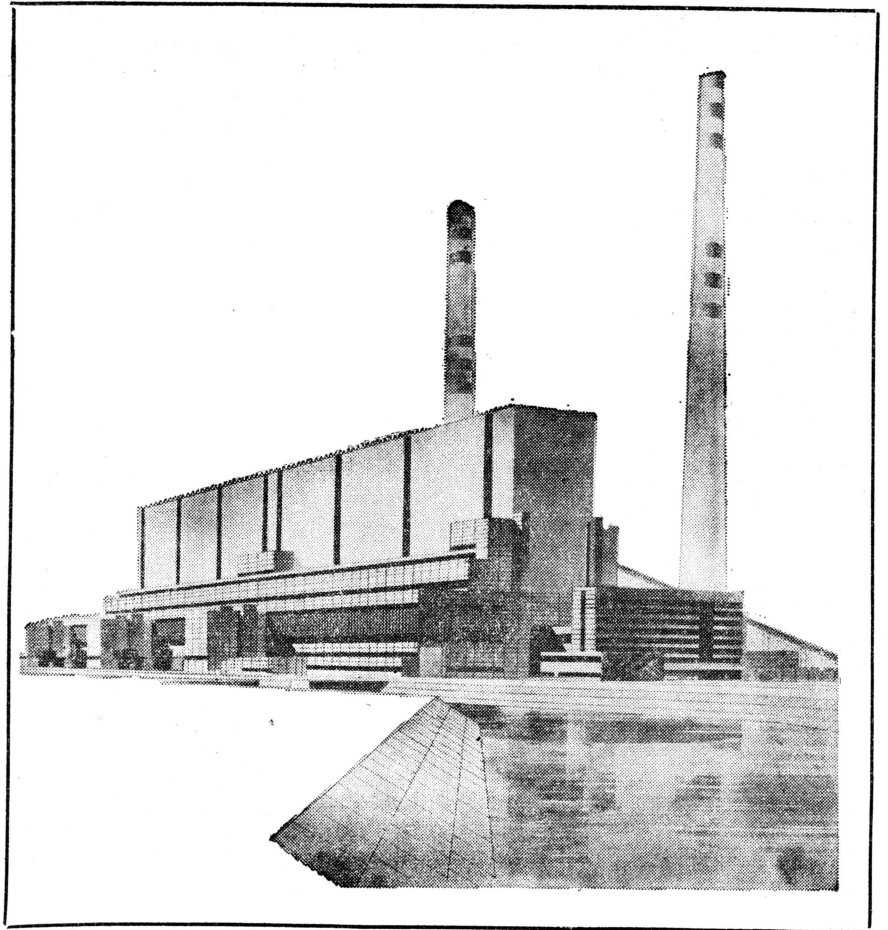
— Тогда я что-то путаю, — смутился Тима Мальчиков. — Я думал... он выходил, потом опять лег...

— Ну что вы, две таких операции! Как он мог выходить и приходиться? У него вся кость была раздроблена, — объясняла молоденькая медсестра.

— Так, — задумчиво ответил Тима Мальчиков.

Он окончательно понял, с кем разделил победу на Лысом Деде и почему у Ньюшки вместо красивых локонов снова появилась косая челка.

БОГАТЫРЬ В ДОБРЯНКЕ

Разбудили дикие гуси. Крик отлетающего каравана был похож на таежный скрип деревьев. Птицы летели уже над дальним лесом, когда Аистов выглянул в окно, оглядев осенние пихты, стоявшие стеной по увалам, лес, за ним моховые болота, озера — привольный край. И крик гусяного каравана был печальный: не хотелось птицам покидать родные места...

В Добрянку на строительство крупнейшей в стране Пермской ГРЭС Аистов приехал недавно. Он — главный инженер нового управления треста Уралэнергострой, возводил многие станции, но такого размаха строительства не знал. На западном склоне Урала вырастет мощнейшая электростанция. Она даст жизнь многим поселкам, городам и предприятиям Прикамья.

Добрянка — небольшой городок на берегу Камского водохранилища. До Перми — 90 километров. Летом сюда легко добраться на «Ракете» или «Метеоре», зимой — труднее. Аистова с первого дня покорила красота здешних мест. И имя у городка ласковое. Здесь нет многоэтажных домов, старые избы и коттеджи избегают на увалы, спускаются к водохранилищу. Лишь в последние годы появилось несколько пятиэтажных домов на окраине.

Но каждый, кто сегодня приезжает на строительство Пермской ГРЭС, в мыслях уже видит город — двенадцати-, шестнадцатизэтажные дома, с комплексом спортивных и культурно-бытовых сооружений.

Стройка уже развернулась. Из многих городов страны едет в Добрянку молодежь. Еще был Не каж-

ОГОНЬ ВЕКА

дому в жизни выпадет возводить такой энергетический гигант. Мощность станции 4 миллиона 800 тысяч киловатт. Шесть блоков мощностью по 800 тысяч каждый. Для сравнения возьмем мощность Рефтинской ГРЭС — 1 миллион 300 тысяч киловатт.

В первую очередь создается строительная база, растут жилые дома, общежития для молодежи, прокладывается железная дорога от станции Добрянка до промплощадки, вырубается лес. Нет, будущая ГРЭС не загубит природу. Вот мнение начальника отдела комплексного проектирования УралТЭПа Юрия Михайловича Лобастова:

— Пермская ГРЭС не похожа ни на одну тепловую электростанцию в стране. Оперативно-диспетчерское управление и контроль за работой энергоблоков будут осуществлять электронные машины. На каждом агрегате — ЭВМ. Котлоагрегаты — новой конструкции. Котлы смонтируют не на фундаментах, а они будут подвесного типа, с опорами на конструкции главного корпуса. Это дает большую экономию капиталовложений. Каждые сутки сюда будет поступать 11 составов угля. Поэтому угольный склад оборудуется двумя машинами непрерывной разгрузки. Расход воды — 142 кубических метра в секунду. Станция расположена на берегу Камского водохранилища, но сброс загрязненных вод исключен. Встанет комплекс очистных сооружений. Дымовые трубы высотой 330 метров и установка мощнейших электрофильтров на котлах исключат загрязнение атмосферы.

Более того — строительство ГРЭС не только не нарушит природу, но и обогатит ее... Предусмотрено сооружение водохранилища и рыбного завода с использованием теплой оборотной воды. Добрянка станет получать 15 тысяч центнеров рыбы в год. Все сооружения не займут ни одного гектара пахотных земель.

В будущем году начнется строительство самой станции. А после ввода первого блока каждые шесть месяцев намечено сдавать в эксплуатацию очередной блок.

На рисунке: так будут выглядеть основные сооружения станции.

Василий
ПАНКРАТОВ

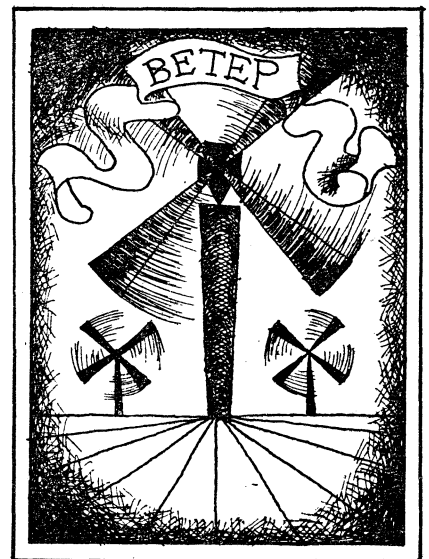
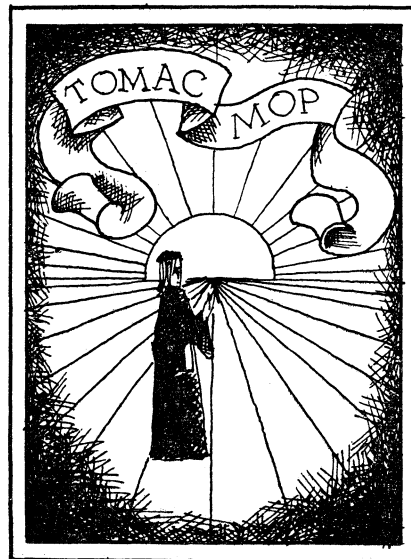

В поистине золотой книге Томаса Мора, которая уже более четырех веков интересует человечество, есть не разрешенные великим утопистом общественные проблемы. Теперь нам эта уязвимость «Утопии» отчетливо видна. В свой застойный век Мор мечтал о том, что люди, работая вручную, без машин и всего по шесть часов в день... обеспечат изобилие. В наш энергичный век мы понимаем, что без надежных источников энергии и без разнообразных машин и устройств цивилизованная жизнь невозможна. Лишенные электроэнергии гигантский завод и кофемолка стали бы бесполезными вещами, бутафорией. Потому нынешняя энергетика так изобретательна и дальновидна. Каких только нет идей и проектов, цель которых найти новые источники энергии на планете и гарантировать тем самым технический прогресс.

Какие ожидаются к концу века изменения в энергетике? Вот лишь несколько штрихов обозримого будущего. Энергоемкость всех видов производств намного возрастет.

Уголь и уран станут предпочтительнее нефти и газа. Уже ясно: пар разогревать до новых, еще более высоких температур неразумно. Ведь его нужно усмирять «рубашками» из очень уж дорогих материалов. Словом, век пара выдыхается. В работу запрягаются реакторы на быстрых нейтронах (такой реактор строится, например, на Белоярской атомной). Их еще называют реакторами-размножителями, потому что они сжигают урановое топливо и одновременно воспроизводят его. Энергетическая скатерть-самобранка! Но — идем далее: мы не назвали еще одну важнейшую проблему — к концу века могучие ГЭС, ТЭС, АЭС должны и будут вписаны в окружающую среду безболезненно. И кстати, если мы говорим об охране природы, то упомянем, что в транспортной энергетике — будущее за электромобилями и двигателями внешнего сгорания. Они милостивы по отношению к атмосфере...

Вот интересный расчет. Если в нашей стране в ближайшие пятна-

дцать лет внедрить двести тысяч ветро- и гелиоустановок, то можно сэкономить до трех миллионов тонн условного топлива. Какое это было бы благо и для природы! Ведь эти установки абсолютно гигиеничны. Энергией ветра и солнца можно обеспечить пять-шесть тысяч чабанских пунктов, ею можно защитить от коррозии трубопроводы длиной десять тысяч километров. И, наконец, это сто сорок миллионов рублей экономии в год только за счет того, что себестоимость электроэнергии от ветра и солнца гораздо дешевле.

Назовем еще несколько проклевывающихся в широкую практику идей. Та же ветроэнергетика. Крупный «ветряк» будет построен в США. Две лопасти длиной 30 метров закрутят электрогенератор, расположенный в пятидесятиметровой стальной башне. Стоимость башни ветра — семь миллионов долларов. Больше проектируется всевозможных уловителей солнечного света. В Японии, к примеру, даже разработана дальнобойная программа (до 2000 года), которая так и названа — «Солнечный свет». В Индии взят прицел на этот же источник энергии. Страна небогата гидроэнергией, а половина энергии все еще производится прапрадедовским способом — попросту сжигаются деревья и кизяки. Это тяжкое бремя для флоры

страны. В Канаде первая гелиоустановка для отопления жилого дома появилась лет пять назад, теперь там таких «солнечных» домов — десятки. Чистый канадский снег увеличивает интенсивность солнечной радиации. Так что снежные страны тоже могут черпать энергию из солнечного океана. В Альбукерке (США) сооружается солнечная электростанция (СЭС), которая должна дать ток в этом году. Эта СЭС — башня. Бесшумная, бездымная, как дерево, башня, дающая энергию. И такое изобретение: холодильник на солнечной энергии. Днем солнце питает холодильник и про запас заряжает обычный автомобильный аккумулятор. Ночью и в пасмурную погоду аккумулятор отдает энергию мотору холодильника. Так солнце в ближайшем будущем будет не только освещать наши кухни, но и работать в них...

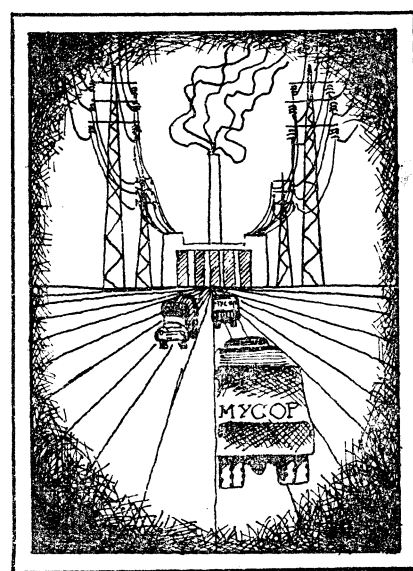
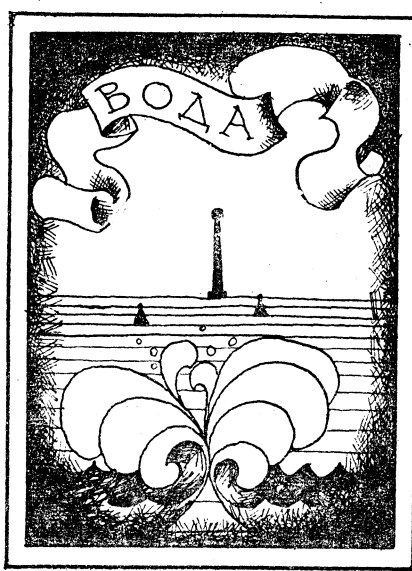
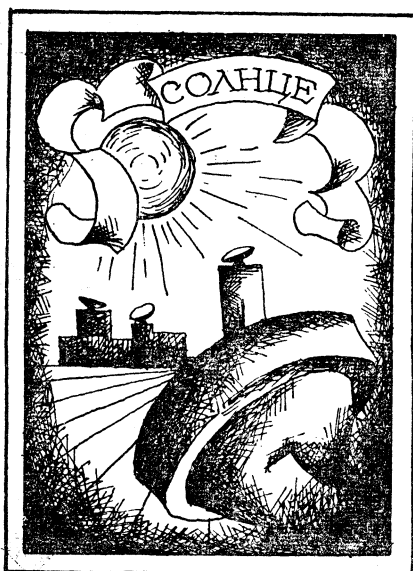
А это — необычный источник энергии. Специалисты называют его «космической мощностью». Вот о чем речь: реки, вливаясь в Мировой океан, оказывают на соленую воду нешуточное давление. Реки «толкаются» в морях, развивая осмотическое давление до двадцати пяти атмосфер. Эту силу тоже можно запрячь. Экспериментальные установки, использующие толкание рек, пока дороги, но не бесперспективны.

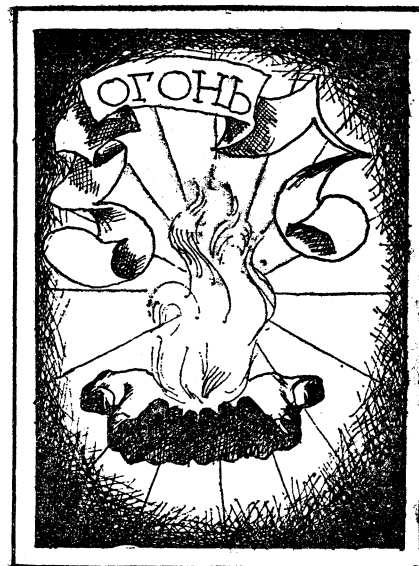
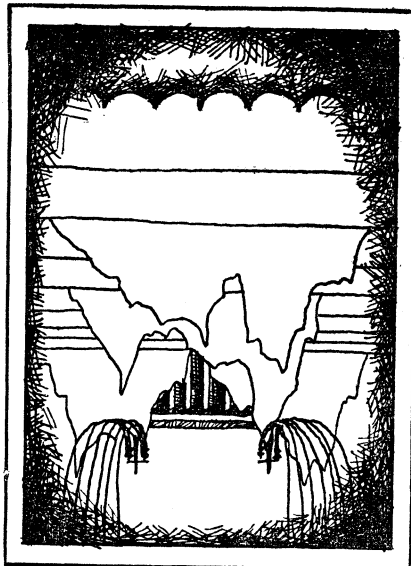
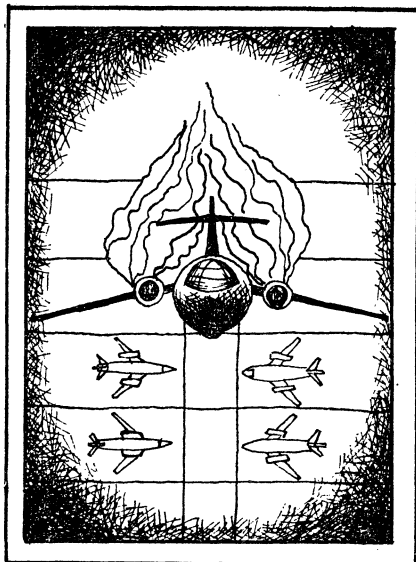
И опять океан... Изучается воз-

можность использовать энергию морских волн, которая выражается баснословной цифрой — около девяноста гигаватт. Кстати, японцы уже понемногу снимают сливки с океана энергии. У них в эксплуатации триста буев и маяков, на которых под воздействием волн сжимается воздух и приводит в действие воздушные турбины. Есть и другие океанские установки, добывающие энергию из разности температур поверхностных и глубинных вод. Они пока дороже тех, обычных, что работают на угле.

Об этот источник энергии записались много поколений людей — это обыкновенный мусор. Только в США ежегодно вывозится на свалки 136 миллионов тонн мусора. Если его спалить, то Америка смогла бы удовлетворить пятую часть своей потребности в электроэнергии. И мусоросжигательные печи уже появились у американцев, и есть даже целая электростанция «на мусоре». В Канаде сконструированы передвижные мусоросжигатели, они-то и штурмуют свалки.

И еще один неклассический способ производства энергии. На специальной плантации выращивают растения, чтобы затем сжечь их и получить синтетический газ. Такое топливо дешевле нефти. Вообще идея получать синтетический газ из чего угодно разрабатывается сейчас ак-

тивно. В США в 1990 году будут работать 20 заводов по газификации угля. Первый завод построят через год-два.

Нужда учит... Энергетический кризис в капиталистических странах затребовал топливные идеи, и они не замедлили явиться. Английский химик Натаниэль Ньюмен заявил, что разработал добавку для нефтяного топлива. Ее применение, якобы, сократит расход бензина на 25 процентов. Сырье для арманола (название чудодейственной добавки) — обычные химические вещества. Фирма «Баджер компани» (штат Массачусетс) создаст установку по производству метанола из каменного угля. Метанол по сути новое автомобильное топливо, ибо его можно подавать без смеси с бензином в двигатель. В ЮАР пробуют из каменного угля получать топливо для реактивных двигателей. Однако оно в два раза дороже нефтяного. Есть проект добычи горючего для автомобилей из нефтеносных песков. Предвидимая трудность: это производство энергии было бы очень опасным для окружающей среды, очень грязным.

Водород... Его «выжимают» из дров, угля, нефти и так далее. Многие страны хотели бы высечь из водорода огонь энергии. Вот особенно заметный проект. В Гренландии надо поставить высоконапорную ГЭС,

использующую талую воду неоглядных ледников. Электричество израсходовать на разложение морской воды, на извлечение из нее водорода, который и подавать по трубопроводам в заинтересованные страны. И эти водородопроводы окажутся дешевле существующих линий электропередач...

Когда смотришь всевозможные проекты производства энергии по новому, видишь, что забота о природе становится всепроникающей. Советские ученые одним из лучших решений замкнутых производств считают плазменно-химическую технологию. Новосибирские исследователи, например, предлагают не хоронить особо вредные и не поддающиеся вторичной переработке отходы, а смелее «идти на огонь», сжигать их в огне плазмы. Так технология, потребляя энергию, сможет и возвращать часть ее, ведь отходы нужно сжигать не для того, чтобы греть небо. Множество предложений бомбардируют одну долговечную проблему тепловых электростанций — как обессолить воду? На станции средней мощности в год вполне возможно получать около пятнадцати тысяч тонн ценных солей. Как? Наиболее приемлемый путь — термический. Строятся также при тепловых электростанциях станции очистки сточных вод с большими отстойника-

ми и хитроумными ловушками для легких веществ. Множество усовершенствований нацелено на дымовую трубу... Тут наметился четкий путь: создаются автоматизированные системы управления горением. Так уменьшают выброс вредных веществ в атмосферу.

Невинны в экологическом смысле ветровая и солнечная энергии, не загрязняют океана и работающие по воле волн буи и маяки, но сжигать нам еще не десять и не двадцать лет уголь, бензин, мазут, древесину. И нынешнему школьнику искать не только новые источники энергии, но — и это, возможно, более увлекательно! — искать ему безвредные для природы новые способы жечь уголь, бензин, мазут, древесину. Чтобы огонь энергии на нашей планете стал чистым...

Юрий
ЛИПАТНИКОВ.

предусмотрено инструкциями. Значит, вместо одной — до двух норм.

Вот экскаватор остановился. Андрей Ермаков выглянул из кабины, помахал нам рукой. Но тут же он вонзил ковш в грунт, газанул, и тяжелая машина вместе с ковшом снова поплыла вперед. Когда плот своим передним бортом уперся в днище ковша, машинист потянул рычаг, и сложенная стрела начала выпрямляться. При этом экскаватор сильно задрожал, затрепыхался, качнулся из стороны в сторону. У Ермакова ни один мускул не дрогнул на лице. Уверенным плавным рывком стрелы он выровнял драглайн. Катенин ткнул меня кулаком в бок, азартно воскликнул:

— Видал, какой артист! Хоть в кино снимай! — Потом стиснул мне локоть. — Это такой парень. Я вам о нем еще расскажу...

2

Кое-кто из руководителей дорожной стройки полагал, что весна в этих суровых краях придет поздно и паводка нечего опасаться. К середине дня с тяжелых, прихваченных инеем лап елей начала позванивать капель, просверливая, точно бурвачком, в глубоком снегу прямые желтоватые отверстия, а к вечеру подмораживало, стало зябко.

И вдруг за какую-то неделю стаял весь снег. Вскоре вскрылись реки с озерами и вышли из берегов. И там, где еще недавно лежал двухметровой толщины снег, образовалось огромное болото — оно тянулось вдоль трассы. По сооруженным зимой сляням едва успели переправить в глубь тайги драглайн, снабдить экипаж необходимым запасом продовольствия и походной радиостанцией. И вот уже от этих сляней и следа не осталось.

В трясины тонули машины, да что там машины! Торфяной покров оседал и проваливался даже под тяжестью человека. Болото было как живое: сделаешь шаг, другой — и почва пойдет волнистой зыбью, застонет, завсхлипывает. Лишь опытный охотник, и то с трудом, мог пройти здесь.

Работавший на переправленном туда экскаваторе машинист Федотов сообщил по рации, что у его машины почему-то глохнет двигатель. Второй день Федотов бьетса, — мотор оживет на секунду и вновь замолкает. Узнав об этом, Ермаков вызвался помочь товарищу в беде.

— Но каким образом? — спросил Катенин. — Я устроивал Федотову радиоконсультации, не помогло. А добратся к нему невозможно.

— Отчего же невозможно? — возразил Ермаков. — Все возможно. Хотите, я проберусь туда?

— Вы, сержант, здесь новичок, не знаете местности, всех ее каверз...

— А вы, товарищ инженер, служили в армии?

— Если считать месячные сборы после института...

— Значит, не служили, — в голосе Ермакова слышалось искреннее сожаление. — Я вам твердо обещаю: пройду!

— Ладно, — в конце концов, согласился Катенин. — Снаряжайтесь.

Ермаков быстренько собрался и пустился в свой опасный путь.

3

Он двинулся в обход болота. Оно оказалось значительно большим, нежели предполагал Ермаков, не видно было ни конца ему, ни края.

Вот скоро уже вечер, а рокота экскаватора не слышно. Должно быть, далеко ушел от трассы.

Вдруг до его слуха донесся какой-то резкий, непонятный шум. Не далее, чем в двадцати метрах от себя он

увидел копошащийся бурый комок. Собаки? Да откуда им тут быть? Он затаился за стволом. Оказывается, это дрались выдра с росомахой. Разъяренные звери не замечали человека. Росомеха брала верх: короткая шерсть не спала выдру от острых зубов и когтей опытного врага. И тут, выбрав подходящий момент, выдра решительно кинулась на своего противника. Росомеха, чувствующая себя уже победительницей, трусливо отскочила в сторону. Выдра торпедой скользнула в воду. Росомеха не стала ее преследовать, и та, выбравшись на кочки, принялась заливать раны. Ермаков укрылся за деревом, чем черт не шутит — обозленный зверь мог броситься на него.

И вдруг до сознания Ермакова дошло, что он потерял ориентировку. Кругом лес — в какую сторону идти? Пришлось возвращаться по своим старым следам. В пустом желудке неприятно урчало. «Эх, расхвастался: в армии служил, сам черт мне не брат!» — с горечью думал он. С какими глазами он предстанет теперь перед Катениным?

К вечеру он вышел к своему болоту. Что же делать? Еще раз попытаться обойти болото стороной? Но ведь скоро ночь... И он решил форсировать болото по-солдатски. Адски тяжелой была эта работа. Куда тяжелее, чем бывало на армейских учениях в песках. Но он одолел: так это чертово болото. Где ползком, где прыжками с кочки на кочку он, хотя и медленно, но все же пробивался к темневшему поодаль лесу. Искровянил лицо и руки, на коленях изодрал штаны, но все это суший пустяк, главное, что он выбрался из болота и вскоре уже обменивался с Федотовым дружеским рукопожатием...

4

Передав управление машиной своему помощнику, Ермаков молодецково выпрыгнул на лоснящуюся торфяную массу и увяз по колени. Атлет с темными глазами и сросшимися на переносице широкими бровями, он подошел, поздоровался и вдруг обернулся к экскаватору:

— Влево, Антипкин, влево стрелу!

Стрела пошла влево, и экскаватор выровнялся. Ермаков погрозил помощнику кулаком, весело сверкнул глазами:

— Пойду, Павел Иванович, к Федотову, посмотрю, как он там. — Кивнув в сторону драглайна, деловито заключил: — Антипкин справится, теперь ему нянька ни к чему...

Катенин подтолкнул меня в спину: смотри, уйдет твой герой. Я догнал Ермакова, зашагал рядом.

С ветки на ветку, с елки на елку скакала юркая белочка. Заметив людей, взмахнула пушистым хвостом и исчезла. По стволу сваленного бурей дерева пробежал полосатый бурундук.

Тайга жила своей жизнью. Еще не дошли сюда основные силы строителей дороги, вековая тишина пока что нарушалась лишь грохотом двух драглайнов.

К тому времени, когда туман окончательно рассеялся, мы вышли из разложины. Глаза сами собой жмурились, не сразу привыкнув к обилию яркого света, к голубизне чистого неба, к широте горизонта. По болоту проложил след какой-то крупный зверь. Ермаков остановился, приставил палец к губам, сказал:

— Сохатый. Уходит от нас в глубь тайги.

Вдруг Ермаков замедлил шаги и вскоре совсем остановился. Тронув меня за плечо, шепнул:

— Смотрите-ка, что за чудо?

Во все глаза я смотрел перед собой и ничего, кроме кочковатого болота, не замечал. Ермаков сильнее сжал мое плечо:

— Неужели не видите? — Он внезапно рассердился: — А еще журналист, пишете! У вас должно быть такое зрение, такое чутье... Да вон же, на той стороне болота!

Теперь и я увидел то, что так поразило Ермакова.

Метра полтора от комля сосны росли врознь, потом соединились, образуя единый бугристый ствол. Затем опять разошлись, а метров через пяток вновь обнялись. У них была одна вершина с похожим на светлое облачко куполом.

— Как это здорово у них получилось! — в волнении проговорил Ермаков.

Мы присели на поваленное полуистлевшее дерево отдохнуть.

— А что тогда было у Федотова с машиной? — спросил я. — Серьезное что-нибудь?

Втопав каблуком в землю окурком, Ермаков резко поднялся, недовольно проговорил:

— Засиделся я тут с вами. А там, у Федотова, может, опять что, совсем юнец. — Смягчившись, предложил: — Хотите, пойдемте вместе, посмотрим.

Похоже, еще издали почуял, что с машиной у Федотова неладно: двигатель с ревел на всю тайгу, то вовсе заглохал. Ермаков побежал.

Когда я подошел к драглайну, он уже работал нормально. За рычагами орудовал сам Ермаков. Неподалеку от экскаватора смущенно топтался маленький белообрый Федотов. Он был в выдавшей вида гимнастерке, туго подпоясанной солдатским ремнем. На затылке смешно торчал мальчишеский хохолок светлых волос.

— Ну и влетело мне от Ермака, — стараясь скрыть смущение, бодро произнес он. То была не жалоба, а гордость за своего товарища до нелегкому труду. — По самое последнее число влетело! А дело в чем, думаете? Какой-то закаменелый пенёк попался. С полчаса бился с ним, я и так его и эдак — хоть плачь — не поддается, и все тут. А он сел, и за минуту выудил корягу. Вот она, полюбуйтесь!

На отвале возлежал, раскинув в стороны щупальца-корни, гигантских размеров пенёк.

— Да... — только и нашелся я сказать.

— Мне бы его хватку, больше ничего не надо, — продолжал Федотов. — Хотя нет, упрямота бы у него еще подзанять. Подумать только, шел ко мне — едва не погиб в болоте. Заявился сюда грязный, окровавленный, оборванный — жуть! На ногах еле держится, а сам улыбается. Ну, говорит, Федотыч, докладывай, что тут у тебя. Я говорю: ты сперва хоть умойся, подкрепись, а он — ни в какую. Сначала, говорит, отладим машину. Послушал он мотор и как хлобystнет своей ручищей меня по спине со всего размаху, я еле устоял. Клапан, мол, не в порядке, давай подтянем. А я, вишь, не догадался. Ну, извините, мне туда надо... — и сияющий маленький Федотов бросился к экскаватору. Ермаков уступил ему место и, прежде чем спрыгнуть на землю, шутиливо приложил к его небольшому вздернутому носу выпачканный в мазуте кулачище:

— Смотри, парень, чтоб больше не танцевал он у тебя кадрили, а ра-бо-таи!

ОБЕЛИСК В СТЕПИ

Михаил
СЕКРЕТ

По тропинке, пробитой стадами, идем в сторону от станции Сырт, что в Оренбуржье... Мирная добрая степь... И вдруг обелиск! На чьей могиле он установлен?

...Грозным оружием в годы Великой Отечественной войны, особенно в ее первые месяцы, были бутылки с зажигательной смесью. С ними выходили на встречу танкам советские бойцы.

Однако жидкость КС имела и недостатки. Ее нельзя было долго хранить, с трудом перевозили ее к линии фронта, стоила она дорого.

Перед учеными, возглавляемым кандидатом технических наук Г. Н. Худяковым, была поставлена задача разработать новые эффективные огнесмеси. Вскоре ученые доложили правительству, что разработаны БГЖ — боевые горючие жидкости.

Бомбы с БГЖ стали еще более грозным оружием. Танковые колонны противника, железнодорожные составы горели и плавились.

...12 января 1942 года тяжелый бомбардировщик, на борту которого находилась группа специального назначения, шел по курсу.

Уже потом, через десятилетия, Георгий Никитич Худяков с волнением рассказывал о том, что произошло.

Бомбардировщик шел на большой высоте, но никак не мог выбраться в чистое небо — за бортом бесно-

валась пурга. Худяков сидел на месте штурмана в носовой стеклянной кабине самолета. Невдалеке от него — инженер Б. Н. Назаров, которому вместе с ним предстояло выполнить ответственное задание.

Вдруг Худяков услышал непривычные выхлопы и почувствовал, что самолет начал падать вниз. Он хотел было связаться с экипажем, но внутренняя связь на корабле оказалась нарушенной. А самолет мчался к земле...

— У нас один выход, — сказал Худяков и открыл внизу люк кабины. Самолет находился рядом с землей. И он прыгнул. Без парашюта. С высоты 400 метров. За ним прыгнул и Назаров...

Врачи госпиталя делали все возможное, чтобы спасти ученых.

Худякова и Назарова спасло то, что падая с высоты 400 метров на глубокий плотный снег, они были отброшены воздушной волной на 100 метров в сторону.

Через много лет Г. Н. Худяков вернулся на работу в институт. Встал в строй и его коллега по работе и несчастью Б. Н. Назаров.

И обелиск в степи напоминает нам о том далеком сорок втором, когда это случилось, когда погибли, выполняя задание, советские летчики.

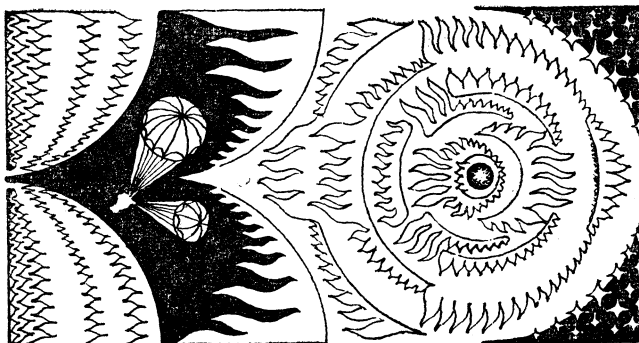
Небо вскипает звездами

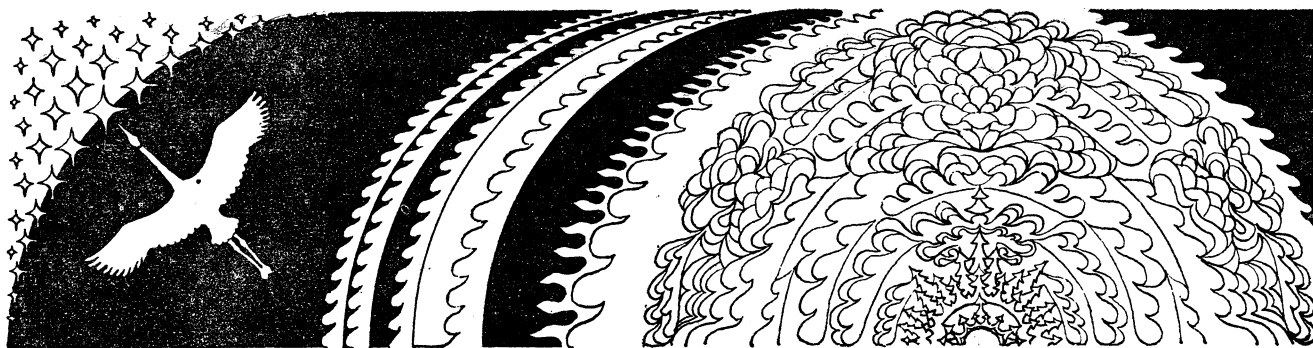
**Борис
КАРПЕНКО**

*Рисунки
В. Меринова*

Ратовский петушок

Вот снова я на Ратовских концах,
где осенью рябинам пламенеть,
и было радостно для сорванца
зимой на ветке яблоко узреть.
Здесь жили вряд семейства слесарей,
и гончаров на собственном наделе,
и две семьи вихрастых «глухарей» —
отцов оглохших на котельном деле.
Я здесь лепил с ребятами горшки.
Мы сами — формовали, обжигали...
Цветные, глиняные петушки,
над горестями детскими взлетали.
И клокотал в нас петушиный дух,
и шелестели крылья за плечами...
Казалось, что большой гончарный круг
вращает землю с речкой и домами.
Те дни прошли... Был бой жесток.
Не думал я, что все, как снилось, сбудется...
Не ратовский ли звонкий петушок
позвал меня сюда, на эту улицу?..
О, дети гончаров и слесарей,
и машинистов дымных паровозов!
Кем стали вы, друзья мои, позднее?
Какие в жизни испытали грозы?..

Огонь

...Нет, звездный свет меня не обжигал.
 Я близок был к огню иному,
 и я не в космос — в небо стартовал,
 с подвижных фронтовых аэродромов.
 Не летчиком — десантником-бойцом.
 С тяжелым парашютом за плечами,
 я машинально находил кольцо,
 чтоб землю ощутить под сапогами.
 И всюду жизни угрожал огонь —
 кинжальный, беглый... нет им счета!
 Не палец ослабевший, а ладонь
 давила на гашетку пулемета...
 И выжил я, награду получил.
 Все говорят: счастливый случай.
 Всего верней — товарищ заслонил,
 огнем своим от смерти неминучей.

Кузнецовский родник

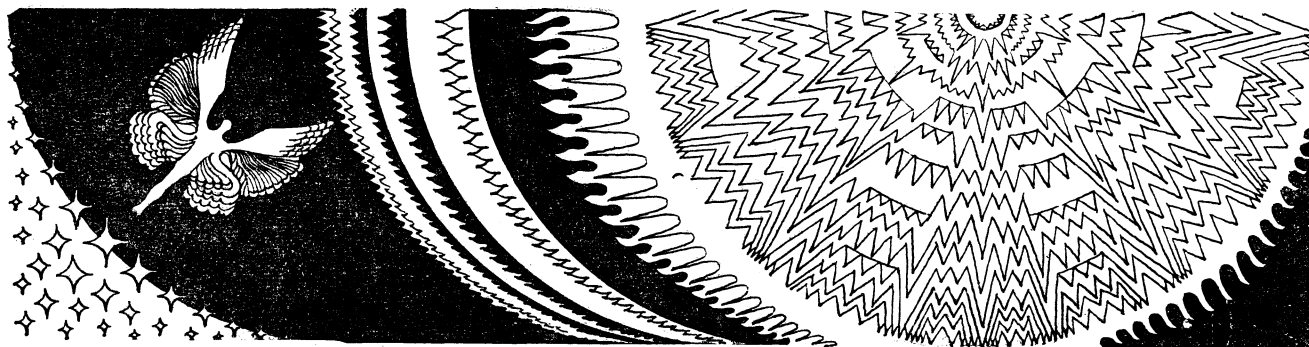
Старики деревни не забыли,
 как в прохладном сумраке лесном,
 из него степенно лоси пили,
 рысь лакала красным языком.
 В зной и стынь,
 в любое время года,
 бьет его струя наверняка...

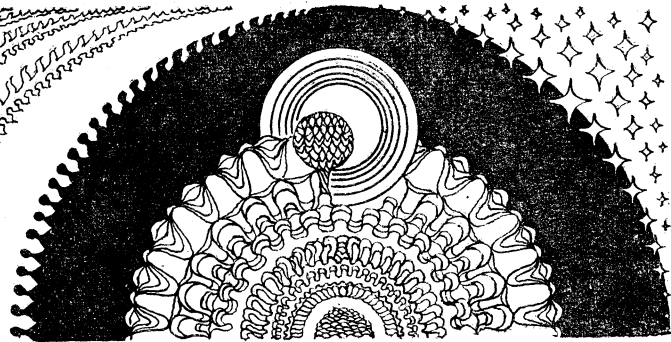
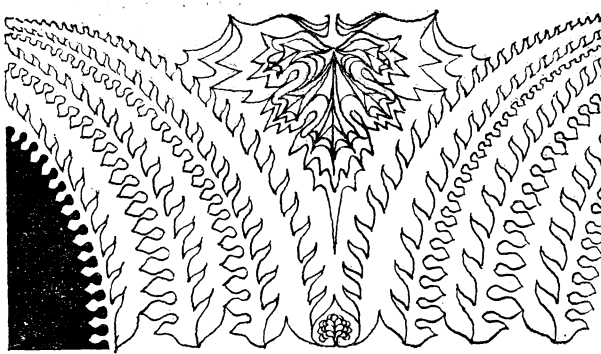
Ни колодца, ни водопровода.
 Вся деревня пьет из родника.
 Это здесь, в соседстве трясогузок,
 к роднику склонял свое лицо,
 наш разведчик и герой Союза,
 босоногий Коля Кузнецов...
 Говорят, что нет воды сильнее,
 чем из родника того вода:
 ломит скулы, и в груди немеет,
 но зато и помнятся года.

Журавли

Журавли на озимь прилетели.
 Мы не так уж часто видим их —
 голенастых, о которых пели,
 настоящих журавлей живых.
 Я ничем гостей не потревожу —
 пусть пасутся серые, пока
 не вспугнет их, может быть, прохожий
 или дальний шум грузовика.
 Нелегко в апреле прокормиться,
 потому к полям она и льнет —
 грустная и песенная птица
 наших древних северных болот.
 Вот летит, летит сорока-сплетница,
 чтобы все, как было, перевернуть...
 Журавли уходят в небо лестницей,
 но по ней бескрылым не взбежать!

Элида ДУБРОВИНА

Небо вскипает звездами,
Россыпью синего жара,
Небо для крыльев создано,
Для вечной тоски Икара.
Серебряной плазмы свечение,
Магнитных бурь круговерть...
В радостном, дерзком влечении,
Мне бы туда улететь!
Тайны великой коснуться,
Дрожь ощутив в крыле,
Вечность постичь —
И вернуться,
Чтоб умереть на Земле.

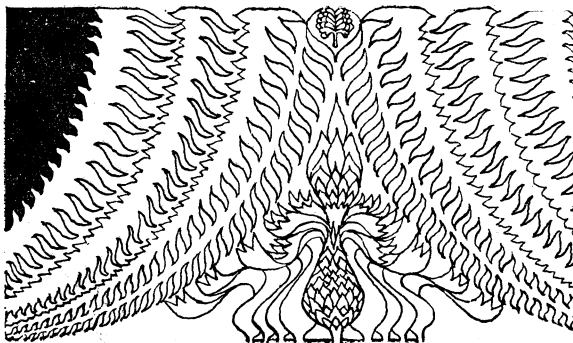

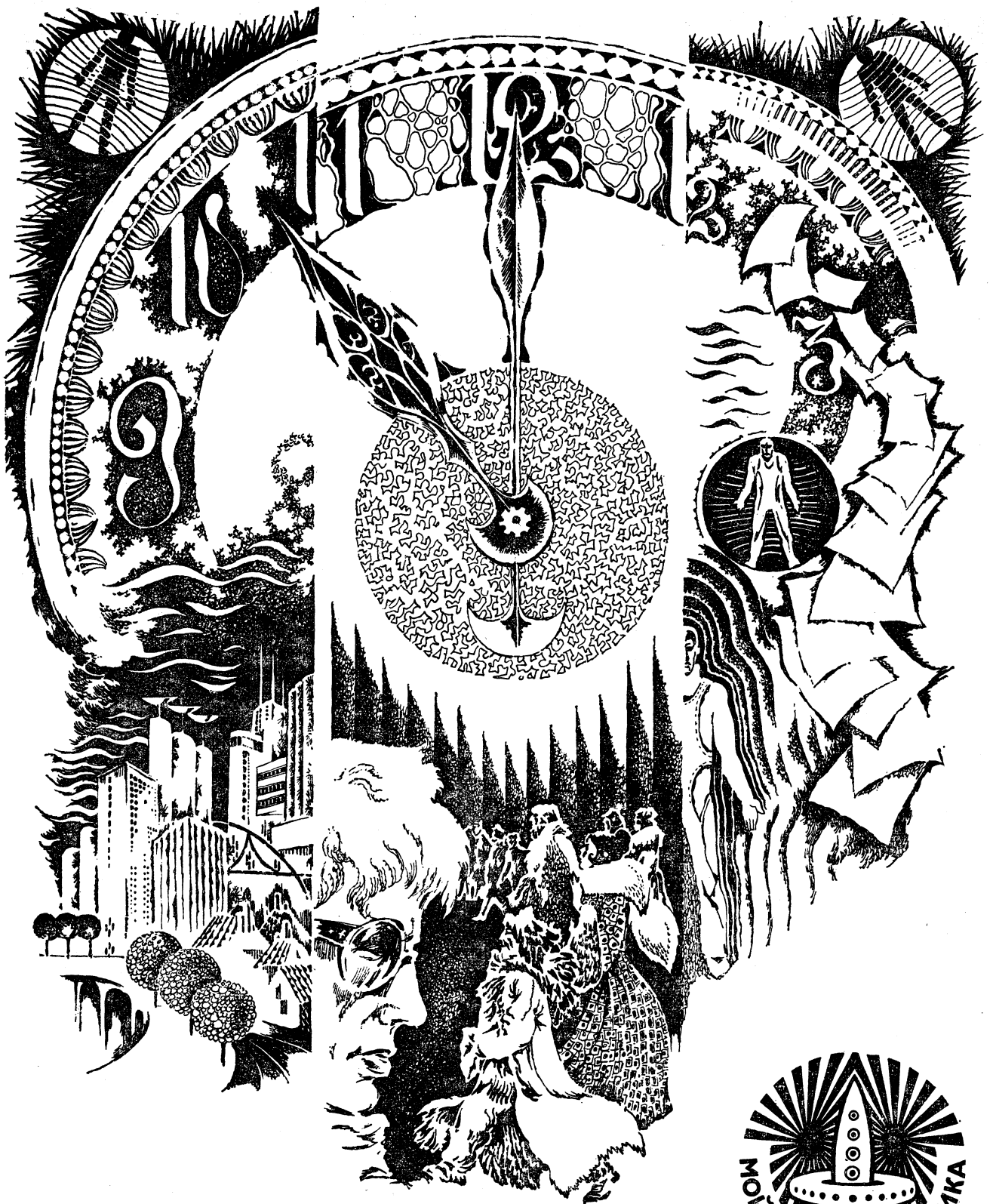
Позовет васильковая воля,
Встану рано при свете зари,
Выйду в поле: «Дай силы, поле!»
Усмехается поле: «Бери...»
Загорится цветами утро...
Сквозь пчелиный почудится гул
Словно кто-то большой и мудрый
Головой покачал и вздохнул.

Глубина

Как легко бежать
Малой реченькой,
Серебрить бесхитростный путь,
И улычиво,
И доверчиво
К берегам травянистым лнуть!
Только вспять — не течь!
Родника — не вернуть...
Вот уже и не видно дна!
Шевельнулись в душе,
Как тяжелая ртуть,
Непонятная глубина.
И не вдруг ответишь студеным ветрам,
Что мужали вместе с тобой,
И задумаешься...
И по сильным волнам
Пробежит огонь голубой.
И ревет на порогах
В стеклянной пыли
Разъяренный, седой пережат...
Сколько сломано скал,
Изрыто земли,
Сколько отдано — глянь назад!
Поначалу несложно живется:
Греет солнышко душу до дна.
Глубина нелегко дается.
Тяжела она, глубина.

ОТКРЫТИЕ СЕКУНДЫ

Георгий
ГУРЕВИЧ

Рисунки
Е. Стерлиговой

Книгу я написал за одну ночь.

Вчера, к концу рабочего дня, в моем кабинете раздался звонок.

Люблю звонки. В них обещание неожиданности. Вдруг вспомнил тебя друг детства, приехавший с Марса, вдруг тебя самого посылают на Марс. Путешествие, приключение, споры, нарушающие размеренный ритм жизни у письменного стола. И хотя обычно мне звонят родные или редакторы, я всякий раз с волнением тянусь к экрану.

Редактор был и на этот раз. Голос его звучал жалобно.

— Голубчик, выручай! Получил рукопись, ни в какие ворота не лезет. То есть все основательно, добротное, выверенное, но читать... Невыносимо! Формула на формуле, ссылка за ссылкой. Специалист писал для специалистов, стеснялся понятные слова употреблять. А мы же популярные, общедоступные. Дружок, сделай милость, напиши для нас. Материал ты знаешь, темпорология — твоя стихия!

Я ответил, что сейчас у меня нет времени. Докончу работу, потом поеду в отпуск на Новую Землю или в Новую Зеландию, еще не решил — куда. Осенью сяду за эту книгу, к будущему лету сдам...

— К лету? О лете не может быть и речи! Рукопись нужна мне завтра в девять утра.

— В девять утра? Ты хочешь, чтобы я...

— Да, я хочу, чтобы ты написал книгу в Т-граде. И не спорь, пожалуйста, друзей надо выручать. Запрос я уже сделал, место обеспечено. Город принимает тебя в 22 часа 48 минут, отправление в 22.28. Не подводи, дорогой. Сам понимаешь, идет серия — «Делается открытие», и читатель ждет третий выпуск после второго. Ты наш постоянный и надежный автор, мы в тебе уверены...

И я согласился. Главным образом потому, что хотелось побывать в Т-граде.

Взглянул на часы. 16 часов 03 минуты по московскому времени. Запомнил и три минуты. Отныне счет жизни пошел на минуты. До срока — семнадцать часов без трех минут.

Вечер на сборы. Ну, для литератора срочная командировка — дело привычное. Тем более, еду в благоустроенный город, нет заботы о пище,

одежде, крове. И отбываю всего на одну ночь, нет истерических предотъездных забот: дозволиться, извиниться, посетить, уладить, доделать... Улажу и доделаю завтра. На сегодня одно-единственное: ничего не забыть. Картотека, выписки, расчеты, микробиблотечка... Какие еще материалы нужны для размышлений? Ведь из Т-града запрос не пошлешь. Пока придет ответ, пройдет вся ночь... Ну вот и все вроде. Такси заказываю на 21.10. Еще записка жене: «Уезжаю на ночь...» Писать, что уезжаю в Т-град? Не стоит, пожалуй, она у меня впечатлительная, разволнуется, ночь не будет спать. Лучшее неопределенное: «Срочная командировка километров за двести. К утру вернусь...»

В 21.07 на экране возникает робот-диспетчер:

— Ваш дом восемь? Вы заказывали такси? Поднимайтесь на крышу, машина ждет.

Действительно, азротакси на крыше. Подрагивают крылья, шипят газовые струи, уходя в небо; отдаленно машина плотно прижата к мягкой кровле. Привычно забираюсь в кресло, пристегиваюсь, пристраиваю чемодан с микробиблотечкой. Ну и где тут адресный код? Веду глазами по алфавиту: Р... С... Та... Тв... Те... Вот он — Темпоград. 21-19-46. Набираю цифры на диске. Все. Лети машина.

21 час 23 минуты.

Честно говоря, не люблю я эти автоматы. Сидишь в одиночестве, словно наказанный, словом перемолвиться не с кем. Сорок минут заперти... когда счет идет на минуты. Ладно, подумаем о книге.

Итак, серия «Делается открытие». Тема волнует меня с молодых лет. Как это получается: бродит человек по комнате, давит сигареты в пепельнице, волосы ерошит... или в саду лежит под яблоней, травинки покусывает, смотрит сквозь ветки на облака. И яблоко упало... Бах! Открытие!

Вот Гурьянов — великий открыватель. Я и хотел написать его биографию. Глядь: у него предшественники, у тех тоже предшественники, а там еще предшественники. Эстафета! Длинная цепь больших, средних и микроскопических находок и ошибок. Гора усилий, на вершине — открытие.

Начинали эстафету, как водится, мечтатели,

наивные люди, счастливые неудачники. Счастливые, потому что жили в будущем, а неудачники — потому что родились раньше времени. Это естественно, и в темпорологии тоже был свой мечтатель. Человек великого кругозора и нулевой практичности, автор вдохновенных писем, перечеркнутых резолюциями: «В архив!»

Потом пришел математик, этот формулами подкрепил идею. Формулы можно было проверить, все плюсы и минусы стояли там на месте. Но больно уж странный был вывод. Специалисты не поверили. Сказали: «Все правильно, но физического смысла тут нет».

Эстафету принял библиограф, собиратель фактов, любитель листать страницы. У него была картотека: двадцать тысяч фактов о природе. Факты сводились в графики и таблицы, на глаз видно было, к чему дело идет. Легко напрашивался вывод, но так и неведомо, сделал ли вывод тот библиограф. Может, и сделал, да не захотел выбираться из-за спокойного стола на арену дискуссий.

На арену вышел четвертый: отважный, талантливый полемист, человек ясного и быстрого ума. Не пробил идею. Доказательств требовали у него. Для новинок всегда требуют непроверяемые доказательства.

Не пробил, но идея застряла в умах. Стало известно, что есть такая дерзкая мысль, надо подтвердить ее опытом.

И опытом подтвердили ее искусные экспериментаторы, люди с воображением конструктора, тонкими пальцами ювелира и терпением вола.

Методика была создана, за нее ухватились другие экспериментаторы, и открытия посыпались, как из рога изобилия. Их надо было осмыслить. Явилась школа теоретиков. Глава школы — мудрый, вдумчивый, прозорливый, чуткий к чужому таланту... и молодые, дерзкие, нетерпеливые и самонадеянные таланты. Последний из них был самым талантливым, он и завершил, разобрался во всех тонкостях, в которых прежде никто не мог разобраться.

Тогда-то Дмитрий Гурьянов и произнес свое знаменитое: «Будет и город...»

Кажется, вот он — город.

В ночной темноте под колесами ослепительно-желтое «Т».

Дмитрий Гурьянов...

Пришло время, и в магазинах Америки появилась книга «Храм Кроноса облицован». Она свидетельствовала: да, темпорология выстроена и отделана окончательно. И в эти самые дни на другом конце света, в другом полушарии, в Академгородке, что возле Новосибирска, в кабинет директора одного из институтов вошел стройный и подтянутый мужчина средней возрасту с остроконечной черной бородкой.

— Ну, поздравляю, поздравляю, — сказал директор, вертя в руках нарядный диплом доктора наук. — Читал твой реферат, читал. И защите слушал по теме. Значит, к нам опять? На прежнее место — на сверхпроводники?

— Естественно, — кивнул чернородый.

— А у меня другое предложение. — Директор все еще вертел диплом, явно смущенный. — Мы создаем лабораторию темпорологии. Дело новое, неизученное. Есть возможность наткнуться на что-либо невероятное. Ты не взял-ся бы?

— То есть ты не хочешь смещать моего заместителя? — догадался чернородый.

— И это есть, — признался директор. — Но главное: интересы дела. Твой зам — добротный продолжатель. А ты хорош как зачинатель. Темпорология — пустое место в науке, терра инкогнита.

— Ну, не такая уж инкогнита, — пожал плечами доктор. — Теория отработана, опыты поставлены. Перепроверять? А это очень нужно?

— Никому не нужно, — тут же согласился директор. — Вот и предложи новое направление. Подожди, не говори «нет» из упрямства. Сейчас я еду в Гималаи, подышать качественным воздухом, через месяц вернусь и выслушаю соображения. Даже если откажешься от темпорологии, соображения представь.

Впоследствии Гурьянов говорил, что судьбу его решил гималайский отпуск директора. Если бы на раздумье дали три дня, Гурьянов ответил бы категорическим отказом, поискал бы другую работу по сверхпроводникам. Но месяц пришлось думать о темпорологии, и соображения появились. Сложился план работ, и неудержимо захотелось этот план выполнить.

Дмитрий Алексеевич Гурьянов умер не так давно. Еще живы многие из его соратников. Одного из них я спросил:

— Что было главным в характере Гурьянова?

— Главным? — Мой собеседник задумался. — Главным было умение видеть главное. Представьте себе: идет обсуждение. Десяток выступающих, десятки соображений, советов, протестов и просто словес. Ведь каждый смотрит со своей колокольни, о своем отделе печется. Иной раз о важном говорят между прочим, о пустом — многословно. И так тянет вступить в спор по пустякам. Гурьянов никогда не разменивался на мелочи. В самый центр бил... То же на работе. Приемные часы, каждый со своей заботой: у кого идея, новый принцип, а кто отпрашивается на день, тещу на дачу перевезти. У Дмитрия Алексеевича была идеальная точность: это решает секретарша, это — завхоз, а это — я сам. Насчет машины — к завхозу, с принципом — ко мне. Завтра с утра посидим,

подумаем на свежую голову. С утра думать любил. На утро сам вызывал. А приемные часы — под вечер, чтобы не посетители расписание дня диктовали.

— Что было главным? — переспросила племянница Гурьянова. — Вкус к жизни, вот что главное. С увлечением жил, все делал с увлечением. Ел с аппетитом, кости грыз с хрустом, спал, как убитый, спорт выбирал головоломный: водные лыжи, горные лыжи. И танцевал так, что дух захватывало. Женщин любил, — племянница зарделась. — Вообще любил людей. Самый интересный разговор для него был о людях: чем себя проявил? И сразу решал: «Это-го я пристрою к делу».

Иные упрекали: «У вас, Дмитрий Алексеевич, утилитарное отношение к человеку. Люди для вас винтики».

Он только отмахивался:

— Винтики! Сказали тоже. Сказали бы еще, что актеры — винтики сцены. Да настоящий актер только на сцене и живет полновесно, только там горит, талант проявляя. Наш институт и есть сцена для научных талантов. Иной, конечно, не блещет, чадит, не сумел найти себя. Вот я и помогаю найти себя. И представьте...

Будущее куется в научных институтах, и поскольку будущее интересует всех, ученым частенько приходится принимать журналистов, объяснять им азы своего дела, чертить для профанов схемы. Но все журналисты отмечали, что Гурьянов никогда схем не чертил и аппаратурой не хвалился. Гостей он обычно выводил на хоры, начинал рассказывать про людей, благо они толпились тут же, покуривая в коридоре.

— Вот на того обратите внимание, — говорил он, — на того, костлявого и седого, в мешковатом костюме. Мой зам по науке. Светлая голова, отвага в мыслях необыкновенная. Но к горю его — отвага эта кончается на краю письменного стола. Глубоко не верит в свои силы, потому что никого не может убедить. Вот и приходится опекать его, идеи его подбирать и проталкивать... А собеседник его, в очках, лысый и упитанный, — из тех, кто умеет проталкивать. Знает, что сделать, как сделать, как расставить, с кем договориться. Поручить можно, что угодно: организуй мастерскую, организуй завод. Но давать задание надо порционно, поэтапно. О заводе не заикайся, испугается: «Нет-нет, что вы, что вы, сорвусь, оскандалюсь». Инициативен в каждой части, нет инициативы в целом. На себя приходится брать членение на этапы... А тот — горбоносый и узколицый — ничего не вытягивает и не вытянет. Зато у него кругозор. Мгновенно охватывает картину, видит все недочеты... и ни шагу вперед. Остроумие, дерзость, быстрота мысли — и скептицизм. Разрушительный ум, не конструктивный. Но в коллективе и скептики полезны. Пусть развенчивает радужные надеж-

ды, пусть выпячивает слабости. Наше дело: найти контрмеры... Как видите, всякие у нас найдут место — вдумчивые и деловитые, активные и неактивные, скептики и мечтатели... Звонок? Да, перерыв кончился. Почему не расходятся? А у нас разрешено болтать. Но — смотря о чем! Есть три запретных темы: хоккей, моды и любовь. Рот раскрывается только для полезной информации. «Я узнал, вычитал, высчитал, пробовал, получилось...» О том, что не получилось, можно говорить тоже. И от неудачника польза. Он спотыкается на первом бугорке, предупреждает, что впереди не идеальная гладь. Взывает о помощи, всех заставляет думать. Дурак, задающий вопросы, полезнее умника, воображающего, что ему все понятно.

— А ваша заслуга — в создании коллективной науки? — обычно спрашивали журналисты.

— Ну, что вы, наука всегда была коллективной. Кто создал космогонию? Коллектив. Это общий труд Коперника — Бруно — Кеплера — Галилея — Ньютона и других. Кто создал атомную энергетику? Это коллективный труд Беккереля — Кюри — Резерфорда — Бора — Гана — Ферми — Жолио — Иоффе — Курчатова и многих других. Да, они работали в разных странах, в разное время, а мы — в соседних комнатах. Но работали все равно — коллективно.

— Но ваша роль все-таки? — настаивали журналисты.

Гурьянов запинался. Не от излишней скромности, он был не так уж скромн. Мало думал о себе. Не видел полезной информации в самоанализе. Ведь эту единицу не надо было обхаживать, вовлекая в работу.

— Я? Я — диспетчер, наверное, — говорил он. — Направляю, кому на каком пути стоять, кому и когда трогать...

Итак, продумавши месяц, Гурьянов принес своему шефу, поздоровевшему от гималайского кислорода, диспетчерскую схему новой темпологии.

Куда предлагал он двигаться? К индустрии. От пробирок к котлам, от лабораторий к заводам. Он говорил, что наука уже создана. Теоретики доказали на бумаге, что временем можно управлять, можно не только замедлять, но и ускорять его. Экспериментаторы доказали ускорение. Пора переходить от «пылинок» к предметам: переводить в ускоренное время аппараты, приборы, машины... а затем и человека.

Гурьянов наметил четыре пути. К успеху привел четвертый — ускорение времени в поле положительных зарядов...

И вот настал год, когда Гурьянов сказал:

— Товарищи, подходит очередь человека. Продумайте требования и тренируйте кандидатов.

Испытание было назначено на 12 апреля — в память о полете Юрия Гагарина.

В ночь на 12 апреля, в 2 часа 55 минут, Александр Куницын вошел в темпоскаф.

Громоздкий сутуловатый от могучности, он казался неуклюжим, был медлителен в движениях. Но это в космос сначала отбирали только летчиков: нужны были люди быстрые, подвижные, находчивые, с мгновенной реакцией. А для темпонавтики важнее была выносливость, привычка к ненормальным условиям. В группу кандидатов брали металлургов, кочегаров, шахтеров, подводников, водолазов. Куницын и был водолазом, хотя море увидел только взрослым. А вырос он в тайге. И была у него хозяйственность бережливого лесничего и самостоятельность бывалого таежника, привычка рассчитывать только на собственные силы. Гурьянов все это учел, сам отбирал первого кандидата.

— Хорошо в тайге. Только там и дышится, как следует, — говорил Куницын.

— А что же ты, Саша, пошел в водолазы? — спросил Гурьянов. — Разнообразие искал, что ли?

— Какое же разнообразие под водой? Верно, на мелководье сады вроде, а в глубине — тьма и скука. Водолазное дело — тяжелое. Но у нас в тайге так говорят: если ты мужик, вали на свой горб. Знал, что под водой тяжело, на то и шел.

— Но ведь это так безрадостно: всю жизнь делать тяжелое и скучное? — допытывался Гурьянов.

— Не дело скучное, а темнота скучная, — уточнил водолаз. — Свои тонкости есть, свои хитрости. Если спусти рукава, тогда и скрепя сердце можно. Но когда стараешься, как скучать? Под водой халтурщиков нет. Не выживают. Я так понимаю: и темпоскаф — не санаторий...

Итак, в 2 часа 55 минут Куницын вошел в темпоскаф. В широкий, обвитый золотой проволокой бак, три метра в высоту, три метра в диаметре, — в странный бак с золотым бочонком на боку.

На пороге Куницын помахал рукой, закрыл дверь... и остался у всех на виду. Можно было видеть его на экранах, можно было и заглядывать в темпокамеру сверху. Ведь ее ограждало поле, в потолок она не нуждалась. Только стеклом была прикрыта — от дождя.

Всем было видно, как Куницын уселся в свое кресло-кровать, положил руки на стол, развернул журнал, заполнил первую строку: «2 ч. 58 мин. К старту готов».

Прожекторы заливали темпоскаф голубым светом, отгоняя ночь за ограду площадки. Десятки объективов нацелились на золотой бак. Волнуясь в первый раз за эти тринадцать лет, Гурьянов нажал кнопку.

— Поехали, — сказал Куницын, повторяя зна-

менитое гагаринское. Но с места, конечно, не сдвинулся.

Космический старт был куда красочнее. Гигантская башня окутывалась клубами цветного дыма и, как бы опираясь на эти клубы, привставала, подтягивалась к небу, взвивалась, сверлила высоту, серебристой стрелой пронизывала облака.

Старт в быстрое время — никакого не зрелище. Все остается на своем месте: бак и бочонок, кресло и темпонавт в кресле.

— Как самочувствие? — спросил Гурьянов по радио.

— Нормальное.

И через три, и через шесть, и через пятнадцать минут:

— Порядок. Настроение бодрое.

В конце концов Гурьянов рассердился:

— Вот что, парень, ты мне тут бодрячка не разыгрывай. Меня не успокаивать надо, а информировать. У меня датчики перед глазами, вижу я, какая норма. Давай докладывай по-честному, описывай.

— По-честному, как в бане, — признался Куницын. — Печет снаружи и изнутри. Будто каменка рядом.

— Ослабить? Выключить? Сделать паузу?

— Нет-нет, я не к тому. Терпеть можно. Но печет. Ужасно хочется холодного пива.

— Воздержись. Сок пей. Еще лучше не пей, положи рот. И не геройствуй. Почувствуешь себя плохо, сам отключайся, пульс перед тобой.

— Ничего, терпеть можно. Но лучше дайте задание. А то сидишь, сам к себе прислушиваешься.

— Задание в журнале, — напомнил Гурьянов.

— По заданию спать ложиться в 3.30. Сейчас 3.24.

— А у нас — 3.22. Уже разошлись на две минуты.

Вот так началось движение поперек времени: из обычного в быстротекущее.

Но смотреть и снимать тут было нечего. Корреспонденты начали расходиться. Всем хотелось соснуть. И темпонавту полагалось спать — до семи утра, до той поры, пока не завершится процесс уменьшения-ускорения.

И в семь утра, когда все собрались снова, на площадке стоял тот же золотой бак с бочонком-почкой. Но теперь они поменялись местами. Почка была слева, очутилась справа. И освещена была странным вишневым светом, казалось, там догорает пламя. Можно было разоб- рать, что в этом вишневом сиропе мирно спит на миниатюрной кровати миниатюрный человек: уменьшенная в десять раз копия Саши Куницына.

Осунувшийся после бессонной ночи Гурьянов приблизил микрофон к губам:

— Вставай, Саша, пора!

И начались чудеса.

Человечек подпрыгнул и заметался туда-сюда по своему бочонку. Раз-раз-раз, зарядка: приседание, нагибание, выжимание. Ручки-ножки так и мелькали, так и дергались, словно на пружинках. Вверх-вниз, вверх-вниз, глаз не успевал уследить. Затем человечек метнулся к умывальнику, плеснул воды, схватил и кинул полотенце, вдруг очутился у кровати; пять секунд — кровать застелена. Что-то поколдовал у ящика, что-то бросил в рот. Все вместе заняло три с половиной минуты.

— Приятного аппетита, Саша. Как самочувствие?

Тоненьким тенорком экран зачирикал что-то невнятное. Куницын говорил в десять раз быстрее, и звук получался в десять раз выше — разница в три октавы с лишним.

— Дайте же запись в нормальном темпе, — потребовал Гурьянов.

Подключили магнитофон. Теперь можно было услышать басистое и членораздельное:

— Добрый день, товарищи. С трудом догадался, о чем спрашиваете. Тянете каждое слово: саааа-амммоуууу... на добрых полминуты. Чувствую себя превосходно, даже легкость особенная. Никакого воспоминания о вчерашней бане. Сейчас включаю запись, чтобы слушать вас.

Но и с записью беседа не получилась. Темпованту все время приходилось ждать. Сказал несколько фраз, потратил свою минуту. Теперь ждет десять минут, чтобы магнитофон изложил его фразы внешнему миру. Ждет еще десять минут, чтобы внешний мир высказался. Все ожидание да ожидание. И Гурьянов коротко распорядился:

— Действуй по программе, Саша.

По программе проводились наблюдения внешнего мира. Куницын смотрел в окно, наговаривал магнитофону:

— Вижу вас всех на экране и через потолок. Есть разница. На экране — естественные цвета, а через стекло цвет на три октавы ниже, инфракрасное освещение, как и предполагали. Все светится: земля, деревья, люди. Лица ярче одежды, а на лицах ярче всего глаза, губы... и уши, представьте себе. Негатив своего рода... Движения у всех странные. Не говорите, зевайте. Не ходите — плывете. Руки, как в балете. Здороваетесь словно нехотя, словно сомневаетесь: пожимать руку или не стоит? Позы неустойчивые. Падаете все время, так и хочется поддержать. Потом глядишь: успели поставить ногу. Впрочем, картина знакомая: замедленная съемка в кино. И масштабы — как в кино: лицо во весь экран. Неэстетичное зрелище: бугры какие-то, норки, борозды, щетина. Гулливеровы великаны, вот вы кто!

Куницыну демонстрировали экспонаты по

списку: минералы, насекомых, цветы, перья птиц. Все это выглядело живописно и непривычно, но для науки пользы пока не было. Масштаб 1 : 10 не так уж разителен. Куницын как бы смотрел в лупу. Научные открытия можно было ожидать позже, когда наблюдатели углубятся в микромир и время на три-четыре порядка, уменьшатся не в десять, а в десять тысяч раз.

Кое-что Куницын наблюдал и не выглядывая из темпокамеры. Ведь время в ней ускорилося, а тяготение не изменилось. Тела падали в десять раз медленнее: от потолка до пола — добрых восемь секунд. Вода вытекала из крана как бы нехотя, словно раздумывала, стоит ли падать в стакан. Стакан скатился со стола, Куницын спокойно подобрал его на лету. Для пробы сам залез под потолок, позволил себе свалиться. Падая, успел сосчитать до пятнадцати, успел перевернуться и приземлился на четыре точки, как кошка. И спружинить успел, не ушибся ничуть.

— Успевает, успевает! — вот что поражало больше всего.

За десять минут осмотрел полсотни экспонатов. Описывая их, наговорил диктофону пятьдесят страниц.

Решал уравнения, — проверялась умственная деятельность в особенных условиях. За четыре минуты решил четыре достаточно сложных. Норма урока.

Рисовал, — проверялась координация тонких движений. За четыре минуты скопировал голову Аполлона. Норма урока.

Приготовил себе обед за три минуты. За полторы — пообедал.

Шесть минут отдыхал после обеда. Не спал, но прочел за это время сорок страниц.

В общей сложности час провел в быстром времени: десять часов темпокамеры. Целый том отчета об этом часе.

В 8.00 по земному времени была подана команда на возвращение.

Обратный путь выглядел несколько иначе. Заметно, прямо на глазах, начал расти бочонок, высасывая материал из большого бака.

Теперь темповант не жаловался на духоту. Наоборот: мерз. Атомы его тела жадно поглощали теплоту, заимствуя ее у клеток.

— Льдинки повсюду, — жаловался Куницын. — В желудке лед, в жилах иголки, мозг, стынет.

Он пил горячий чай, растирал руки и ноги, прыгал, приседал, так и мелькали ручки-ножки. Впрочем, зарядка не помогала, отнимала тепло у своего же тела. Он кипятил воду, вдыхал пар. В кабине было плюс шестьдесят, а ему казалось — морозно.

Гурьянов снизил темп увеличения вдвое. Несколько раз вообще приостанавливал изменение времени, давал возможность адаптировать-

ся. Так и водолазов поднимают с глубины — поэтапно, дают возможность крови приспособиться к меньшему давлению.

Здесь надо было приспособливаться к новым размерам.

Последний этап был самым томительным. Вот уже и темпоскаф полноразмерный, и темпонавт превратился в прежнего богатыря, говорит природным своим басом, жестикулирует нормально, не дергается, словно на ниточках. На вид все в порядке, но продолжается точная подгонка. Как и приземление у космонавтов, выход из темпоскафа — самый опасный момент. Ошибка в миллиардную долю, и если не добрал — мгновенное обледенение, перебрал — вспышка. В нормальном земном поле атомы отдают лишнюю массу, и миллиардная доля — это угольная топка, воспламенение, стомиллионная доля — взрыв гремучего газа.

На пробу из темпоскафа выпускали газ. Автоматы измеряли температуру, сличая спектры. — Разрешаю выход, — сдавленным голосом сказал Гурьянов.

И Саша Куницын вышел из темпоскафа, слегка пошатываясь, бледный, истомленный, с серыми губами.

Друзья-темпонавты кинулись к нему, подхватили под локти.

— Ну, как там, Сашок? — поспешно спросил дублер.

— Можно вернуться и живым, — ответил Куницын сурово, — если уж очень постараться.

— А все же, как там, в быстром времени?

Тысячи и тысячи раз приходилось Куницыну отвечать на этот вопрос. Бывший таежник, бывший водолаз, первый темпонавт стал еще и лектором. Терпеливо и добросовестно он выискивал в памяти добавочные детали, выискивал все новые слова для многократно изложенных событий.

— Вы герой, — говорили ему. — Такие рождаются раз в столетие.

— Ну, зачем же преувеличивать? — отмахивался Куницын. — Все наши ребята были подготовлены не хуже. Гурьянов долго колебался, сам приехал отбирать. Ну, решил нас погонять на лыжах, как слаломистов. И врезался я в пень, сломал лыжу на этом самом слаломе. И такое зло меня взяло. Понимаю: главный отбирать приехал, а мой номер последний. Доковылял до базы, раздобыл другие лыжи, догнал ребят уже к ночи. Ну вот, Гурьянову и понравилось, что я характер проявил. А у других просто не было такой возможности...

Может быть, Куницын и прав отчасти. Но чтобы проявить характер — надо его иметь прежде всего.

И еще спрашивали его стандартно:

— Какие у вас планы на будущее?

— Повторить охота, — говорил Куницын. —

Дальше и дальше! Не день, а неделя, месяц, не лупа, а микроскоп. Чем глубже, тем интереснее. И труднее, не без того. Но на то и мужик, чтобы на плечи валить тяжелое.

— И дальше, и дальше, и шире, — поправлял его Гурьянов. — Темподом уже есть. Будет и город...

Кажется, вот он — город.

В ночной темноте под колесами ослепительно-желтое «Т». Крыша Т-града. «Т» растет, расползается, падает на меня. Или я падаю? Пружинистый толчок. Струи перестают гудеть, переходят на шипенье. Прибыл.

22 часа 03 минуты. Двести километров за сорок минут. От автомата больше не требуется.

Под крышей типичный вокзал. Много журчащих лифтов, журчащих эскалаторов и гибких лент для багажа. Много коридоров, отделанных холодной плиткой, желтой и черной. По коридорам спешат озабоченные и распаренные люди в неуместных шубах, слишком тепло одетые, перегруженные. По лентам, подрагивая на роликах, плывут обыкновенные ящики, чемоданы и микробиблиотеки, как у меня, а также какие-то модели, кубы с кристаллами, приборы, коробки с семенами, испуганный олененок в клетке и бойкие лисенята нелисьей расцветки: откровенно голубые, сиреневые, лимонно-желтые, полосатые и клетчатые. Всем нужен Т-град — и писателям, и конструкторам, и генетикам.

Желто-черный коридор приводит в зал ожидания, где люди с распаренными лицами сидят на скамейках, уставившись на часы. Зал как зал, вокзал как вокзал. Таких тысячи на авиатрассах планеты. Но у этого одна особенность. За прозрачной стеной зала не просторное бетонно-травянистое поле, где ветер надувает полосатые мешки, а город, однако не настоящий, какой-то игрушечный город, модель города в масштабе 1 : 360. Дома в нем не больше записной книжки, этажи — как строчка в тетради, окошечки — словно буквы. Есть там и улицы, и пандусы, и заводы с цилиндрами, кубами, шарами, обвитыми трубами, есть парки с деревьями, клумбы, скамеечки. Тысячи и тысячи деталек, и все крошечное, кукольное. Только куколок не видеть. Что-то вроде бы и мелькает, вроде бы лишь сейчас сидело на скамеечке — и тут же исчезло. А над всем этим нагромозждением, над всем хозяйством невидимых куколок — старинные настольные часы, позолоченные и со стрелочным циферблатом. И перед ними целая галерея позолоченных фигур. Двенадцать насчитал я. Ну да, так и должно быть — двенадцать.

Стрелки на часах кукольного города показывают 22 часа 16 минут.

22 часа 16 минут и на часах в зале ожидания.

— Каков наш Т-град? — с гордостью спрашивает дежурный в огненной фуражке.

Затем он смотрит в список и, приблизив микрофон к губам, объявляет:

— Синьора Торрес из Лимы. Пройдите в красную дверь, пожалуйста.

Хорошенькая, но чересчур уж намазанная женщина суетится, собирая свои сумочки. Торопливо целуется с провожатыми, оставляя краску на их щеках. Волнуется, но не забывает придержать боа на шее. Видимо, певица боится горло застудить. И что ей нужно в Темпограде? Роль разучивает? Или просто гастроли?

— Приготовиться товарищу Мантыкову из Улан-Удэ.

Коренастый бурят катит клетки с лисенятами. Надо полагать, новую породу выводит.

Так каждые две минуты: одному пройти, другому приготовиться. Пройти, приготовиться...

— Приготовиться товарищу... из Москвы.

22 часа 28 минут.

— Пройдите в зеленую дверь, пожалуйста.

Шествую вдоль скамеек, замечаю взгляды ожидающих: у завсегдатаев — снисходительные, у новичков — соболезнующе испуганные. Может быть, и я так смотрел на синьору из Лимы.

Тесноватая кабинка, как раздевалка в душевой. Полка, вешалка, лежанка, рупор. Опять, как в такси, я наедине с автоматом. Преувеличенно вежливый и от старательности равнодушный голос распоряжается: «Разденьтесь, положите одежду в ящик, ложитесь на койку, закройте глаза. Не открывайте глаза, пожалуйста. Если готовы, говорите вслух, внятно: «Готов». Повторите трижды, пожалуйста. Вдохните, выдохните и не дышите...»

Фухх!.. словно через костер прошел. Все горит, все жжет, каждой клеточке досталось. Но это рассказывается долго. На самом деле — единый опаляющий миг. Даже «фухх» говоришь, когда все позади.

Тот же безликий натужно-вежливый голос:

— Поздравляю вас с прибытием в Темпоград. Если чувствуете себя хорошо, спустите ноги. Садитесь. Встаньте. Примите душ, пожалуйста. Простыня в левом шкафчике.

И тут же добавляет настораживающе:

— Если плохо себя чувствуете, не напрягайтесь, не заставляйте себя вставать через силу. Под правой рукой у вас кнопка с красным крестом. Нажмите ее. Врач явится немедленно. Не волнуйтесь, не торопитесь. Теперь у вас сколько угодно времени.

Сколько угодно? А я мчался сломя голову, минуты считал.

Вот эта неторопливость прежде всего поражает в Т-граде.

Выхожу из кабины в зал ожидания. Зал как зал, вокзал как вокзал, тоже коридоры в ша-

шечку, желтые с черным. Но очень просторно, совсем пусто, ни провожающих, ни встречающих. Сидит за окошком одинокая девушка в огненной фуражке. Завидя меня, неторопливо откладывает учебник.

— Ах, вы уже прибыли, — говорит она без волнения. — А я ждала вас после обеда.

И заключает, повторяя слова автомата:

— Не торопитесь. Теперь у вас сколько угодно времени.

— Как так не торопиться? Мне надо книгу написать до утра. Каждая минута на счету.

— Земная минута — это шесть часов в Темпограде, — напоминает она наставительно.

Она дает мне ключ от номера, объясняет, как пройти:

— Через парк к Часам, оттуда направо, корпус «Д»...

Я взвешиваю багаж в руках, спрашиваю такси.

— Такси у нас нет. Расстояния близкие. Все ходят пешком для моциона. А багаж вам доставят... — Она смотрит на часы. 22 часа 48 минут! — Багаж доставят через двадцать секунд. Привыкайте к нашим секундам. В каждой шесть рабочих минут.

Иду пешком для моциона. Иду через парк, чрезмерно ухоженный, с дорожками, посыпанными толченым кирпичом, с ненатурально яркой зеленью. Иду к Часам. Они возвышаются над деревьями. Не настольные, а целый дворец с золоченым фасадом и гигантскими, словно копыя, стрелками. Те самые Часы, на которые я глядел... Когда это было? Полчаса назад, два часа назад, вчера? Счет сбивается, когда переходишь из земного времени в темпоградское. 22 часа и 48 минут на Часах.

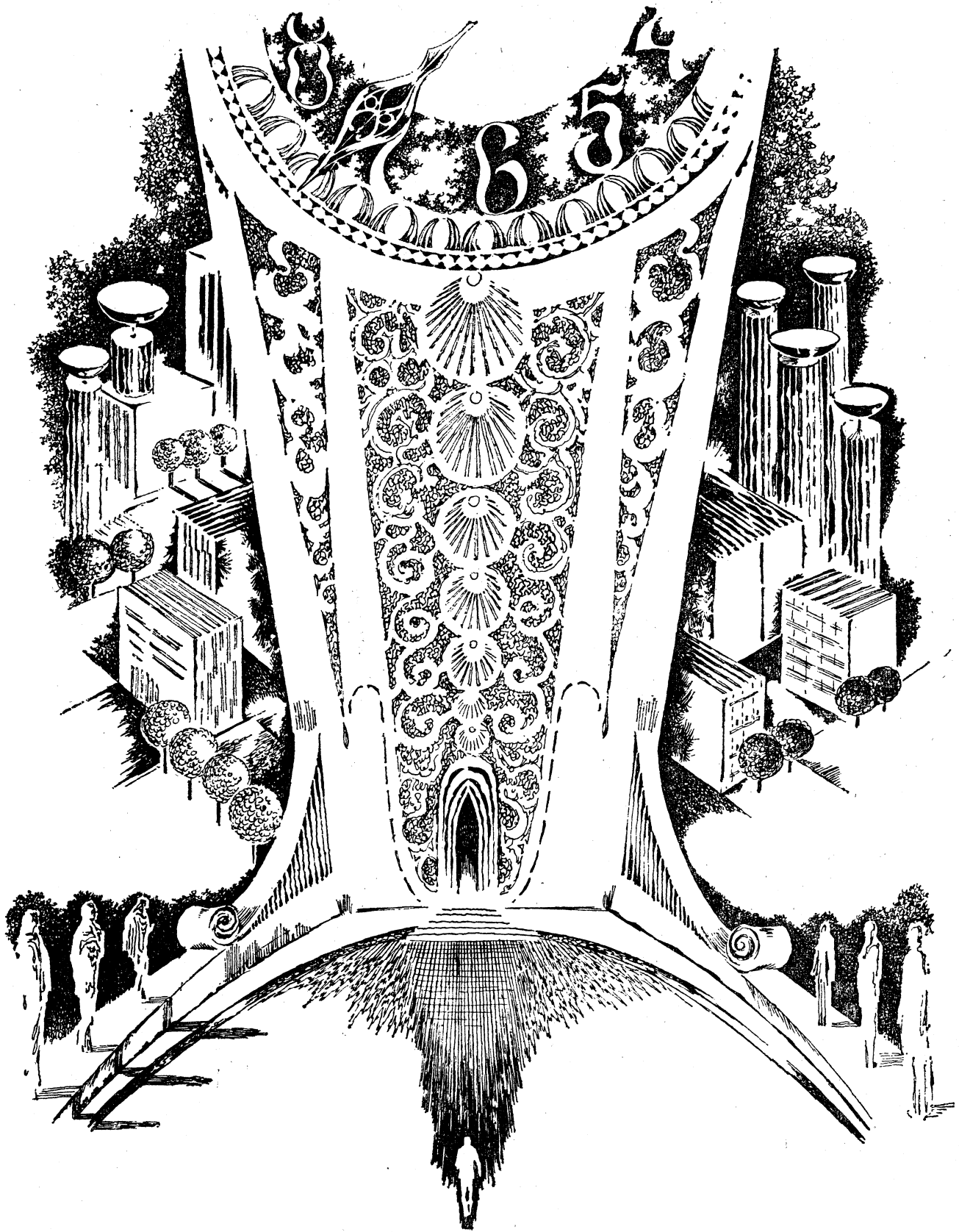
Стоят они, что ли? Я же пешком шел через парк, добрых полтора километра отшагал! Ах да, все забываю: время здесь такое. На полтора километра довольно трех секунд. Весомые секунды. Можно не торопиться.

Подхожу ближе. Дивлюсь величине дворца, обилию лепнины, всяческих украшений. К главному входу, что под Часами, ведет полукруглый пандус, вдоль него расставлены статуи. Это все герои моей будущей книги. Вот мечтатель, вот математик, вот собиратель фактов, вот, сбывшись, смотрит сердитый полемист, вот приборостроители, экспериментаторы, теоретики, последний из них протягивает книги — шесть томов темпорологии, кладет их на стол Гурьянову, тому, кто сказал: будет и город.

И вот я в этом городе — в Темпограде. И буду писать о том, как он зарождался.

Все еще 22 часа 48 минут. Весомые минуты.

А дальше — литературные будни. До завтрака — письменный стол, после завтрака — стол и после обеда — он же. Справа папки, слева пап-

ки, на стульях папки, на полу папки. Основа-то в голове, общая идея ясна была еще до Темпограда. Главная трудность — в обилии материала: два века темпорологии, дюжина биографий, тома красочных деталей. Что включить, что отбросить? Как не заслонить деталями основу?

Пишу и вычеркиваю, вставляю и отбрасываю.

Потом общелитературные мучения с фразами. Какими словами выразить мысль? Существительные так многозначны; подразумеваешь одно, понимают иначе. Вот и подкрепляешь подлежащее определениями, вводишь дополнения, строишь сложносочиненные и сложноподчиненные предложения. Построил, прочел. А где мысль? Утонула в прилагательных. Стала неясной от пояснений... Зачеркнул. Начинаешь заново.

До обеда у стола и после обеда у стола. После ужина тоже. Темпоград задуман и приспособлен для работы, не для отдыха. Город комнатный, и воздух в нем комнатный — затхловатый, стерильный. Ветра не бывает, дождя не бывает. Солнца электрические, в условно-ночное время убавляют накал. Для отдыха гуляют здесь в парке, том самом, у Часов. Ну, теннис, волейбол. Театр самодеятельный, любительский. Фильмы все старые, новые же не появятся на Земле за одну ночь. Вообще нет новостей. Ощущение такое, как будто весь мир дремлет. Телевидение превращается в фотовыставку. Ведь каждая секунда — для Темпограда шесть минут, а много ли изменится на экране за секунду? В Миланской опере примадонна тянет верхнее «ля». Смотри ей в открытый рот целый вечер. В Монреале наши играют с канадцами. Передача шайбы. Все замерли в нелепых позах. Падают, никак не упадут. Шайба лениво ползет в ворота, защитник тянется, видно, что не достанет. Нам видно. Так хочется взять ее пальцами, подать на клюшку.

Ну вот посмотришь на все это, усмехнешься — и назад, к столу. Написал страничку-другую, вышел проветриться. Глядишь, какие-то события произошли: защитник успел упасть, нападающий промахнулся, шайба отбита, ползет через все поле к другим воротам...

Чаще ходил я к Часам — вдохновляться. Глядел на своих героев, сам как бы взбирался с ними по лестнице открытия. К полуночи написал о мечтателе, к часу ночи о математике и фактоискателе, часам к трем добрался до Гурьянова...

Потом начал все переписывать. Можно ли все сказать выразительнее? Можно, конечно. Но как?

Но вот наступила минута, когда я дошел до своего потолка. Чувствую: не улучшаю, начинаю портить. Мусолю, разъясняю, теряю свежесть. Вообще, притерпелся, не различаю, что хуже, что лучше. И надоело. Самому скучно, и скука сползает на страницы.

Значит, надо кончать.

Отработал сотню смен, сто раз спал, сто раз обедал.

На Часах 5 часов 37 минут...

О возвращении нет смысла рассказывать так же подробно. Все повторяется. В 5.52 вхожу в кабину Т-транспорта, слушаю советы автомата, ложусь, встаю. Все еще 5.52. Но теперь минуты бегут рысцой. Душ, одевание. В 6.09 выхожу в знакомый зал ожидания. Снисходительно гляжу на испуганные лица новичков и кидаю прощальный взгляд на кукольный город за стеклом со всеми его домишками, деревцами, скамеечками, как бы сделанными из спичек, с золочеными фигурками возле старинных настольных часов. Неужели я прибыл вот из этого игрушечного мира? Суелливым мурашом бегал по тем дорожкам? Неправдоподобно! Странновато и... грустновато.

Грустновато, потому что все наши дома мы покидаем с частичкой грусти. Оставляем прошлое. И себя оставляем в прошлом.

Выхожу на крышу, где дремлют азротакси.

6 часов 22 минуты.

В 7.08 я дома. Заспанная жена с сомнением смотрит на мой потертый костюм.

— Где это ты изгваздался так? На голой земле ночевал, что ли? А рубашка-то! Наказание мое, неси скорей в мусоропровод. И борода? Откуда у тебя борода? За одну-то ночь?

Ну да, для нее только одна ночь прошла.

Но все объяснения — после. В мире обычного времени надо спешить.

Еще раз такси. Крыша редакции. Лифт. «Здрате-здате» в коридоре.

В 9.00 кладу на стол редактора рукопись.

Обещанную. Эту.

Любовь к Земле

**Лев
РУМЯНЦЕВ**

Вася Морковкин заблудился... в трех соснах. Всего-то три сосны и осталось от некогда дремучего бора, и росли они посередине двора, окруженного многоэтажным жилым массивом. И Вася — неоднократный призер физико-математических олимпиад, знавший наизусть таблицу умножения и кое-что посерьезнее, — вышел во двор, тропинка вильнула меж сосен, дома растворились в воздухе, как кусочки сахара в стакане чая, а вокруг вырос лес и начались невероятные встречи.

Громаднейший Петух косил на лугу сочную траву. Милейшим собеседником оказался безмолвный и безликий прежде Путник (тот самый, из арифметики, который всегда идет из пункта А в пункт Б). Дед Пихто писал вилами по воде поздравление моржам и белым медведям.

Ожили запахи трав, заговорили птицы и звери. Но эту сказочную гармонию нарушали то гражданка Харина, с огненно-рыжего парика которой сыпались электрические искры, то некое грохочущее чудище — авто-мото-вело-фото. Лишь мастер службы быта Иван Митрофанович, прекрасно ориентирующийся в любом пространстве и времени, не забывал наемкнуть клиентам, что необходимая для починки деталь «на дороге не валяется, вещь дефицитная», и протягивал руку за мздой...

Веселую и добрую повесть «Луговая суббота» написал Геннадий Карпунин. Повесть не проста по композиции. В ней — два плана: сказочно-фантастический (рассказ о Васе и его приключениях) и реальный — авторские отступления, теплые лирические миниатюры. Эти два плана не только удачно состыкованы, они органически дополняют друг друга, помогают нам полнее понять и главного героя, и авторскую позицию.

Казалось бы, тема не новая — столкновение современного городского парнишки с живым лесом, живым лугом, живою водой, — но Г. Карпунин нашел оригинальное решение, и тема засветилась по-новому.

Вопросы отношений человека с природой в наши дни, когда уже заметны стали горькие черты нарушенного равновесия, вопросы хозяйственные и нравственные волнуют теперь в одинаковой степени и читателей, и писателей. Исчерпать эту огромную тему трудно, а скатиться к назидательной риторике — очень легко, особенно в фантастике, где не накоплено еще столько художественных ценностей, сколько в реалистической прозе. К чести Г. Карпунина «Луговая суббота» обладает несомненными литературными достоинствами и, в дополнение к отмеченным, свежестью, выразительностью языка.

Повесть эта недавно опубликована в сборнике «Зеленый поезд», подготовленном издательством «Молодая гвардия». Впервые «под одной крышей» столичного издания объединены писатели-фантасты Сибири — сам по себе факт примечательный. Великая Сибирь, призванная ныне увеличить всеми своими богатствами силу родины, трудится от края до края, прокладывает новые дороги и возводит города, дает нам новые знания и окрыляет мечтой, думает над проблемами, важными и для страны, и для всей нашей «голубой планеты». Масштабность строев и исследований, масштабность проблем, конечно же, питает удивительную ветвь литературы, именуемую фантастикой.

Но это лишь одна побудительная причина. И если мы упомянули «ветвь», то впору сказать и о дереве, что не едиными соками земли, не корнями едиными живо оно. Ему в равной мере необходимы еще и листья, еще и солнце, его животворные свет и тепло.

Научно-техническая революция наших дней все более удивляет нас не только хитроумными компьютерами, могучими ускорителями, образцами грунта непосредственно с Луны, потрясающими успехами биологии, но и возникающей остротой нравственных и эстетических проблем, разнообразием складывающихся отношений между людьми, разнообразием самих человеческих характеров.

Не исключено, что нынешний

рост фантастики и внимания к ней обуславливает в значительной мере жгучая потребность людей полнее понять себя в нашем быстро меняющемся мире, взглянуть на себя как бы в трех измерениях — прошлого, настоящего и будущего. Ярче представить соотношение своего «я» и всего человечества, и крохотную малость — нашу Землю Разумную, возможно, увы, уникальное явление в обозримой ныне Вселенной.

В сборнике «Зеленый поезд» есть пища и уму, и сердцу.

Благодаря сборнику, стала теперь широко известной и любопытная повесть Вячеслава Назарова «Нарушитель». Герои повести живут и действуют в отдаленном будущем, но их поступки и мысли мы можем соотнести со своим бытием.

Космобиолог Андрей Савин нарушает считающийся неизбывным закон жизненного барьера и «заселяет» земными микроорганизмами странную, геометрически строгую и совершенно мертвую планету. «Барьер, — размышляет Савин. — Разве может мысль человеческая остановиться перед барьером — перед любым барьером! — остановиться и повернуть назад?» Он шел на огромный риск, этот Андрей Савин, он мог во время «закладки» эксперимента погибнуть, мог, вернувшись на Землю, до конца дней своих остаться посрамленным авантюристом, но интуиция и наблюдения властно требовали: «Дерзай!»

Читатель прекрасно понимает условность ситуации, однако с готовностью принимает эту условность, и ему уже не безразлично, чем закончится смелый эксперимент, и все лишь потому, что В. Назарову удалось создать незаурядный характер главного героя, которому просто веришь.

Нам прежде всего дорог нравственный аспект подвига Савина.

Нельзя не отметить и рассказ Виктора Колупаева «Любовь к Земле», которым открывается сборник. Похоже, что В. Колупаева, физика по образованию, меньше всего беспокоит доказуемость, даже вероятность того феномена (научного или технического), который он вводит, как отправную точку, в свои произведения. В этом отношении он совершенно не похож на фантастов, всюю стремящихся защитить «достоверность» избранной ситуации, уснащающих страницы зуболомной терминологией, а иногда и формулами. Результат, как правило, обратный: неподготовленный читатель вязнет в конце концов в неологизмах и расчетах, теряя интерес к произведению, а подготовленный — иронически усмеивается, прекрасно ощущая мнимую научность доказательств. Колупаев же действует по принци-

пу: хотите — верьте, хотите — нет. Зато все внимание, все мастерство сосредоточивает на психологической достоверности поведения героев, поставленных в обстоятельства, граничащие с чудом.

В самом деле, не чудо ли, что из немислимо дальних глубин космоса, куда ушел звездолет «Прометей-6», возвращаются на Землю почти все члены экипажа, один за другим, просто так, будто отлучались в булочную на другой стороне улицы. И возвращаются только потому, что каждый заболел непреодолимой ностальгией, тоской по оставленным близким, по родным лесам и рекам. Любовь к Земле в мгновение ока преодолела миллиарды световых лет, и бывшие космонавты затерялись среди земель — кто в своем селеньице на берегу могучей северной реки, кто отшельником в горном санатории, а прежний вычислитель корабля устроился в музей «Освоения Дальнего Космоса» заведующим экспозицией, посвященной... «Прометею-6», и, ничтоже сумняся, охотно рассказывал посетителям о героическом экипаже, в том числе, разумеется, и о себе — в третьем лице.

Ничего не скажешь, ситуация исключительная: все на Земле убеждены, что прометеевцы, связь с которыми уже давным-давно прервалась из-за дальности расстояния, продолжают полет к намеченной цели, а они, оказываясь, дома — ловят рыбку, загорают, водят экскурсантов. Мгновенное возвращение стоило им дорого — выпало из памяти, что были они когда-то отважными исследователями, что много лет работали на корабле, ставшем уже легендарным.

И все-таки, терзаемые смутными догадками, постепенно, по-разному осознают они неестественность своего положения. «Прометей-6», ведомый единственным оставшимся там космонавтом, продолжает трудный путь, а они — умиротворились, достигли земной благодати, о которой так страстно мечтали.

— Ты очень нужен, но вернуться сможешь, только если захочешь, — объясняет своему бывшему другу первый, кто по-настоящему понял, что с ним произошло.

Если захочешь, снова преодолеешь расстояние, каким бы оно ни было, и встанешь, сменяя товарища, у пульты звездолета. Если захочешь!.. Это — главное.

Вечна любовь к Земле. И прекрасна она, поскольку учит человечности и ответственности за каждого, пошедшего с тобою рядом.

Впрочем, это одна из мыслей рассказа. Как во всяком настоящем произведении — в нем достаточно содержания и для других размышлений.

Не все повести и рассказы «Зе-

леного поезда» равноценны, но, пожалуй, только предвзятый критик сказал бы в целом о сборнике неуважительно. На наш взгляд, «Зеленый поезд» обладает многими достоинствами. О том, что это первая общая книга сибирских фантастов, мы уже говорили. Более десяти авторов опубликовано в сборнике. Кроме названных, Сергей Павлов, Михаил Михеев, Борис Лапин, Юрий Самсонов, Виктор Рожков, Александр Петрин, Николай Шагурин — фантасты разных возрастов и творческих почерков.

Сборник хорошо проиллюстрирован, в нем представлены цветные рисунки-фантазии о будущем Сибири не только советских художников, но и художников братских социалистических стран.

Основавательное представление о сибирской фантастике дают вступительная статья Александра Осипова и им же составленная библиография. Кстати, внимательно просматривая статью и библиографию, видишь, что далеко не все резервы сибирской фантастики исчерпаны. Можно с уверенностью сказать, что уже сейчас хватило бы с избытком добротных произведений фантастов-сибиряков и на их вторую общую книжку.

Вообще «региональные» сборники стоило бы поддерживать. Вполне возможна книга уральской фантастики. Могли бы обогатить любителей этого жанра и фантасты Дальнего Востока — огромной территории от субтропиков Посыета до Заполярья. Насколько нам известно, сильная группа фантастов работает в Закавказье. И все это — вполне возможные книги.

О популярности фантастики много писалось. И «Зеленый поезд» мелькнул по книжным прилавкам со скоростью экспресса. Даже в крупных библиотеках его не всюду достанешь. Видимо, считающийся массовым стотысячный тираж следует признать явно немассовым.

«...который первый здесь науки насадил»

Роман
ПРЕСНЕЦОВ

В 1714 году Петр I издал указ об открытии в провинциях школ «цифры и некоторой части геометрии». Преподавателями в них назначались бывшие ученики навигационных школ. Как известно, Петр требовал, чтобы его указания немедленно исполнялись. За медлительность, а тем более за вольное или невольное сопротивление указам виновным грозило «жесточайшее и нещадное наказание».

Как же исполнялся указ Петра I об организации школ в Вятке?

Со времени указа о цифрных школах прошло восемь лет, но ни один из вятских воевод и не подумал исполнить повеление царя. Только в 1723 году в Вятке была открыта школа для детей духовенства, где изучали лишь славянскую азбуку, учились читать часослов и псалтырь. «А более другим наукам, — писали церковники в Петербург, — никакими не обучаются, понеже учить некому...»

Это были отговорки. Главными же причинами «неблагополучия школы», как утверждал вятский историк А. С. Вештомов, «были глубоко неверные взгляды на школьное образование духовенства, которое, в большей своей части, было приверженцем старины и противником петровских преобразований».

И, естественно, приезд в Вятку нового епископа Лаврентия Горки — горячего сторонника реформ Петра I, энергичного просветителя, сподвижника Феофана Прокоповича — сразу же возбудил против него вятское духовенство. Несмотря на это новый епископ с первых же дней пребывания в Вятке решил открыть здесь Славяно-латинскую школу.

Горка написал в Киевскую академию, которую он сам закончил, что она, академия, «имеет честь таковую: от нее, как от преславных

Афин, вся Россия источник премудрости почерпает... Академия Киевская еще умножит себе славу, когда и в Вятке изведет на жатву делателей и поможет собирать плоды благоугодные».

Горка обратился ко всем служителям и посадским Вятской земли с просьбой помочь школе, а затем распорядился о наборе учеников — начиная с семилетнего возраста, детей посадских и приказного чина людей.

Но молчали духовные лица, молчала провинциальная канцелярия...

В середине 1734 года в Вятку приехали вызванные из Киевской академии «ученые мужи» — Михаил Финицкий и Василий Лищинский. Они ждали своих учеников, которые, в свою очередь, «всеми возможными случаями старались укрыться от школы». Лаврентий Горка расслал нарочных — рассыльщиков и приставов сыскивать укrywшихся от школы ребят. Тех, кто оказывал сопротивление, с надлежащим караулом отправляли в Вятку.

В начале 1735 года в школу было доставлено около 400 учащихся от 7 до 25 лет. Все они были разделены на две группы: те, кто уже умел читать и писать по-славянски, направлялись в Латинскую школу, а те, кто не умел ни читать, ни писать, — в Славяно-российскую для научения «читать в твердость и писать». Некоторые отдавались на выучку дьякам в ближайшие монастыри, где обучали первоначальной грамоте. Таким образом, в школе Лаврентия Горки было две школы — Латинская и Славяно-российская.

Главным зданием Славяно-латинской школы стал архиерейский дом (теперь в этом здании, перестроенном в сороковые годы, находится Дворец пионеров). Те учени-

ки, которые не имели в городе родных и знакомых, находились наготовом содержании — получали одежду, питание, книги.

В 1736 году Лаврентий Горка разделил школу на два отделения — верхнее и нижнее. В первом занятии проводил Михаил Финицкий, а во втором — Василий Лишинский. А «чтобы учителя и ученики не ослабевали в занятиях», Лаврентий Горка почти каждый день посещал школу, «стараясь ласкою и приветливостью расположить учащихся к усердию», поощрял прилежных, наказывал ленивых.

Лаврентий Горка родился в 1671 году на Украине, в городе Львове. Юношеские годы провел в Киеве, здесь окончил академию. В Киеве он и познакомился с Феофаном Прокоповичем, ставшим впоследствии известным просветителем. Оба они — и Лаврентий Горка и Феофан Прокопович, — преподавая в Киевской академии, создали свои курсы пиитики. В своих учебниках высказывали любовь к лучшим произведениям античности, приводили примеры из сочинений Вергилия, Горация, Овидия.

Лаврентий Горка был на десять лет старше Феофана Прокоповича, но это не мешало быть им друзьями. Лаврентий всегда смотрел на Феофана «снизу вверх», как на «звезду» и своего руководителя в науке и с гордостью называл себя братом Феофана Прокоповича.

Еще в 1711 году Лаврентий Горка начал собирать свою библиотеку. По книгам, которые были в вятской библиотеке Горки, можно судить о широте его взглядов. Тут были и исторические и классические сочинения на латинском, греческом, польском, русском и других языках — книги Гомера, Горация, Вергилия, Овидия, Сенеки, Марциала, Петрония, произведения Цицерона, сочинения по физике и философии. Среди 335 названий были редчайшие издания.

Большая часть книг после смерти Горки была отправлена в Московскую академию. Пять находятся в настоящее время в областной библиотеке имени А. И. Герцена, остальные пока не найдены.

В Вятку Горка попал по одним данным «за неосторожное обращение с иконами», а по другим — «за некие дерзости».

Лаврентий Горка отличался необыкновенной вспыльчивостью, крутостью нрава. Он не терпел невежества и порочных склонностей людей. Частые огорчения и неприятности, которые особенно обрушились на Горку в Вятке, совсем разбили его здоровье. А сентябрь 1736 года стал для Лаврентия Горки роковым. Уже, казалось, что школа нашла признание у вятичей, как вдруг более сотни посадских и рас-

сылщиков Провинциальной канцелярии «с дубинками и кирпичем» напали на школу. Этот оскорбительный выпад обывателей России потряс Горку. Вскоре пришла весть о смерти Феофана, покровителя и друга Лаврентия. Это вконец сломало энергичного просветителя.

И едва только умер Лаврентий Горка (это случилось 10 апреля 1737 года), как начались гонения на школу, на ее устроителей, друзей и близких. Его друг Лаврентий Полторацкий долго не смел показываться в Вятке, опасаясь расправы. Бежал учитель Михаил Финицкий, но был схвачен и заключен под стражу. Узнав об этом, в один день — 18 апреля — школу покинуло сразу 159 учащихся.

Гонения на школу продолжались около двух месяцев. И только когда в Вятке был получен правительственный указ «собранных в школе учителей и учеников жалованием и прочим пропитанием содержать так, как при жизни Лаврентия Горки», — враждебные выпады против школы прекратились.

В 1739 году в школе открылся класс пиитики, а в следующем — класс риторики. Профессором этих классов был Михаил Евстафьевич Финицкий. Он же возглавил с 1740 года и школу.

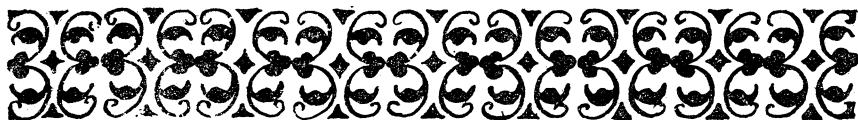
В 1744 году Славяно-латинская школа была переведена в Трифонов монастырь. В том же году ее покинул главный «профессор» и руководитель Михаил Евстафьевич Финицкий. Вместо него был вызван из Ка-

зани студент Петр Глемаровский. Школа все чаще и чаще терпела трудности и, наконец, в 1752 году занятия в ней были прекращены.

Лаврентий Горка умер в 65 лет. Его похоронили в Кафедральном соборе. На гробнице основателя Вятской Славяно-латинской школы было написано:

*«Всеобщий смертный рок в сем
месте мужа скрыл,
Который первый здесь науки
насадил. —
Хотя всевышня Власть, что
целым светом правит,
Ему и не дала конечно их
восставить.
Лаврентий Горка се! А кто он
был таков?
Епископ Вятский, муз
любитель, богослов».*

...Со времени организации Лаврентием Горкой первого на вятской земле учебного заведения прошло 240 лет. За эти годы неузнаваемым стал вятский край. Из отсталого, провинциального он превратился в высококультурный край, с развитой промышленностью и сельским хозяйством. Только в Кирове теперь более десяти институтов, двенадцать техникумов, десять профессионально-технических училищ, девяносто общеобразовательных, музыкальных, художественных и спортивных школ.

Лейтенант Веди

**Игорь
АЛЕБАСТРОВ**

Эту книжку в грубом сером картонном переплете я нашел в небольшом букинистическом магазине на Литейном проспекте в Ленинграде. Дома я внимательно рассмотрел покупку. Рисунок на обложке книги был интересным. По спокойному морю полз большой пузатый пароход, а за ним растянулся шлейф густого черного дыма. На переднем плане

из воды высовывался перископ невидимой подводной лодки. И виньетка была интересной. Из спасательного круга выглядывала оскаленная волчья морда. На круге славянской вязью написано название судна «Волчица».

Заглавие гласило: «Лейтенант Веди. На подводной лодке в 1916 году».

Книгу отпечатали в 1917 году в Петрограде, в типографии Морского министерства.

Неведомый лейтенант Веди увлекательно рассказывал о приключениях подводной лодки «Волчица» в годы первой мировой войны. Если учесть, что о боевых буднях первых русских подводников почти ничего не написано, то книга Веди представляла собой большую ценность. К тому же она была написана участником боевых походов русских подводных лодок.

Конечно, мне сразу же захотелось узнать, как сложилась дальше судьба автора книги — лейтенанта Веди и судьба «Волчицы» — эти два имени, к своему удивлению, я слышал впервые. Конечно, я догадывался о том, что, видимо, это — псевдонимы. Однако в «Словаре псевдонимов» И. Ф. Масанова Веди нет.

Смотрю толстенный фолиант — «Список чинов флота и Морского ведомства за 1916 год». Увы, Веди и здесь нет. Значит, все-таки псевдоним. А раскрыть его будет нелегко.

Ну, а как с «Волчицей»? Была ли такая лодка? Беру справочник С. П. Моисеева «Список судов русского парового флота». «Волчицы» нет. Есть, правда, «Волк», но «Волк» — не «Волчица».

Неужели все приключения «Волчицы» — просто выдуманы?! Не хотелось этому верить — уж слишком жизненными были описания боевых будней подводников. Как же узнать: было или не было, выдуманно или не выдуманно?.. Решил, что легче будет узнать сперва настоящее название подводной лодки, чем раскрыть псевдоним автора книги. Подводных лодок в царском флоте было всего только около сотни, а офицеров — несколько тысяч...

Начинаю знакомиться с краткими официальными отчетами о походах подводных лодок. Ищу в них что-нибудь похожее на события, описанные в книге лейтенанта Веди. Довольно скоро обнаруживаю фотоснимок, изображающий боевую рубку подводной лодки с сильно погнутым перископом. На «Волчице» тоже были сломаны перископы. Но тот ли это случай? В объяснении к фотоснимку говорятся:

«Подводная лодка «Окунь» под командованием лейтенанта В. А. Меркушева 21 мая 1915 года атаковала немецкую эскадру из 10 кораблей, но один из немецких линкоров таранил подводную лодку и свернул ей на сторону перископа».

Интересно, но... не то!

Но вот в «Боевой летописи русского флота» нахожу следующую запись: «9 июня 1916 года. Подводная лодка «Волк», обнаружив шведский пароход, начала всплывать для его осмотра, но, ввиду намерения парохода атаковать ее, вынуждена была

срочно пойти на погружение. Лодке с трудом удалось избежать таранного удара, т. к. пароход прошел вплотную над ней, смяв оба перископа».

Именно этот случай описан и в книге. Уже не сомневаюсь, что нахожусь на верном пути. В «Ежегоднике подводного плавания» за 1916 год нахожу описание плавания «Волка», которое местами чуть ли не слово в слово повторяет рассказ лейтенанта Веди.

Итак, настоящее имя подводной лодки — «Волк», а не «Волчица»!

Об этой подводной лодке достаточно хорошо известно. Лодка с отличием участвовала в первой мировой войне, позже — в знаменитом ледовом походе флота из Гельсингфорса в Кронштадт. Под названием «Батрак» лодка несла службу в составе советского военно-морского флота. В 1942 году в осажденном Ленинграде лодку превратили в плавучую зарядную станцию, а в 50-х годах сдали на слом...

Теперь можно было искать загадочного лейтенанта Веди. Список офицеров, служивших на «Волке», оказался в архиве только за сентябрь 1917 года. Конечно, Веди в нем не было. Я и не надеялся найти там эту фамилию.

Но что такое Веди?

Это же название третьей буквы в славянском алфавите. Значит, видимо, фамилия или имя «лейтенанта Веди» начиналась с буквы «В». Увы, в списке офицеров «Волка» ни у кого ни фамилия, ни имя не начинались на «В». Тогда придется проверять по списку всех офицеров флота. Это кропотливо, но иного пути нет.

На «В» в списке оказалось больше пятисот офицеров, но, к счастью, против фамилий подводников стояла пометка «П. П.» — подводное плавание. Уже легче. Выписываю фамилии только подводников. Их набралось 9: Вальронд, Васильев, Введенский, Вердеревский, Вилькен, Виноградов, Власьев, Волков и Вурм. Уж не Волков ли — «Веди»?! Волков на «Волке» — забавно. Но нет: Волков Павел после 1910 года на подводных лодках не плавал. Вурм погиб в 1913 году. Виноградов служил в Морском Генеральном штабе. Вилькен Виктор — черноморец. Остальные пятеро — балтийцы, но никогда на «Волке» не плавали.

Ну, а если на «В» начинается не фамилия, а имя автора книги? Опять обращаюсь к спискам офицеров флота. С именами на «В» набирается 21 человек... По разным причинам отпало 18, осталось три человека, которые могли быть на «Волке» в походе: В. А. Виноградов, В. Ф. Дудкин и В. А. Подерни — офицеры штаба подводного плавания. Но Виноградов находился неотлучно в Петрограде, в Морском Генеральном штабе. К тому же он никогда ничего не

писал и был самым заурядным офицером-службистом. Да и чин у него был выше — капитан второго ранга... В. Ф. Дудкин — один из лучших подводников России (а потом и советского флота!), автор многих статей и нескольких книг. В моей библиотеке имелась его книга «Подводный флот», написанная уже в советское время. Он вполне мог быть «лейтенантом Веди». Но... чин у него тоже был выше — капитан второго ранга. К тому же он был начальником 1-го дивизиона подводных лодок. В походе командир «Волка» подчинялся бы ему, а из текста книги видно, что автор был подчинен командиру и даже казался каким-то странным наблюдателем, гостем!

Обращаюсь к Подерни. Его имя мне хорошо знакомо, как одного из известных подводников России, а потому и советского флота. Вадим Алексеевич был начальником морских сил и товарищем военного министра Дальне-Восточной республики, сподвижником Фрунзе и Блюхера. В 1916 году в чине лейтенанта служил флагманским минным офицером дивизии подводных лодок Балтийского флота и... редактором «Ежегодника подводного плавания»!

И я сразу же вспоминаю статью в этом «Ежегоднике» за 1916 год о плаваниях «Волка» и еще раз убеждаюсь в тождестве многих мест статьи и книги.

Значит, В. А. Подерни — лейтенант Веди?

Выясняю, что после революции только старший офицер А. Н. Бахтин остался на лодке. Он и стал ее командиром.

А. Н. Бахтин (1894—1931) с 1918 по 1921 год командовал «Пантерой» и за отражение атак английских судов получил орден Красного Знамени.

Оказалось, что жива супруга героя-подводника — О. П. Бахтина. Она помогла мне найти других ветеранов-подводников. А. Е. Кузаев (1894—1969) был в 1915 году инженером-механиком на «Волке». Он подтвердил, что в знаменитом походе «Волка» В. А. Подерни... находился на лодке, как наблюдатель от штаба! Кузаев и Бахтина, правда, не знали, Подерни ли написал книгу о похождениях «Волка» и его геройского экипажа, но и так все было достаточно ясно. И я смог сообщить в Пушкинский дом еще один разгаданный псевдоним: лейтенант Веди — это В. А. Подерни.

Во глубине России...

**Владимир
ШАХОВ**

Есть в Перми небольшое здание, затерявшееся среди деревянных домиков и скрытое многэтажными зданиями. Привлекает оно взгляд необычной для города архитектурой.

Это каменное строение квадратной формы, сложенное из добротнейшего бело-розового кирпича, с четырьмя контрфорсами по углам. С западной стороны отчетливо просматривается обрамленный порталом вход, наполовину заложённый кирпичом, а в верхней части образующий окно. Высеченный из камня портал хорошо сохранился. С двух сторон к зданию примыкают деревянные постройки и каменный тамбур, ведущий в подвал. Особый интерес вызывают большие майоликовые панно на восточном и северном фасадах здания.

Здание это — бывшая частная церковь-усыпальница, построенная на средства И. Г. Каменского в 1905—1907 годах, и представляет собой чрезвычайно интересный памятник архитектуры начала XX века.

Первое официальное упоминание о Казанской церкви-усыпальнице Каменских относится к 1907 году. Вот что писала газета «Пермские губернские ведомости»: «Выстроенная в древнерусском стиле небольшая каменная церковь имеет снаружи на северной стороне громадное изображение Нерукотворного Спаса лепной работы, на восточной стороне такая же икона Божьей Матери...»

Вероятно, утверждение, что панно лепной работы, не точно. Оба они выполнены из майолики. А главное — ни слова об авторах работ.

Далее «Ведомости» пишут:

«...Интересна в углу церкви большая печь в древнерусском вкусе из зеленых изразцов, в верхней части которой из голубых изразцов имеются изображения двух павлинов, пьющих из чаши воду. Вообще от всей обстановки храма веет русской стариной и она напоминает собой наши многочисленные московские храмы».

Упоминание об усыпальнице можно найти и в книгах В. Верхоланцева «Летопись г. Перми» за 1913 год и «Город Пермь, его прошлое и настоящее», где говорится о строительстве небольшого храма. Но кто архитектор здания и автор майоликовых панно, остается загадкой. Кто же они, эти талантливые мастера?

Частично приоткрывает загадку искусствовед Сергей Эрнс в своей книге «Н. К. Рерих», изданной в 1918 году. Вот что он пишет по этому поводу: «Первой церковной работой Рериха в новом периоде является иконостас 1907 года для фамильной церкви Каменских в Перми — художником исполнены два «Архангела» и круг «Праздников»... Письмо это выдержано в коричневых, зеленых и красноватых тонах... превосходное их решение показало, что мастером уже пройден искусственного и сложного художества древней иконописи».

С. Эрнс называет автора другой работы — «Распятия». Это также известный русский живописец М. В. Нестеров. «Распятие» выполнено на массивном мерном листе, тона его ярки и броски.

В 1919 году, когда Пермь была освобождена от белых, здание взял

под охрану отдел музеев губоно, но после вывоза из него иконостаса с росписью Н. К. Рериха и «Распятия» М. В. Нестерова усыпальница, как памятник архитектуры и искусства, была снята с государственного учета, и здание приспособивали под различные учреждения.

Работы Н. К. Рериха и М. В. Нестерова, о которых писал С. Эрнс, хранятся в Пермской государственной художественной галерее.

Не установлены авторы майоликовых панно «Спаситель» и «Богоматерь». Можно только предполагать, кто они были. Именно в годы строительства усыпальницы в Перми жил В. М. Васнецов, а рериховская мозаика в Талашкино очень напоминает пермскую.

Майолики довольно сильно повреждены, но, несмотря на это, и сейчас еще сохранили свежесть красок. Майолика, как материал художника, славится вечностью. Техника выполнения и художественные достоинства позволяют считать их не только оригинальными, но и уникальными, не имеющими никаких прямых аналогов в русском искусстве.

Изготовление майолики довольно сложно. Для обжига ее необходима специальная печь. Где обжигалась майолика — в Перми, Талашкино или в Петербурге? Ответ на этот вопрос, возможно, поможет установить и авторов декоративных панно.

Известно, что у пермского художника А. Н. Зеленина в квартире была муфельная печь, пригодная для обжига керамики, майолики и изразцов. Не принимал ли он участие в изготовлении или обжиге майолики для панно или изразцов для печи в Казанской церкви? А может быть, майоликовые плитки изготовлялись не в Перми, а здесь их только монтировали?

Таким образом, возникает целая серия вопросов: почему, кто, когда? На них можно будет ответить в ходе реставрации памятника. Реставрация до недавнего времени сдерживалась тем, что не было ясности, что из себя представляла усыпальница в момент ее создания, так как отсутствовали документы, характеризующие ее первоначальное состояние. Были, правда, известны картины

художника Бахонина, выполненные в 1921 году и дающие частичное представление о куполе усыпальницы, которого ныне нет, но расположенные на переднем плане березы закрывают здание, силуэт купола рисуется неясно. Никаких тонкостей архитектурного исполнения, геометрии исчезнувшего одноглавия картина не дает.

В начале 1974 года долгие и безрезультатные поиски зарисовок, характеризующих архитектуру усыпальницы в первоизданном виде, привели меня к художнику Ивану Ивановичу Туранскому. В коллекции Туранского я и обнаружил его работу «Усыпальница Каменских». находка явилась тем недостающим звеном, которое соединило воедино многие материалы. Написанная в 1920 году, она и сейчас поражает своей свежестью и нарядностью, передающей, видимо, дух оригинала. На светлом сине-голубом фоне неба четко и объемно вырисовывается темно-сине-фиолетовое одноглавие. Освещенное красным закатом солнца, оно контрастирует с золотистой маковкой. Слева, в средней части здания, — красно-зелено-желтое пятно майоликового панно «Спас». Это пятно дает общее цветовое решение картины. Желтый свет усыпальницы, слегка подсвеченный закатом, ласкает глаз. А молодые березы в левом углу картины, чуть покосившийся забор с калиткой, едва намеченная тропинка, идущая к центральному входу, — все это говорит об уединении, навеивает спокойствие.

Небольшая приставленная колокольня слита воедино с архитектурным ансамблем здания. Три колокола в полукруглом проеме напоминают дугу, а само здание — русскую тройку, но не гоголевскую — удалую, мчашуюся, а спокойную, немного уставшую, но величественную и могучую.

Картина И. И. Туранского передает не только особый колорит памятника, но и дает полное представление об исчезнувших архитектурных деталях.

Под склад продуктов, расположенный в бывшей усыпальнице, надо срочно подыскать другое помещение. Впрочем, на этот счет уже принято решение. Уже составлен паспорт на

этот памятник архитектуры. Нужны только энергичные меры для начала реставрационных работ.

В усыпальнице может быть создан филиал Пермской художественной галереи или филиал музея народного творчества. Но независимо от того, что будет экспонироваться в этом здании, — и своеобразная архитектура, характеризующаяся поиском нового национального стиля, и удачно вписанные в общий ансамбль майоликовые панно, создающие единую архитектурную композицию, и

высокий класс выполнения всех работ говорят о большой ценности памятника. Он, несомненно, обогатит наше представление о творчестве русских зодчих и художников, создавших в глубине России это прекрасное творение.

Фрагмент майолики и рисунок усыпальницы Каменских И. И. Туранского смотри на третьей странице обложки.

Барнаульский первенец

**Тимофей
ПОЛУХИН**

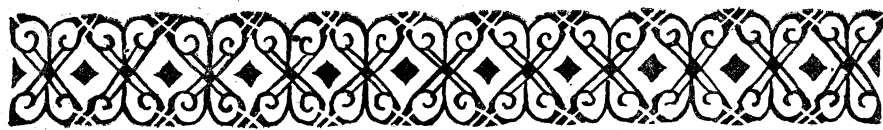
В 1864 году горный инженер М. Б. Пранг с разрешения правительства построил в Барнауле содово-мыловаренный завод — первый содовый завод в России.

Сода Пранга получила высокую оценку и удостаивалась на выставках золотых и серебряных медалей.

Ежегодная производительность Барнаульского содового завода составляла 15—20 тысяч пудов. Каустическая сода продавалась на рынке по три рубля, а кальцинированная — по рублю восемьдесят копеек за пуд. Главное сырье для завода — глауберова соль — доставлялось крестьянами с Мормышанского озера, каменный уголь — из деревни Кольчугиной (ныне город Ленинск-Кузнецк) и известковый камень — из деревни Переборной, что на реке Чумыш.

В то время Барнаульский завод не имел конкурентов, и его продукция поступала не только на рынки Восточной и Западной Сибири, но и за Уральский хребет. Так продолжалось до тех пор, пока не появились содовые заводы в Вятской губернии и в Перми.

С конца XIX века пермский содовый синдикат «Любимова и Сольвэ» начал заполнять и сибирские рынки своей продукцией. Пранг не смог конкурировать с уральскими предпринимателями. В 1897 году наследники Пранга продали завод пермскому синдикату, владельцы которого через несколько лет вообще прикрыли его.

Биография корабля

**Валерий
БЕРЕЗИН**

В конце апреля 1913 года в судоверфи в английском городе Глазго был спущен на воду пароход, построенный по заказу России, — «Император Петр Великий». В судовом паспорте значилось: водоизмещение 7780 тонн, длина — 120 метров, ширина — 15, высота борта — 11,7 метра, две машины — по 1900 лошадиных сил каждая, на шести палубах размещается 36 пассажирских мест первого, 136 — второго и 242 — третьего класса.

Первый рейс — из Одессы во Владивосток. Но меньше года проработал «Император Петр Великий» — грянула первая мировая, пароход стал военно-госпитальным транспортом.

Два года красные кресты на бортах защищали команду от нападения врага. Но в 1916 году у берегов Румынии корабль был торпедирован и затонул на глубине 30 метров.

Через два десятилетия вспомнили об «Императоре Петре Великом». Отряды аварийно-спасательной службы СССР обследовали судно и дали заключение: котлы, машины и некоторое оборудование годны к работе.

В 1937 году пароход подняли со дна и отбуксировали в Одессу. Восстановительные работы завершить не удалось — началась вторая мировая война. «Император Петр Великий» однако сослужил добрую службу. Его отбуксировали из ремонтного дока на фарватер Одесского порта и затопили, как сделали со

многими другими судами. Мертвые, они преградили путь врагу.

Фашисты, зная о незаурядных ходовых и эксплуатационных достоинствах парохода, в 1942 году подняли его. Когда под натиском Советской Армии был освобожден Севастополь и морские пехотинцы штурмовали Одессу, немецкие вояки спешно грузили в каюты «Императора Петра Великого» награбленные ценности. Пароход сделал последний рейс в город Констанцу.

После Победы «Император Петр Великий» вернулся в Одессу. Здесь он получил новое имя — «Якутия».

Сейчас «Якутия», конечно, не смотрится на фоне современных теплоходов. Но иногда басовитый, словно простуженный, гудок парохода-ветерана разносится в бухтах тихоокеанского побережья. Значит, очередная группа туристов отправляется на «Якутию» на Южные Курилы или Сахалин.

При встрече в открытом море «Якутию» с некоторым почтением приветствуют проходящие суда — как ветерана.

Как я стал селькором

Это было теперь уже в далеком 1924 году. Однажды мне в руки попала «Крестьянская газета». Своим содержанием она заинтересовала меня, и я написал в редакцию письмо, в котором высказал желание сотрудничать в газете.

На мое письмо редакция ответила незамедлительно:

«Дорогой товарищ!

Редакция «Крестьянской газеты» охотно принимает Ваше предложение — быть нашим селькором. Все дело зависит от Вас. Начинайте писать. Пишите о наиболее важных событиях деревенской жизни...».

К моей простой и не очень грамотной корреспонденции пригляделся литературный работник «Крестьянской газеты» Павел Петрович Бажов.

9 марта 1925 года Павел Петрович прислал мне такую открытку:

«Уважаемый товарищ!

Ваши заметки о бандите и взяточнике пересланы в В. Камский окрик¹ для принятия необходимых мер. О результатах сообщим. От Вас тоже ждем кратких сведений с места.

С товарищеским приветом П. Бажов».

Меня пригласили на Первый Уральский областной съезд селькоров тоже, конечно, не без участия Павла Петровича Бажова.

Приехал в Свердловск, пришел в Дом крестьянина, расположенный напротив Хлебной площади. В доме по улице Вайнера, 12, находилась редакция «Крестьянской газеты». Здесь мне и довелось повстречаться с Павлом Петровичем Бажовым. Очень приветливо, по-дружески принял он меня. Поинтересовался, как я устроился с квартирой, с питанием, а потом забросал вопросами — о жизни в нашем таежном Чердынском крае, об обычаях и культуре, о сохранившихся преданиях, сказаниях, легендах...

**Илья
ЛУНЕГОВ**

¹ Окрик — окружной исполнительный комитет.

ГОЛУБАЯ РАПСОДИЯ

Анатолий
МАРКУША

Рисунки
Н. Павлова

Сначала была мечта. Светлая, высокая и огромная, как само бескрайнее небо, мечта эта неотступно преследовала человека — летать. И едва ли кто-нибудь спрашивал себя: для чего? Человеку свойственно стремиться к невозможному, и потом: летают же птицы — эти далеко не столь совершенные создания божьи...

И люди строили крылья: склеивали несущие плоскости из птичьих перьев, мастерили из лозы, обтягивая хрупкие скелеты шелком, бумагой, тончайшей кожей.

Взмах, взмах, еще взмах и... падение.

Так было много раз.

Небо не принимало человека. Люди упорствовали, но и небо тоже проявляло характер. Но не только природа противилась дерзкой мечте людей — путь в небо перекрывали проклятия церковников, костры инквизиции, монаршая воля.

«Человек не птица, крыльев не иметь. Аще же приставит себе аки крылья деревянные — против естества творит... За сие содружество с нечистой силой отрубить выдумщику голову... А выдумку, аки дьявольской помощью снаряженную, после божественной литургии огнем сжечь». — Так повелел царь Иван Грозный.

Убить человека просто. Убить мечту нельзя.

«Мечта — это как дорога, — сказал великий восточный мудрец. — Не было и тропы, а прошли люди, и стала дорога». И он был прав: дороги еще не существовало, а люди уже шли...

Легенды, сказанья, фольклор решительно всех народов создали «авиацию» раньше, чем оторвался от земли первый человек. На нем только не летали люди — на мифологических птичьих крыльях, на колесницах, запряженных орлами или драконами, на сказочных коврах-самолетах. Силой своего необузданного воображения преодолевал человек извечные вериги земного притяжения. Заметьте, кстати, слово «самолет» родилось сперва в сказке и только через много веков легло стро-

Всю жизнь я буду
говорить о крыльях.

ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ

гой подписью под голубоватым чертежом настоящей крылатой машины.

Да, дороги не было долго, а люди шли...

Великий Леонардо оставил потомкам наброски летательного аппарата. Сохранились и более поздние чертежи известных и безымянных искателей, пытавшихся рассчитать крылья для человека. Медленно, трудно, далеко не безошибочно претворялась мечта в идею, идея — в конструкцию.

Чему же учит опыт великих и безвестных, потерпевших поражение и познавших радость побед в грандиозной битве за обитаемое небо?

Всякая дальняя и неведомая дорога начинается мечтой, игрой воображения, дерзанием. Это — первое.

И второе: даже самая вдохновенная мечта не даст осязаемых результатов, пока не сможет опереться на прочные, достоверные знания. А проще сказать — пока не придет ее время.

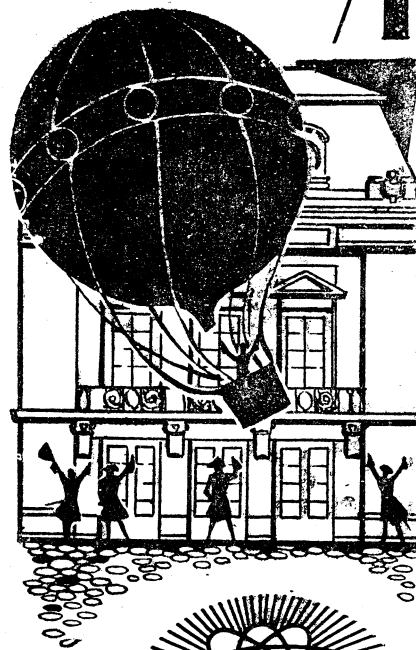
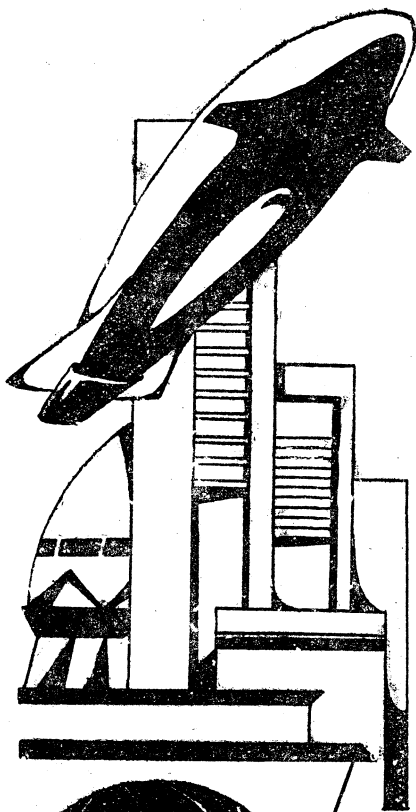
Так было, так есть, так будет. Время человеческих крыльев едва угадывалось в туманной дымке истории, когда Петр I сказал: «Не мы, а наши правнуки будут летать по воздуху, аки птицы».

Этим вещим словам есть свидетели — их слышали камни Петропавловской крепости; Петр произнес свое пророчество на закладке крепости. Об этом сообщает нам летописец и добросовестно уточняет — царские слова были обращены к присутствующему на торжественной церемонии любимцу Петра — Александру Меншикову...

С крыльями долго не ладилось. А мечта не давала покоя, и тогда изворотливый, хитрый и предприимчивый человек стал искать обходной дороги. И увидел: дым отрывается от земли; обыкновенный дым улетает в небо... в небе плавают невесомые снежно-белые облака...

Плавайте!

Так, если не удастся пока летать,

может быть, попробовать поплыть по небу?

И старая мечта трансформировалась в новую идею.

Братья Жак Этьен и Жозеф Мишель Монгольфье были бумажными фабрикантами, просвещенными людьми своего времени; в частности, они знали совершенно точно — горячий воздух легче холодного. Пожалуйста, не улыбайтесь. Вам, современникам Эйнштейна, Бора, Иоффе, Курчатова, мои слова могут показаться ироническими. Но не надо забывать — братья Монгольфье жили в конце XVIII века, и очень немногие люди на свете подозревали тогда, что воздух вообще имеет хоть какой-нибудь вес.

Жак Этьен и Жозеф Мишель рассудили просто и дерзко: если горячий воздух заключить в некоторый замкнутый объем, то у снаряда должна возникнуть сплавная сила, и он полетит. Далеко, высоко, устойчиво ли — об этом они поначалу просто не думали: Их занимал прежде всего принцип, а подробности братья отложили на потом!

Сначала надо оторваться от земли.

Конечно, они понимали, что для этого очень важно не перетяжелить оболочку будущего снаряда, иначе вся затея погибнет, не успев родиться. И Монгольфье взяли самую прочную и самую тонкую бумагу, какую только вырабатывали на их фабрике, они склеили остроконечный мешок с открытой горловиной в нижней части, наполнили мешок горячим дымом...

И свершилось — 5 июня 1783 года снаряд полетел.

19 сентября состоялся второй полет.

На этот раз — с пассажирами. Судя по одним историческим источникам, экипаж состоял из петуха, кошки и козленка, судя по другим — из петуха, барана и утки. Историк утверждает, что после благополучного полета барану было присвоено новое гордое имя — «Монт-о-сьель», что означает «Поднимающийся в небо». Говорят, барана поселили на королевском скотном дворе, назначив ему пожизненное казенное содержание. Прав историк или нет — сегодня не так уж и важно. Детали, даже самые художественные, только украшают свое время, а двигают его — принципы, события и логика. После благополучного подъема и приземления животных логика требовала: в следующий полет должен отправиться человек.

Но кто?

Людовик XVI повелел: первым полетит приговоренный к смерти преступник. Вернется — будет помилован, не вернется — значит, на то воля божья.

Король считал себя гуманистом и не хотел рисковать жизнью добропорядочных верноподданных.

Но добропорядочные верноподданные рассудили иначе.

Ко двору примчался Пилатр де Розье (по одним данным — парижский аптекарь, по другим — начинающий ученый-физик). Де Розье взмолился: «Человечество никогда не простит, ваше величество, если первым покорителем воздушного океана станет преступник. Умоляю, ваше величество, окажите честь, разрешите лететь мне!»

Король поколебался, и разрешил. Немедленно ссыскался и второй пилот — маркиз д'Арланд.

Вот несколько слов из его воспоминаний: «Мы тронулись в 1 час 54 минуты. Зрители были спокойны. Думая, что они испугались, я махал рукой. Де Розье кричал мне: «Вы ничего не делаете, и мы не двигаемся. Я зашевелил огонь на решетке, и мы приблизились к реке. Де Розье кричал опять: «Посмотрите на реку. Мы сейчас упадем в нее!» И мы опять пошевелили огонь, но все еще продолжали оставаться над рекой. Тут я услышал звук в верхней части шара, точно он лопнул. Я крикнул своему спутнику: «Вы там что, танцуете?» В шаре было много дыр и, схватив бывшую при мне мокрую губку, я крикнул, что мы должны спускаться. Однако мой спутник заявил, что мы находимся над Парижем и должны пересечь его. Поэтому мы еще раз пошевелили огонь и повернули на юг, пока не перелетели Люксембург. Тут мы загушили огонь, и шар быстро спустился».

Так это было.

И еще одно документальное свидетельство: «Они не весьма устали, но очень вспотели от жары и нуждались в перемене белья. Пилатр де Розье нуждался еще в новом сортуке, так как сортуки, снятый им в дороге, был разорван на куски зрителями, на память об историческом полете». Это выдержка из сообщения газеты «Московские новости».

Полет Пилатра де Розье и д'Арланда продолжался около двадцати минут. Дата события — 21 ноября 1783 года.

Кроме всех прочих милостей, пожалованных аэронавтам, Людовик XVI приказал отчеканить памятную золотую медаль в честь братьев Монгольфье. На медали были выбиты изображения братьев, дата события и торжественной латынью: «Так идут к звездам»...

До звезд, разумеется, было еще очень далеко, но стоит ли упрекать в преувеличении автора памятной медали? Ведь мечта торопила людей! И не справедливо ли предположить, что латынь на медали должна была одернуть скептиков? А скептиков нашлось предостаточно и все они, будто сговорившись, спрашивали: «Ну полетали, а какая от этих шаров польза?»

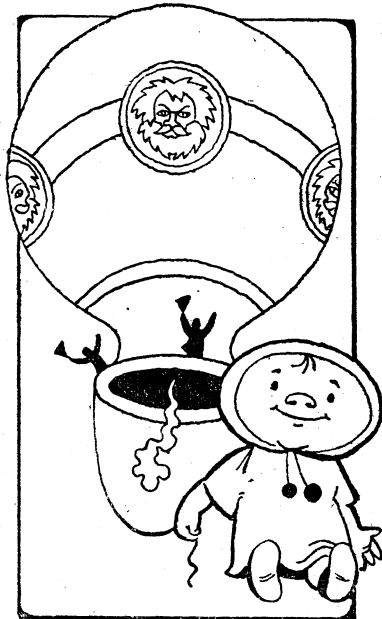
Великий Вениамин Франклин, присутствовавший на старте и в числе других знатных гостей подписавший акт о подъеме отважных воздухоплавателей, отвечал на вопрос вопросом: «А какая польза от ребенка, который только что родился?»

Да, ребенку предстояло еще расти...

Как, спустя почти двести лет, характеризовать это событие нам — людям двадцатого века? Любопытная страничка истории? Занятный осколок сегоднего прошлого?..

Вероятно, все зависит от избранной точки зрения на предмет.

Даже самый древний опыт не может и не должен исчезать бесследно. В каждом опыте есть драгоценные и непреходящие крупинки исти-

ны. Если согласиться с этим, то нельзя не увидеть — подъем человека на воздушном шаре со всей убедительностью показал: полет — это прежде всего работа! Летать надо не только хотеть, но непременно уметь. А умение начинается с предвидения. Пилатр де Розье понимал — пока поддерживается огонь в топке, подъемная сила шара не убывает; д'Арланд предусмотрительно запасся мокрой губкой: он ожидал прожогов оболочки и приготовился их ликвидировать...

Монгольферы — так называли шары братьев Монгольфье — залетали. И надо сказать, залетали весьма успешно. Из пятисот первых воздухоплателей, на протяжении целых семидесяти пяти лет, потерпели катастрофу только десять.

Список жертв авиации суждено было открыть Пилатру де Розье. Он погиб спустя два года после своего первого полета. На месте падения — в Булони — и поныне высится скромный белый памятник...

Из песни слова не выкинешь — голубые дороги оплачены не только соленым потом, горькими разочарованиями, но и кровью героев авиации. Но мечту, овладевшую людьми, нельзя остановить ни проклятиями церкви, ни монаршими запретами, ни самой смертью.

Люди шли, и дорога стала постепенно просматриваться.

Долгие годы воздушные шары были единственными летательными аппаратами, возносившими человека в небо. На воздушном шаре люди впервые перепрыгнули через Ламанш, на воздушном шаре пытались достичь Северного полюса, на воздушном шаре поднимались выше всех гор в Европе...

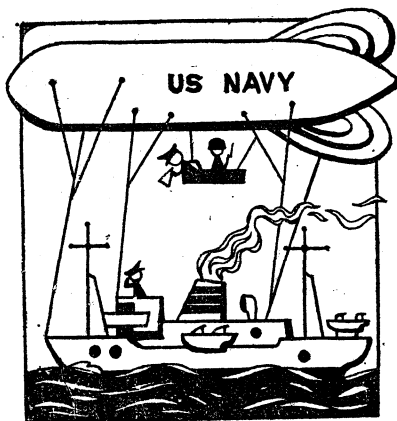
На смену монгольферам пришли более надежные шарльеры, названные в честь профессора Жака Александра Шарля, наполненные не горячим дымом, а летучим водородом. И монгольферы и шарльеры со временем получили общее название — аэростаты.

Аэростаты прежде всего привлекли внимание ученых, став первыми летающими лабораториями человечества; заинтересовались аэростатами и военные, распознав в них будущих разведчиков поля боя и ближайших тылов противника, а также корректировщиков артиллерийского огня; и, конечно, полеты на аэростатах сделались весьма модным спортом. Балономания, как степной пожар, с неустойчивой силой распространялась по свету.

И стремительно рос потолок человечества — к 1909 году воздухоплатели покорили тринадцатиклометровую высоту...

Забегу вперед: уже на памяти моего поколения, в середине тридца-

тых годов нашего столетия, получив герметические кабины, возмужавшие воздушные шары — стратостаты — перешагнули двадцатиклометровый рубеж высоты и долгое время удерживали за собой абсолютный потолок мира, уступив его только в послевоенное время реактивному самолету.

Однако, как ни высоко поднимались воздушные шары над миром, все аэростаты обладали общим, природным недостатком — они плавали и поэтому их дорогами распоряжалось небо: куда ветер — туда шар...

Аэростаты можно было построить более или менее удачно, им можно было придать большую или меньшую подъемную силу (а следовательно и грузоподъемность), шары можно было обезопасить при старте и приземлении, но как заставить игрушку ветра передвигаться по заранее начертанным трассам? Это был, как говорится, вопрос вопросов.

Пожалуй, здесь стоит несколько отвлечься от чисто технического аспекта проблемы и взглянуть на дело с позиций общечеловеческих.

Пока люди были только пешеходами и мореплавателями, им, чего бы то ни стоило, надо было оторваться от земли — взлететь! — и тем самоутвердиться над миром. Но вот человек взглянул на привычные с младенчества поля, леса, горы с высоты птичьего полета, вот он осознал — летаю! — и мечта погнала его дальше, и новая цель завладела лучшими умами эпохи — покорить небо, подчинить пятый океан во всех трех его измерениях.

Ближайшая аналогия плавающего в небе летательного аппарата — морское судно. Резонно было спросить, что же сделало корабль кораблем, что превратило утлую скорлупку, покорную всем капризам стихии, в надежное средство транспорта? Двигатель и гребной винт. Правда,

до машины и винта были еще весла и паруса, но ни весла, ни паруса приспособить к воздушному шару (попытка было более чем достаточно!) не удалось. Таким образом, надо было искать подходящий для аэростата двигатель — надежный и не слишком тяжелый — и подходящий воздушный винт.

Четко и правильно поставленная задача с большим или меньшим трудом всегда находит решение. И воздушный шар, изменив ставшие уже привычными очертания, вытянулся в сигару, получил машину и винт-двигатель. Так аэростат стал дирижаблем, управляемым воздушным кораблем.

Дирижаблестроение даже не страница, а пухлый том в истории авиации. Тому, кто заинтересуется дирижаблями, предстоит любопытный, захватывающий экскурс в прошлое. Он узнает, как шаг за шагом подрастали дирижабли, как из мягких превратились в полужесткие и, в конце концов, в жесткие конструкции; как стремительно росли они в объемах; как пересекали материк за материком, пока не совершили триумфального кругосветного полета, пока не пролетели над Северным полюсом.

Вероятно для многих будет неожиданно узнать, что только с 1910 по 1914 год немецкие дирижабли выполнили свыше полутора тысяч полетов и перевезли 34028 пассажиров!

...Что дирижабль «Цепелин», построенный в 1929 году, подымал 30 тонн груза и 54 человека, размещавшихся в двухместных каютах; что на борту «Цепелина» был оборудован буфет с электрической кухней, что в ванне комнаты подавалась горячая и холодная вода...

...Что дирижабль «Акрон», постройки 1932 года, носил в себе 5 самолетов, стартовавших с борта и возвращавшихся на борт «Акрона» в полете...

И вероятно, еще большей неожиданностью для многих будут такие сведения: в годы второй мировой войны американцы использовали дирижабли для борьбы с немецкими подводными лодками. Около ста шестидесяти патрульных дирижаблей провели через Атлантику девяносто тысяч судов, и ни одно находившееся под дирижабельным эскортом судно не погибло.

В эти же суровые годы наш дирижабль В-6 служил зимовщикам в Арктике, доставляя людям все необходимое для существования, поднимаясь в самые высокие широты...

А теперь вернемся к истокам.

В мою задачу не входит пересказывать всю историю авиации — год за годом, — при таком объеме работы это просто невозможно. Поэтому опущенных событий и имен на моих страницах куда больше, чем упомянутых. Да простят и постараются понять меня историки — не утверждение и тем более не ниспровержение приоритетов, не последовательное восхождение по длинной лестнице авиационного прогресса моя цель, а всего лишь попытка проследить за эволюцией главных идей летания.

Из глубин авиационного прошлого извлекаю имя Альберто Сантос-Дюмона.

Он родился в Бразилии, в 1873 году. Был сыном богатых родителей и увлекающимся человеком. В конце прошлого века Альберто Сантос-Дюмон появился в Париже. Здесь он быстро научился летать на воздушных шарах и особенно увлекся шарами-карликами...

В числе первых горячий бразилец принялся за постройку дирижаблей. Строил, летал, терпел аварии и снова строил, и снова летал, и опять бился.

Его не останавливали никакие неудачи.

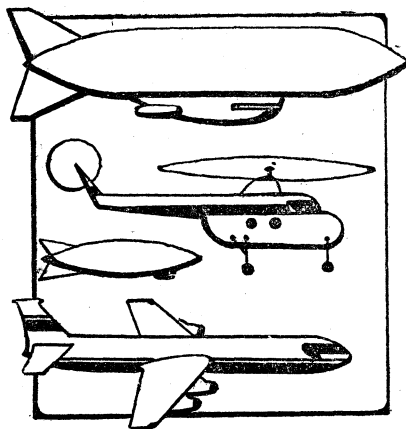
Его не останавливали никакие расходы (впрочем, тут большая заслуга принадлежала не самому Сантос-Дюмону, а его состоятельным предкам).

Его не огорчали никакие насмешки, а надобно заметить, что Сантос-Дюмон чуть ли не с первого дня появления в Париже сделался постоянной мишенью лучших карикатуристов Франции (и это уж, естественно, его личная заслуга)...

В конце концов, 19 октября 1901 года он обогнул на своем дирижабле Эйфелеву башню, как нельзя более наглядно продемонстрировав — управляемый полет на аппарате легче воздуха освоен!..

А дальше начинается самое главное!

Сантос-Дюмон четко сформулировал свою позицию и свой взгляд на перспективы развития авиации — сколь ни велики достижения дирижаблестроения, как ни далеко про-

двинулись плавающие в воздухе аппараты, будущее принадлежит крылатым машинам.

Согласитесь, такое дано не каждому — пройти тернистый, полный опасностей путь воздухоплатателя, достигнуть весьма заметных успехов на этом поприще и во всеуслышание признать: моя дорога была ложной, надо начинать все сначала!

А ведь Сантос-Дюмон не только публично признался в своих заблуждениях, но и принялся яростно осваивать аэропланый полет, и с годами сделался одним из знаменитейших авиаторов Европы. Правда, это случилось позже.

Дирижаблестроителей было много. И многие успели больше Альберто Сантос-Дюмона, и не один он упорствовал, терпел поражения и снова бросался в атаку.

А что же дирижабли?

Достигнув громадных успехов, дирижаблестроение стало постепенно вянуть, глохнуть, свертываться и где-то в середине тридцатых годов нашего века почти исчезло.

Причины?

Прежде всего, доверие к дирижаблям было подорвано целым рядом крупных катастроф. Надежность летающих гигантов признали недостаточной. Вся беда была в том, что водород, которым наполнялось большинство управляемых аппаратов, — взрывоопасен, а негорючий и невзрывающийся гелий, хотя и нашел применение в авиации, оказался в ту пору слишком дорогим.

Вторая, и весьма существенная, причина — хранить гиганты-дирижабли на земле, особенно в непогоду и при сильном ветре, было очень сложно.

К тому же, весьма скромна скорость дирижаблей.

Еще совсем недавно казалось — дирижабли отжили свой век. Но в самое последнее время идея дирижаблестроения возродилась.

Первый довод в пользу создания

новых дирижаблей: если принять стоимость переброски одной тонны груза на километр для самолета за единицу, то для вертолета она составляет — 5,65, а для дирижабля всего — 0,33!

И еще доводы: дирижабль, наполненный гелием (гелий в наше время — не проблема), построенный из современных материалов, может быть самым безопасным и самым большегрузным летательным аппаратом. Он может эксплуатироваться без аэродромов. Он может находиться в бесконечно долгом полете, управляясь и даже ремонтируясь в воздухе...

Если на заре развития авиации удавалось принимать самолеты на борт летящего дирижабля, создавать воздушным путешественникам невиданный (и по сегодняшним, между прочим, понятиям) комфорт, то надо ли говорить, каких успехов можно ожидать в обозримом будущем? Энтузиасты современного дирижаблестроения мечтают о летающих отелях, о перевозках так называемых негабаритных грузов в пустынях и в тайге, об экскурсионных маршрутах к полюсам.

Старая идея, поднятая на новый виток восходящей спирали технического прогресса, может и должна послужить еще людям — азартно уверяют сторонники современного дирижаблестроения.

Опровергнуть их доводы трудно.

Найдет ли эта идея действительную поддержку, серьезную техническую базу и средства, покажет ближайшее время...

ИСТОКИ

Василий
ЮРОВСКИХ

Рисунки
Л. Смирновой

Осенний «мед»

Пробираюсь угористым берегом речки Крутишки, заглядываю в упятнанные березовыми и тальниковыми листьями омота, где караулят шуки ротозей-лягушек. Вот поднялся из лощины и заметил, что поперед меня лисица трусит. Не сыта, видать, коли днем промышляет, и увлечена до того — человека не чует и не слышит. А ее, рыжую, далеко видно на белесых осенних травах.

Любопытствую, чем займется лисица. Вот загустевший хвост косынкой вскинула и ну рыть. Земля пригоршнями полетела под горку, будто кто-то лопатой копает, а не лисьи лапки.

Остановился я и поджидаю, когда она вырвет-изловит мышь, натешится-наиграется, цапнет

аппетитно и дальше побежит. Повозилась лисица с норкой, чихнула и, отряхивая лукавую физиономию, тронулась вперед. Потом снова за работу, да с таким азартным приступом, хоть сам беги и вместе с ней раскапывай крепкую сухую дернину.

«Пускай ест», — ухмыляюсь и мысли нет о том, что по белым снегам кто-то из охотников приударит за красным зверем. Просто люблю лисицей и приятно на душе: не один я у Крутишки...

Наши матери за войну бесценом земли перелопатили, чтобы фронту хлебушко вырастить. Мыши тогда одолевали, хомяки забивали свои сусеки отсортированным зерном. Искать их — дело нелегкое. Вот и помогали нам лисешки искать хомячьи припасы. Бывало, зароемся с ребятами в солому и до зуда-онемения тела ждем, когда лиса наткнется на «подполье» хомяка. Ей достается троешерстный дармоед, а нам — ведро чистого, без единой червоточины гороха или звонко-сухой пшеницы...

Скрылась лиса за изворотом побережным, и тогда я пошагал туда, где усердничала она. Может, и не съела мышь, а закопала на зиму, на черный день. Такие кладовые находили мы у лисицчастьенко: то мышей в них обнаружим или лягушек, а то и дохлую курицу.

Дошел я до первой разрытой норки. Никак серая оберточная бумага изорвана на клочья? Немало сейчас хламу по лесам и речкам: и мешки полиэтиленовые, и пустые консервные банки, и битые поллитровки, и мешки бумажные из-под удобрений. Дома у себя мы почему-то подбираем-метем, а в лесу словно стыд и совесть забываем.

Подосадовал было, но разглядел и успокоился. Не бумага, полинявшая от солнца и дождя, а остатки гнезда полосатых ос изорваны. Самих жильцов нет, еле-еле одну мертвую осу нашел. У следующей норки пустые осиные соты, как вышелушенные подсолнухи лежат, на стенках третьей — порванные «бумажные мешочки». Старые соты лиса не тронула, а нынешние — с осами — все перешерстила.

М-да, вот кто, значит, ос зорит! А мы-то гадали однажды, когда брат влопыхах бросил велосипед на пустоши у Брюховской болотины,

а после едва утянули его сучковатой палкой: вблизи оказалось разрытое осиное гнездо и шершни вились-звенели роем над велосипедом. Пришлось в плащ завернуться, ползком подкрасться и палкой зацепить «лешегона»...

Семь осиных гнезд насчитал я. Кто-нибудь тоже наткнется на них и подумает, что лиса медом лакомилась. Только какая же она сладкоужка, если некоторые осы сами воруют пчелиный мед, не имеют своего, а уж на сладость падкие. Нет, причина тут в чем-то другом. А может быть, лисица лечится осиным ядом?

Меченая

Дедушка Пахан, он же — Иван Гаврилович, притушил каблуком сигарку и глянул в окошко конюховки. Глянул, и округлил узкие глаза: мимо конного двора поспешал тракторист Тольша Кочуров. Даже хмельной он бы не удивил старика: мало ли причин для веселья. Но тут другое было — Тольша в открытую шел с двуствольной бескурковкой, хотя охота в эту пору категорически запрещалась.

Дед сроду не охотничал и не касался умом «строков» открытия сезонов, одни крестьянские сезоны и знал, что связаны с хлебом, сеном и овощами. А нынче и газеты читает, и радио слушает, и потому просвещен во всех вопросах, начиная от мировых и кончая советами докторов о продлении молодости. И по пожарной части сведущ, и по охране угодий полный законник.

«Не ладно, не ладно делает Натолей», — заволновался старик. Проворно, не захлопнув дверь пустой конюховки, выскочил Пахан на улицу и, как в молодости, резко засвистел.

Вздروгнули стволы ружья, Анатолий оглянулся и встал.

— Ты-то пошто же, Натолей? — подойдя, спросил дед и ткнул пальцем в ружье.

— А пошли вместе, — ответил Кочуров, — так сказать, при свидетелях я ее, стерву, кончу.

— Кого?! — испугался дед.

— А ее, драную лису, — сердито сказал тракторист. — Позавчера ребяташки видели, как она на угоре гоняла гусей и трепала почем зря. А вчерась моя гусиха еле жива прихромала. Ладно, гусь у меня что надо, не в меня характером. Айда, Иван Гаврилович, со мной!

Дед вспомнил о конюховке, где дежурил добровольно у новенького красного телефона, но... чего сомневаться, у них в деревне, слава богу, никто не пакостит. Ребяташки даже отвыкли лазить в огурешники и огороды. Ничего не случится, можно идти, и надежнее, если он составит компанию Анатолию...

На угоре Анатолий и дед забрались в густую полоску конопли на меже, при этом старик поворчал попутно на тракториста. Мол, куда смотрите, чего коноплю разводите у хлеба, однако парень смолчал. Верно говорил дед.

Затаились они, как в дозоре на границе. Анатолий предупредил Ивана Гавриловича, чтобы тот не «пазил самосадом и не кашлял». Старик обидчиво моргнул редкими ресницами. Дал понять, что хоть и не охотник, а три войны испытал на веку. Всякое случалось: в разведку к фашистам, пропади они пропадом, сколько хаживал, сколько «языков» приволок...

С угора родную деревеньку Полозовку всю видать: тополя высокие отяжелели листвой; грачиные стаи кружат — старые учат летать молодые; скворцы облачками носятся; домишки ладные, крашенные вдоль речки Барневки; озерки белым-белы от гусей и уток. А день знойный, смаривает на сон. И задремал бы дед, но букашки попадают за ворот рубахи, щекочут морщинистую шею, заползают в уши и ноздри. А шевельнуться нельзя, чихнуть тем более.

«Мало, мало нонче по хлебам перепелок, — размышляет дед. — Хоть учен народ, а зря шибко химией увлекаются. С ероплана пылят порошок на всходы, а колки, как кипятком ошпарены, одна осина пошто-то и дюжит. Летось надуло порошка-то и без огурцов деревня осталась, понапрасну назем ворочали на гряды. Какой дурак в соседнем колхозе оставил удобрения на меже, смыло их дождем в речку, и рыба забелела брюхами по всей Барневке. Зря...»

— Гляди, гляди! — возбужденно зашептал Анатолий в ухо Пахану, и дед заметил табун гусей около самой пшеницы. — Теперь лиса появится и начнет их ловить. Знаю я, где ее нора с выводком: сперва ее укокошу, а потом и поштоство изловлю.

Тракторист как в воду смотрел. Не успели гуси нырнуть в хлеб, чтобы начисто сожрать на своем пути заполневшие зернами колосья, как навстречу им выскользнула лисица. Незавидная она летом: клочкастая, в репье и прочих колоч-

ках. И тоща. Все лисятм своим таскает, накормить не успеваеат...

Лиса прыгнула на вожака гусяного выводка, ухватила того за крыло и давай трепать. Тот не успел зашипеть и показать табуну, на что он горазд. Всю важность сбила с него лисица, перья и пух взлетели над травой и заколыхались на густых колосьях. Дико закричал гусак, заготовали по-бабьи гусихи и заметались с глупым писком гусята.

Только бросила лиса ошалевшего от страха и боли гусака, как Анатолий приподнял стволы бескурковки. Но дед опередил его, и ружье уткнулось в корни конопли.

— Обожди, не торопись, Натолей,— пошевелил губами Иван Гаврилович.— Антиресно, чего дале будет...

Лиса дождалась, когда матерый гусь отдышался, тьякнула и совсем, как исправный пастух, погнала табун прочь с угора. Вот те и на! Ни одного не изловила, не придушила...

Скатились живо под угор к деревне гуси, и лисица вернулась туда, откуда и появилась на меже. Вытянула хвост-голик, язык свесила, и с виду этакой довольной собакой посиживает — нельзя не залюбоваться.

— Ну как, Натолей? Стрелять будешь или обождешь?— тихо спросил дед Пахан. И не дождался ответа — чихнул. Залезла-таки какая-то букашка в левую ноздрю!..

Когда дед вытер рукавом нос, лисы уже не было на меже, даже и колосья не качались.

— Ну и ну,— замотал он головой.— Вот почему хлеба нынче целые, не травят их гуси. Прощлые лета сколько шуму было из-за потравы, и одна солома на корню от межи стояла — нечего обмолачивать.

— А она, дедушка, меченая,— обернулся Анатолий к старику.

— Как меченая?! Домашняя, што ли?

— Нет. Я разглядел, что морда у нее вся покарбанная.

И вспомнил: позапрошлой зимой уксянский охотник Николай Рычков в мокрый снег капкан у норы насторожил. Лисы по талой погоде за всегда прячутся в норы, шубы свои жалеют... Ну вот, приходит Николай дня через два, уже по морозу, и видит: стоит у норы лиса, мордой в капкан угодила. Будь пружины туже — досталась бы она Николаю. А тут как услышала, что погибель идет, давай биться и лапами на пружины угодила, сдравила их и... быть бывала! Рычков и за ружье-то не успел схватиться... Наверно, та самая лиса и есть...

Похоже было, что Анатолий досадует на себя.

— Вот ведь как,— проговорил дед,— от людей пострадала и им же помогает.

Молча возвращались в деревню. Наконец Анатолий спросил:

— Ты что, Иван Гаврилович, и вправду считаешь, что лиса сознательно гусей гоняет?

— А как хочешь, так и считай,— ответил дед.— Ежели бы задавить хотела, гусенка бы выбрала, а то на гусака кинулась, на старшего. Опять же слышал я, что вокруг логова своего лиса живность не давит. Чтоб, значит, подозрения не пало...

— Да,— словно самому себе сказал Анатолий,— хлеба нынче вдоль межи не потравлены... Чудеса...

Ложок

Совсем худенький да неглубокий ложок виляет угоринкой к речке Барневке. Весной поручь-ится по нему снежная вода, намоеет круглолицых галек, и затравеет он пижмой, тысячелистником да вязилем.

Заровнять ложок многорукими лемехами ничего не стоит. Агроном не однажды наказывал трактористу Петру запахать его. Дескать, на лишней сотке пшеница заколосится или горох не один бункер зальет белоградом. И пытался тракторист запустить лемеха на ложбинку, да всякий раз что-то мешало. То парочка серых куропадок выбежит на обочину, то жаворонок вскрылится из ложка. И долго-долго вызванивает о том, как небо синее высоко-высоко, как в ложке слушает его на гнездышке жаворонушка.

Знает Петр, как под эти песни колосится уса-тая пшеница, как нянчит ветер в колосьях полнотелые зерна. И лопоухий русачок из самой груди ложка выбирается в хлебные разливы, слушает, как отзывается жаворонку родничок и свои семейные тайны вышептывает...

Тут, на меже у ложка, встретил его отец Гаврила светлокосую Марию и не смог расстаться с ней. Тут посадили они на память тонкую калину. Тут же Гаврила солено-горько целовал Марию перед уходом на фронт...

Не вернулся отец к заветному ложку, без него распустилась и наливалась багряно ягодала. Без него поседела вдова Мария, вырос русокудрый Петр. И пока поднимаются из ложка жаворонки и куропатки да светятся в родничке разноцветные гадечки, покуда невестится калина и рдеет по осени высвеченная закатом, живет на земле тракторист Петр. И хлеба нянчат вольные ветра, и душистыми вечерами поднимается над ложком, над полями чистый месяц.

Соколиный поклон

Серо-черным роем крутились вороны. С карканьем и курканьем вертелись они вокруг сокола, мешали и не давали ему подняться выше, — туда, где в чисто-голубых промоинах неба вспыхивало солнце и сверкали летящие на север чайки.

Небо и чайки звали сокола набрать солнечную высоту и с нее оглядеть родимую землю — вольную, светлую и свежую. Звали улететь далеко от воронья, но сокол, как в сетях, бился и все не мог найти вылета из серо-черного роя. Он пытался соколиным боевым кличем разогнать их. Но они норовили ударить, щипнуть, вконец замаять его.

И вдруг до меня долетел иной вскрик сокола, и он, сложа крылья, понесся к земле. Она вырастала и вырастала в его глазах, и закрыла их навсегда, когда сокол сшибся с нею грудью. Я не слышал удара его сильного трепетного тела, но мне показалось, как оттаявшая полянка вздрогнула и качнулась под испуганный березовый шепоток...

Сокол был уже холодный, когда я поднял его. Крепко сложены крылья на груди, где билось гордое и, как видно, не шибко-то защищенное сердце.

— Зачем же ты так-то... — громко промолвил я.

Слова мои запеклись на губах, а мысли спутались. Откуда-то с куч, бывших когда-то черемуховыми колками, остро и горько потянуло полынью. Воронье расселось по осинам, издали наблюдало за мной. Нет, не отдам я вам, любители падали, вольное тело сокола.

Охотничьим ножом вспорол глинисто-песчаную землю, докопался до могильно-студеной мерзлоты. И ее пробил, пусть высекались искры от ударов лезвия. А когда пошла теплая сухая земля, укутал мохом сокола, опустил его в глубь ямки...

Сокол побрезговал бить воронье, хотя оно и помешало ему вознестись над тучами. Но и в смерти своей он остался таким же свободным, каким родила и взрастила его природа. И поклонился он смертным поклоном самому-самому дорогому на свете — родимой земле.

Лывинка

Жалась стеснительно к бурой осоке невеликая лывинка. И была бы она незаметна, если бы не закатное солнце. Оно напоследок взяло да и заглянуло в нее. Лывинка вспыхнула и одна засветилась по всему наволоку. И сразу заприметил ее куличок. Порхнул-подсел на кочку, заглядывал в золотое зеркало. Себя увидел не потешным долгоносиком, а стройным ухажером. От того и возликовал куличок, взмыл в синефиолетовое тепло и взыграл над лывинкой молодым барашком.

Куличок ли сманил, а может, и сам красно-разнаряженный селезень высмотрел лывинку. И долго кружил, все не смел дотронуться до ее стыдливо-румяного лица.

Ветерок пахнул. Перелистал осочины, и отозвались они струнно-напевным звоном, заколебались по воде перьями дивной птицы.

Жаворонок было задремал. А как услышал куличка — тоже махнул крылышками, вознес над лывинкой величальную песню.

Вблизи растеклась большая река. Она серdito темнела, бурлила мутью, вспучивалась от зависти и отплевывалась маслянистой пеной. И хотя солнце закрывалось совсем — лывинка не затухала. Она высвечивалась из осоки, и над ней удивленно заморгала синими ресницами вечерняя звезда.

Предчувствие

Однажды на зимней охоте свалил меня сильный жар, и не помню, сколько суток пролежал я в лесной избушке. В каком-то угаре сползал с нар, кормил камин березовым сушняком и снова заползал под старенькую лопотину. И снились мне странные и липкие сны. И будил меня ночами сивобородый старикан в красной рубахе. Он сидел по пояс в камине и дребезжащим голосом тоскливо пел:

Бежал бродяга с Сахалина
Глухой, неведомой тайгой...

Я тупо смотрел на него. А когда старик доходил до слов: «Жена найдет себе другого, а мать сыночка никогда», — он начинал рыдать. Слезы стекали бородой на красную рубаху и с шипением испарялись на углях. Камин затухал, я оказывался в полутьме, долго искал старика, но его не было, и лишь в ушах моих стояла жалобная просьба: «Ну чо не поешь? Подпой, сынок, подсоби, поддержи!..»

И вдруг мне показалось — я умираю. Ноги стали неметь с пальцев, потом онемели выше, и вот уже по пояс тело мое стало чужим, а сознание ощутимо ускользало и меркло зрение. И тогда впервые за дни болезни я испугался. Как-то сумел подняться и одеться, нашарить ружье на стене и фонарик на лавке. Мне стало

страшно одному, а старик не показывался из остывшего камина. И уж не важно кого, но кого-то мне все равно хотелось встретить...

За порогом избушки опажнуло меня теплом и сыростью. Пришла оттепель с дождем, валенки набрякли водой, пока я выбирался на Железную степь. А там силы мои иссякли, и я еле доплелся до вытаявшей копейки соломы.

Очнулся я от близкого шлепанья по лывинам. Кто-то устало шел ко мне. И не то человек, не то зверь. Я сумел взвести курки.

Я включил фонарик, и бледно-белая полоска света выхватила из ночи тускло-зеленые вспышки глаз, понурую голову волка. Зверь тяжело дышал, покачивался на полусогнутых лапах и смотрел на меня с какой-то человеческой тоской. Он был, очевидно, тоже хворый, и встреча со мной осветила его какой-то надеждой.

...В детстве я трусил, если осенью к деревне подходили волки и начинали жалобно выть на свою волчью судьбу. Я с головой забирался под ватное одеяло и с дрожью жался к уснувшей матери. Но волков истребили без меня, и они уже не плакались луне, и о них даже деревенские ребятишки читают теперь только в книжках.

И вот он стоял в нескольких шагах, по-собачьи жалобно глядел на меня, человека. Для выстрела стоило чуть выровнять стволы и нажать на спусковые крючки.

Я опять терял сознание, и последнее, что запомнилось — по умной серо-седой морде стекали не то слезы, не то желто-зеленые огоньки. И еще почудилось, будто кто-то чуть влажным языком горячо шершавил нос, губы, щеки. А потом слышался родной голос и материнская ладонь коснулась моего лба, и теплые пальцы расстегнули верхние пуговицы рубахи. Она радовалась и хвалила нашу собаку Индуса:

— Нашел-таки Васю, пришел, Индусушко.

Она будила меня и присла не умирать, я долго собирал силы сказать ей одно-единственное слово. И уже с другого берега жизни прошептал: «Мама...»

Очнулся я в темноте. Хворь куда-то делась, и силы вернулись. А ночь гуляла по-весеннему сырая и ласковая. И не было Индуса, а только лежал тот самый волк у заросшей польниной ямы, где веками рождались и вырастали вольные и умные звери. Мне не надо было додумывать, почему он из последних сил пришел на Железную степь, давно изрезанную плугами.

О чем думал волк в последние минуты своей долгой скитальческой жизни — не знаю. А мне казалось, будто идет Талами родимая мать, ищет лесную избушку и все зовет, зовет меня к себе. И я вскинулся с соломы здоровым и сильным, с одной тревогой за нее, и закричал:

— Ма-а-ма! Ма-а-ма!

Упрел за день убродными снегами и мочи моей не стало катить дальше лыжи. И тут расступились Талы, зазияла обрывом пустота лесовала. Тогда освободил я пимы от лыж, плечи от лямок рюкзака и мешком свалился на первую спиленную березу.

Край запада оставался еще холодно-зеленым и над головой студено заискрилась дрожью самая первая звездочка. Оглядел я деляну, и вдруг потянуло на меня одиночеством. И виной тому были не лесины вповалку, а неожиданно увиденный лось. Светло-бурый сохатый понуро брел от ствола к стволу, шевелил отвислой верхней губой, будто в чем-то оправдывался перед навсегда замолкшими деревьями. Вон шагнул он к смятому черемуховому кусту, поднял пудовые рога и долго глядел на уцелевшую черемуху. Она одна темнела и тянулась из лесовала.

Мне отчетливо виделось, как лось покачал головой и бережно притронулся губами к черемухе. Может, здесь, под кустом, появился он на свет, нескладный и длинноногий. И не одна мать, а и ветвистая черемуха утаила-прикрыла его от лихого взгляда. А взрослым он, словно год за годом, складывал свои рога. Может быть, так и думалось печально старому лосю у оставленной оголенной черемухи?..

Вздروгнули мы одновременно. Показалось, будто вблизи ударил топор, и со вздохом-стоном умерло еще одно дерево. Но сверху обронилось «корк-клинь», и над лесовалом низко полетел мрачно-угольный ворон. Не успел скрыться в Талы, как потянула вторая птица, за ней третья, четвертая... Вороны следовали друг за другом траурной цепочкой, и все падали и падали на сваленный лес скорбные вскрики.

Я замотал головой: неужели привиделось с усталости? Никогда мне не доводилось встретить столько воронов, никогда, казалось, их голоса не звучали так больно-тревожно...

НАХОДИТ

**Нина
ШИРОКОВА**

Однажды учитель Дорофей Максимович Черный ездил с ребятами в Гомель, на слет. В свободные часы решил прогуляться по бывшим барским владениям. И увидел в парке изящный домик — был он на особинку, стоял в стороне от роскошного княжеского дворца, совсем как Монплеизир в Петровском парке. Дорофей Максимович подошел поближе, прочитал табличку: «Построен в духе белорусской архитектуры». Он взял и зарисовал его.

А потом младший сын Дорофея Максимовича Саша, студент архитектурного института, сделал по эскизу проект. Ну, ладно, рисунок — это просто. Проект — сложнее, но и за него деньги не плачены. А кирпичи, перекрытия, фундамент?! Ребята из второй школы шутят:

— А фундамент из картошки.

В колхозе, на картофельных полях, заработаны деньги. Когда же очертания будущего дома стали явными и своих силенок не хватило — помогли городские власти.

И стоит теперь в центре города крохотный дворец: колонны, вытянутые оконца, ниши, балкон — 96 квадратных метров, увенчанных круглой крышей. Ни на один дом в Клецке не похожий. Приезжие удивляются: что за архитектурный памятник? А он построен сегодня, под старину.

Между четырех колонн при входе симметрично встанут две пушечки старого литья, найденные ребятами. В нишах на фасаде будет чеканка. Тоже заказывать не надо: ее изгото-

ТОТ, КТО ИЩЕТ

вит старший сын учителя Черного Дорофей, инженер-полиграфист. И среднему сыну Викентию, офицеру из Подмосквья, достанется работа — фотографии делать для экспозиций.

А на вывеске будет написано: «Клецкий краеведческий музей». Вот такое чудо. Вся семья работала на музей. Вся школа. Весь город.

Остальные чудеса подарила история. Для этого школьному учителю и его маленьким помощникам надо было несколько лет работать на раскопках, изъездить на велосипедах не одну сотню километров, и многое чего надо было...

Далеко не каждому посчастливится увидеть воочию экспонаты Клецкого музея, но хоть представить некоторые из них. Так вот, представьте, что у вас в руках камешек. Встретясь на дороге — сойдете за булыжник, ногой отпнешь... Стоп, не так-то просто! А вы знаете, что специалист-ученый над ним будет голову ломать? Окаменелый плод это или окаменелое яйцо? Окаменелость — ясно, но поди разберись, что это, когда «камушку» не меньше миллиона лет...

Старая бумага. Витиеватым подчерком ровно и плотно исписаны строчки. Бумага наклеена на холст, и если свернуть ее в трубочку и приделать сургучную печатку — воображение сразу представит ее в руках Д'Артаньяна, спешащего доставить весть королю, или Гамлета, читающего приговор себе, скрепленный высочайшей подписью. А вот и печать — огромная, тисненная. Королевская бумага!.. Семнадцать перечислений в титуле — король польский, черниговский, литовский, прусский... «Элиашу Смолинскому, ротмистру нашему, которые просят милости нашей королевской...» Короле говоря, король Август III предоставляет упомянутому ротмистру частичные права шляхтича. Эта дарственная писана в 1746 году и сохранилась так, что можно перевести каждое слово.

Из неолита и средневековья — в наш век. Соломенная шкатулка. Сделана очень искусно: сплетены башенки, вензеля, узоры, и только бледный тусклый ситчик, которым она отделана внутри, свидетельству-

ет о каких-то очень неблагоприятных обстоятельствах. Мастер-то умелый... А вот материал на подкладке слишком похож на вывернутый карман солдатских галифе... Такие шкатулки плели наши военнопленные в фашистских лагерях. Ткани у них, действительно, не было. Зато было вдовосталь соломы, они на ней спали... Золотые руки превращали ее в произведение декоративного искусства.

Хранится в музее снимок юноши. Когда читаешь документы в этом разделе — а это Великая Отечественная война — все время неотступно преследует мысль: все это до боли знакомо, все это было, было... Где? В Краснодоне... Недавние школьники. Подпольная молодежная организация. Диверсии. «Откорректированные» подпольщиками списки отправляемых в Германию. Гестапо. Пытки. Казнь... И даже лицо на фотографии — молодое, юное, вдохновенное — почему-то кажется похожим на руководителя «Молодой гвардии». Но это не Олег Кошевой. Это Сергей Толкач, клецкий десятиклассник. Его диверсионная группа работала в Белоруссии, она была организована еще до того, как стал действовать подпольный центр, и погибла так же, как герои Краснодона. Невольно думается: сколько же было их, таких групп, по всей оккупированной врагом территории, сколько же юных героев мученической смертью своей освятили нашу победу!..

А этот документ принес в школу Саша Цвирко. Его отец участвовал в похоронах трех венгерских солдат, расстрелянных фашистами. Гитлеровцам не подчинился целый полк, позднее он сдался советским войскам. На простреленном военном билете имя — Юзеф Гурбан. Через Красный Крест следопыты из Клецка разыскали мать солдата-мадьяра. До последнего дня ходила она на вокзал — все ждала: с какой-нибудь стороны света вернется сын. Письмо из Клецка, сообщавшее, что ее сын погиб смертью храбрых, опоздало всего на день...

Хранится в музее годовая подписка журнала «Вокруг света» за 1912 год — с рассказом о гибели «Титаника». Статья снабжена снимка-

ми. Фотография айсберга, уничтожившего судно. Лица оркестрантов, игравших до последнего момента, пока не захлестнула вода. Фото помощника капитана, который получил последний приказ — отдать под суд директора компании, рекламировавшего «непотопляемость» судна и требовавшего быстротходности даже в опасных водах. Трагедия, о которой знает весь мир. И клецкие ребята вздохнули читают эти страницы. А могли бы и не читать... Если бы сколько-то лет назад ученик школы, ныне закончивший МГУ, Иван Деменик не поинтересовался — откуда это отец вырывает страницы, чтобы закатать пробкой бутылку?..

Дорофей Максимович Черный ездит со своими ребятами в экспедиции на велосипедах. Маршруты по-дальше можно выбрать, и объехать больше.

Однажды они возвращались из Вильнюса и решили остановиться в деревне Гольшаны. По дороге им попало несколько самосвалов с песком. Единственный вывод, который можно было сделать из этого факта, что где-то неподалеку есть карьер, — никоим образом ребят не смутил, да и что тут особенного.

А особенное было. И знай об этом ребята — они бы сделали так, чтобы все машины до единой повернули назад...

В Гольшанах им захотелось посмотреть старое сохранившееся имение. Дорофей Максимович спросил у старика, местного жителя:

— Чье это было имение?

Старик оказался неласков. Он долго недобро смотрел на туристов, прежде чем ответить, а потом сердито сказал:

— Про панов бачите, а то, что кости человечьи валяются, про то не бачите!..

Какие кости, где, чьи? Но старик уже отвернулся. Уходить не уходил, и разговаривать больше не желал.

Дорофей Максимович подозвал одного из своих мальчишек:

— Вова, ну-ка сбегай на холм, откуда песок берут. Посмотри, может, что увидишь.

Вова Юхо прибежал, и в руках

у него, и правда, были кости. Учитель знал своих ребят — ко всяким находкам на раскопках они относились серьезно. Вова держал кости осторожно, двумя пальчиками. Со стороны могло показаться — брезгливо.

Старик, видно, тоже так подумал. Но он вдруг оживился и заговорил сам:

— Не гребуй, сынок! Это были такие ж молодые хлопцы, як ты...

И то, что он рассказал, задержало туристов в Гольшанах неожиданно, незапланированно. Крепка же у народа память!.. Из поколения в поколение передаются события, и помнят о них люди спустя долгое время...

Сорок отважных молодцев повесил в этих местах губернатор Муравьев, и висели они три дня. Это были повстанцы Кастуся Калиновского, вступившие в свое последнее сражение. С 1863 года лежали их останки в холме, пока не были потревожены ножами бульдозеров.

Следопыты из Клецка отправились в исполком — рассказали о машинах с песком, о холме. Работы в новом карьере были прекращены. А потом местные жители сделали братскую могилу.

Все теперь знают: лежат здесь крестьянские парни, что встали под знамя Кастуся Калиновского и положили головы за народное счастье.

У деревни Жамодь проводились мелиоративные работы. И со дна реки, с двухметровой глубины экскаватор «достал» череп какого-то животного с огромными рогами. Первым его увидел пастух. А надо было ему клинок для косы. Присмотрелся, потрогал — хорошо будет на клинок! Однако отломать кусок рога оказалось не под силу, и тогда пастух приволок находку в колхозную кузницу. Раз-два, отпилили кончик рога...

Проезжал той порой в этих местах капитан милиции Василий Павлович Абрамович, член Клецкого краеведческого общества. Уж каким он нюхом разведаль про рога — только забрал он их из кузницы, положил в коляску. И — прямым ходом на мотоцикле в Клецк — доставил председателю общества краеведов Дорофею Максимовичу Черному. Учитель принес их в школьный музей, и пошло из музея письмо в Академию наук Белорусской республики, в котором рассказывалось о находке.

Испокоин веков в клецких местах — бывшей туровской земле — была хорошая охота. Охотились в старину дреговичи, ходили на охоту во времена Мономаха, трубили в охотничий рог Радзивиллы... До того

знаменита здесь охота, что и у фашистских оккупантов появилось желание пойти на кабана: гебитскомиссар города Барановичи отправился за ним в белорусские леса, да напоролся на партизан...

Капитан милиции, местный краевед, сам того не подозревая, отлично в этот раз тоже «поохотился». Из Академии наук после знакомства с клецкой находкой пришел отзыв: череп принадлежит первобытному зубру, жившему в ледниковый период, в плейстоцене — «Bison prisens Voј». До этого нигде прежде обнаруживать подобное не приходилось.

Рога и сейчас хранятся в школьном музее. В том виде, в каком их спасли, — с одним отпиленным концом.

Можно посчитать это случайностью. А можно увидеть и закономерность: находит тот, кто ищет. Дорофей Максимович Черный пятнадцать лет занимается со своими ребятами краеведением, у него есть давние и верные соратники и из взрослых. Несмотря на многие годы работы в школе и войну за плечами, он полон сил, сохраняет отличную спортивную форму и неизменный интерес ко всему, что касается истории родного края. Потому он так чутко к вестям, которые приносит ему ребята и жители о всяких находках, потому никогда не ленится съездить посмотреть — а вдруг там что стоящее?

Собирали следопыты материалы о своем земляке Игнате Григорьевиче Будаеве. Матрос, участник штурма Зимнего, он был направлен Лениным в Белоруссию продкомиссаром. Ребята записали любопытный факт из его жизни. Во время оккупации белополяками Будаевей был приговорен к расстрелу. Повели его вдвоем с местным мужиком Хомичем. А у поляков правило такое — зачитать приговор перед смертью. И вот когда офицер зачитывал приговор, Хомич поднял связанные впереди руки и опустил на голову офицера пудовые кулаки. Будаевей мгновенно оценил обстановку, и его связанные руки тотчас поднялись для удара. Свитка на нем от резкого движения спала с плеч прямо на винтовку конвойного, стоявшего позади. Конвойные, опомнившись, кинулись выручать офицера. Хомич был убит сразу, а Игнату удалось взобраться на насыпь и скрыться в лесу. Пули настигли его при бегстве, тяжело ранили. Крестьяне из местной деревни, с помощью врача-поляка, сочувствующего большевикам,

выходили Игната. Много времени спустя, когда Игнат Будаевей вернулся домой, к нему пришли те, кто его выдал. Он не стал чинить суда: «У вас клыки уже вырваны».

В одном из походов, когда старшекласники добывали новые сведения об этом человеке, поиск свел их с братом Будаевей — Юрием Григорьевичем. В хате его, на стене, они увидели огромный, шириной с полметра, снимок, об исторической ценности которого стоит сказать особо.

Это — фотография-подлинник участников первого съезда военных и рабочих депутатов армии и тыла Западного фронта, проходившего в Минске в 1917 году. Школьным следопытам удалось найти ретушера, работавшего над снимком, и он рассказал, что оборудование для съемки везли на двух подводах... В кадре уместилось более 1200 человек, и все лица очень четкие. На съезде был Михаил Васильевич Фрунзе, возглавлявший на съезде группу большевиков. Узнали ребята и Будаевей. Судьба у Юрия Григорьевича оказалась не менее интересна, чем у брата. Прапорщик царской армии, перешедший на сторону большевиков, он был самими солдатами послан на съезд, что не так уж часто случалось.

Этот фотодокумент не сам пришел в руки следопытам. Пришел потому, что они его искали, собирая материалы о земляках, уроженцах своего района. А уникальность — награда за поиск.

Еще один редкий снимок. На фоне Михайловского манежа в Петрограде рядом с броневиком сфотографированы бойцы бронестрелы № 50, который в первые дни революции был сформирован из добровольцев и стоял на защите Смольного. На фотографии — бывший пулеметчик отряда, клецкий уроженец Иосиф Адамович Бречко. Кстати, на основании этого документа и собранных школьниками сведений об этом человеке ему помогли выхлопотать персональную пенсию. Сколько лет жил скромный старик в колхозе, на попечении дочери — и кто думал, что он, один из первых бойцов революции, охранял самого Ленина! Жаль только, что персональную пенсию Бречко начал получать лишь за три года до смерти...

Вот так задание — прошагать улицу...

— А чего ее прошагивать? Мы и так каждый день по ней ходим в школу... — говорили мальчишки и девчонки.

Но Дорофей Максимович просил:

— Мне нужно точное количество шагов. Давайте, давайте, не ленись. Каждый свою улицу пусть прошагает.

Он посылал учащихся то на одну улицу, то на другую. Посылал малышей проверять старших, и старших ребят — чтобы они проверили, насколько точно работают малыши. Так они составили план города — подробный, со скрупулезно верными направлениями улиц.

План сегодняшнего города можно вычертить. А заглянуть из двадцатого века на десять веков назад? И сделать план города во времена его основания и позже? Если учесть при этом, что Клецк подвергался опустошительному нашествию татар и нападению шведов, французов, попадал под всякую власть, горел и сжигался много раз...

Есть Замковая гора. Давно-давно здесь стоял замок, обнесенный рвом. Земля, которую высыпали при его копке, образовала вал. О нем свидетельствует рельеф и бывшее название Школьной улицы — Завальная. Конфигурация улицы дает представление о границах города. Раскопки, в которых школьники вместе с археологом Петром Федоровичем Лысенко нашли амфору с 800-летней горелой пшеницей, лепную и гончарную керамику, тоже свидетельствуют о существовании города вокруг Замковой горы. Это план 1127 года.

При вычерчивании плана более позднего времени возникла заминка. В летописи Быховца, где упоминается о битве Михаила Глинского с татарами, говорится, что пленным татарам позволено было поселяться за пределами города, за ручьем. Дорофей Максимович изломал себе голову: где этот бывший ручей?

Не придумав, как его найти, он сказал о ручье П. Ф. Лысенко.

— Но ты же географ, — сказал Петр Федорович.

— Ну и что?

— Ну, как что. Тебе природа, природа подскажет...

«Как это, подскажет?» — думал Черный. И так его это заело, что он, географ, не может дойти своим умом до заведомо известного решения, что ночами не спал. И осеңило!

После большого дождя он стал высматривать по потокам воды направление. С площади Маяковского потоки направляются на улицу Зарановскую, улицу Слободскую, идут в пойму реки. Улицы Пушкина и Толстого имеют старые названия —

Первая Татарская и Вторая Татарская. Есть смысл искать!

И он послал своих краеведов проследить направление дождевой воды в конце Слободской улицы. Отправил ребят и на другие улицы. Как же они его обрадовали! По Советской нашли погребенный мостик, на улице Суворова извлекли мостик и гать, на Синявской «паглыблени» — углубления — есть и сейчас. И вдруг семиклассники — они с урока пения, после школы, в который раз отправились в конце Слободской улицы — прибегают с воплем: «Там мостовая под землей!»

Побежали все вместе. На задах старого сада, где растут яблони, ребята встали на коленки:

— Потрогайте, это булыжники! Мостовая!..

Учитель внимательно осмотрел камни, приложил ладонь тут и там, и понял: нашли!

— Это не мостовая, ребята. Это валуны, отшлифованные проточной водой. Мы с вами нашли пропавший ручей...

И теперь у них есть план города во все годы его существования: 1127, 1506, 1713 и в наше время.

У ребят из школы № 2 города Клеца хранится благодарность от Белорусского государственного музея за обнаруженную ими находку. Она экспонируется в республиканском музее; ученые сказали — это единственная хорошо сохранившаяся находка во всей Восточной Европе. Откопали эту вещь деревенские жители, и молва о находке дошла до Дорофея Максимовича Черного. Он приехал и увидел деревянное рало (соху) — как потом выяснилось, возраст ее был 2100 лет. Но где он увидел его! В усадьбе практичной тетки, которая собралась топить печку сохой из эпохи зарождения раннего земледелия! Так она сокрушалась:

— То ж целое беремя дров!..

А Дорофей Максимович разглядывал рало и был счастлив от того, что приехал, успел, что древнему орудью уже ничто не грозит. Был счастлив и спокоен и, улыбаясь, говорил тетке:

— Это на дрова нельзя...

Потом он привез сюда ребят, и они откопали еще дышло.

И еще одно старое сельскохозяйственное орудие нашли клецкие краеведы. Очень интересное орудие! То ли плуг, то ли сошка. Ральник такой же, как у сошки. При нем нет отвальных крыльев, а вместо них — режущий нож. Впереди на дышло втулка для крепления штан-

ги с кольцом, при помощи которой регулировалась глубина пахоты. Это безотвальный плуг! Значит, наши предки больше ста пятидесяти лет назад уже знали безотвальный способ обработки земли, значит, он был просто забыт!

Эта ценная находка экспонируется в Клецком музее. В отличие от древнего рала, которое попало в Белорусский государственный музей.

Жалко расставаться с таким экспонатом. Но что делать — тому, что представляет национальную ценность, место в республиканском музее.

А вот с другим экспонатом он не смог расстаться. Когда у Дорофея Максимовича потребовали отдать в музей фотографию 1200 делегатов фронтового съезда, он ее не отдал. Не отдал — и все тут.

— Я даже поругался. Не верите? Серьезно.

Есть такое правило: все, что представляет общегосударственную ценность, не следует хранить в школьных музеях. Но почему-то хочется исключить учителя Черного из этого общего правила.

И потому, что его музей — и школьный, и городской.

И потому, что он знает цену экспонатам и не даст им пропасть.

И потому, что это исключительное право он заслужил.

г. Клецк
Минской области,
БССР

ЭКСКУРСИОННОЕ ОРИЕНТИРОВАНИЕ — ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

Есть две группы в многочисленной армии туристов: туристы-спортсмены и туристы-экскурсанты.

Первые идут в походы на байдарках, велосипедах, пешком... Их ждут горы, бурные реки, ночевки в полевых условиях. Они преодолевают переправы, взбираются на вершины, терпят дождь и холод, ветер и зной. Они дышат горным, морским и лесным воздухом, они принимают солнечные и воздушные ванны, и по всем показателям человеческого организма — обмену веществ, кровообращению, дыханию, состоянию нервной системы — приносят себе только пользу.

Другие стоят в очередях на поезд, сутками ждут своего рейса в аэропортах, втискиваются в автобусы, совершают маршруты в сотни и тысячи километров, изодрываются в тактике добывания мест в гостиницах, а вместо лесных запахов вдыхают бензин и пыль...

Еще не известно, кто больше устаёт: опытный байдарочник или любознательный экскурсант, впервые попавший в Москву. Бывает и так, что заплечный рюкзак в полевых условиях много легче, чем сумка с сувенирами в городской сумочке, и экскурсант, кружа в поисках какой-нибудь площади, пройдет больше, чем турист от деревни до деревни...

У туристов-спортсменов и туристов-экскурсантов много общего и много разного. Отличаются они и тем, например, что одни проводят соревнования, а другие...

Другие тоже начали проводить. В уральском городе Серове уже который год подряд наряду с состязаниями по спортивному ориентированию на местности проводятся соревнования по экскурсионному ориентированию. Точное место рождения этого вида спорта: город Серов, ферросплавный завод, туристская секция, слеты ТВН — «туризм веселых и находчивых».

Что же это такое — экскурсионное ориентирование?

Ориентирование в городах не проще и не легче, чем на незнакомой местно-

сти. Кто не знает, как блуждают в незнакомых городах люди, отыскивая адреса, путая в спешке автобусные и троллейбусные маршруты, садятся «не в ту сторону», теряют время в поисках интересных объектов.

Можно на это возразить: экскурсии у нас плановые, есть программы, есть гиды, есть проводники — зачем же вводить еще экскурсионное ориентирование?

Да, но при всем при том есть множество людей, которых одолевает «миграционная болезнь» и которые путешествуют сами по себе. Они не хотят ездить и ходить по стандартным маршрутам, где программа не допускает никакой самостоятельности. Им по душе свободный выбор направлений, возможность как можно больше и дольше общаться с понравившимися людьми, задерживаться у любимых памятников и не тратить время на то, что интересует меньше.

Вот им-то и нужны навыки по ориентированию в экскурсионных поездках и походах. Представьте, таких экскурсантов с каждым годом становится все больше — растет кругозор человека, повышается его любознательность, увеличивается желание увидеть все самому, и вместе с тем, он имеет нынче средства на путешествия, экипировку, транспортные расходы. Разве что тяжело с гостиницами, но и эти трудности будут преодолены со временем.

Так что, если нет настоящей необходимости в экскурсионном ориентировании на сегодня, она непременно появится и даст о себе знать.

Эксперимент туристов из Серова полезен. Это — первый опыт, и опыт интересный. В своем городе они проводят только школьные соревнования по ориентированию, с учетом возраста учащихся, географии местности, школьной программы. Такие соревнования помогают узнать родной край, вызывают у ребят краеведческий интерес. Для взрослых туристов выбираются ближайшие города — Краснотурьинск, Карпинск, где больше достопримечательностей.

Участники соревнований получают листы-задания, где перечислены объекты, которые нужно найти и осмотреть. Задания примерно такого рода: найти памятник изобретателю радио А. С. Попову, дом, в котором родился основоположник советской геологии А. П. Карпинский, дом Героя Советского Союза летчика А. К. Серова, посетить геологический музей, осмотреть церковь Иоанна Богослова. Против каждого задания — «графа доказательств», в ней требуется записать некоторые сведения о достопримечательном объекте. При судействе учитываются время, полнота ответов, масштаб приданного.

Каждый догадливый путешественник, имея перед собой цель, прежде всего попытается выяснить у населения координаты и получить толковый ответ. Но в том-то и дело, что соревнования дают полезные и хорошие навыки и тем, кто по натуре не очень расторопен, они заставляют мыслить, выбирать наилучший вариант поиска, выделять то, что важнее.

У туристов есть афоризм: «Шагать, не перешагивая». К экскурсантам это тоже относится. Надо уметь не пропустить памятник старины, уметь открыть примечательности в пути, не пройти мимо интересных объектов. Объектами у серовцев служат не только памятники истории и культуры, но и отвал шахты (задание — найти друзу кальцита), и адрес Героя Социалистического Труда (взять интервью). Весьма поощряется применение фото- и киноаппарата. Не исключена, и даже возможна, организация экскурсионного марафона или соревнований по ориентированию для туристов, имеющих автомобили. Возможностей очень много.

«Здесь требуется смекалка, сообразительность, умение знакомиться с людьми», — такой вывод делают об экскурсионном ориентировании участники соревнований. А цель их определяют так: научиться за короткий срок увидеть и узнать многое.

Геннадий ГУЛИН

МАРАФОН ПО ЛЬДУ ВОЛГИ

**Евгений
НАЗАРОВ**

Об этом кроссе я узнал случайно, увидев в краеведческом музее в Городце удивительные коньки. На деревянных, остро заточенных планках были искусно прикреплены железные полозья, примерно такие прибывают к легким санкам-кошовакам. Деревянные основания расписаны фигурками сирен, цветами. Тут же полустертая надпись: «1883 год». Больше девяноста лет прошло с тех пор, как на этих коньках какой-то городецкий житель прочертил «первую борозду» по волжскому льду.

Живы ли те первые городецкие спортсмены, которые пользовались такими необыкновенными коньками?

— А как же, — сказали в музее. — Совсем рядом живет пенсионер Александр Павлович Новожилов, он может рассказать немало интересного о городецком спорте.

...Неуловимые черточки роднят Александра Петровича Новожилова с такими известными спортсменами нашего века, как знаменитый авиатор и велосипедист Уточкин, конькобежец Мельников, борец Поддубный.

Александр Павлович Новожилов, работавший много лет на Городцкой судовой верфи, был застрельщиком и горячим пропагандистом многих видов спорта. Более полувека назад, в 1912 году, впервые зазвонел футбольный мяч на лугу между Полянкой и Затоном, там, где сейчас проходная и столовая Городцкой судовой верфи. В зимние дни городецкие спортсмены уходили на горных лыжах к волжским откосам, стремительно катались с крепостного вала, с горы у деревни Каплинки.

Но самым замечательным событием в те годы был, конечно, небывалый и еще неповторенный марафонский пробег на коньках от Городца до Нижнего Новгорода и обратно.

Зима 1914 года началась легкими морозами, и почти весь январь Волга стояла, как зеркало: ни торосов на ней, ни снежных завалов. В один из воскресных дней Александр Новожилов и Аверкий Беляев вышли на волжскую гладь, одели коньки, побежали вниз и незаметно для себя прикатили в Балахну.

— А ведь так можно до Нижнего доехать, вот было бы здорово!

Предложение понравилось любителям конькобежного спорта. Во вторник, 2 февраля, состоялся старт этого необыкновенного пробега. Восемь спортсменов из Городца — В. П. Ахилинов, А. Д. Беляев, С. В. Барина, А. И. Галаничев, А. П. Новожилов, М. А. Филиппов, А. Г. Турылев и А. М. Костромин — отправились вниз по Волге до Нижнего Новгорода. Не все были подготовлены одинаково, да и спортивное снаряжение тех лет было несовершенно, поэтому в Балахне пришлось оставить единственную женщину С. Барину.

Весь путь от Городца до Нижнего Новгорода занял 3 часа 30 минут.

— В Нижнем Новгороде, — рассказывает Александр Павлович, — мы приехали к Волжской набережной, попили чаю в трактире Обжорина (теперь там ресторан «Волга»), а потом на извозчике поехали на Черный пруд на каток.

В три часа дня спортсмены отправились в обратный путь. Ехать вверх было труднее, и поэтому обратная дорога заняла больше времени. Пройдя в общей сложности 100 верст за 7 с небольшим часов, городецкие спортсмены вернулись домой.

Многие участники этого пробега еще живы. Живет в Городце старый приятель Новожилова Аверкий Денисович Беляев, в Горьком — футболист и конькобежец А. И. Галаничев.

г. Горький

Ушедшим в бессмертие

Выдающийся русский путешественник и полярный исследователь Эдуард Васильевич Толль, покинув в июне 1902 года гавань в губе Нерпичьей на острове Котельный, отправился на поиски Земли Санникова. С ним были трое спутников — астроном Ф. Г. Зееберг, проводники эвен Николай Протодьяконов и якут Василий Горохов. Ученый и его спутники бесследно пропали во льдах Северного Ледовитого океана.

Спустя 12 лет в память об этом событии норвежский полярный путешественник Руаль Амундсен решил воздвигнуть на одном из островов Новосибирского архипелага бронзовый памятник-барельеф Э. В. Толлю. С этой целью он послал в Якутию немецкого этнографа Идена Циллера. Летом 1915 года Циллер встретился в Якутске с революционером-большевиком Емельяном Ярославским, который отбывал там царскую ссылку. Емельян Михайлович, неплохой в общем художник, несколько ночей просидел за работой — на полированной березовой доске выжигал копию бронзового барельефа.

О судьбе оригинала — бронзового памятника-барельефа — много лет ничего не было известно. Недавно с мыса Шалаурова, что на острове Большой Ляховский, полярники сообщили: среди мхов найдена бронзовая доска, на лицевой ее стороне выбит барельеф с изображением Э. В. Толля. Ниже барельефа надпись: «Спутники Толля — Фридрих Зееберг, Николай Протодьяконов по прозвищу Омук, Василий Горохов по прозвищу Базилей Чичаг».

Испытатель подлодки

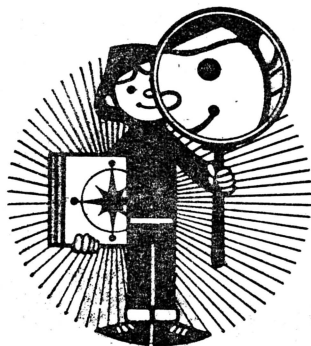
В 1866 году И. Ф. Александровский изобрел первую в мире подводную лодку с механическим двигателем. Через 10 лет С. К. Джевецкий создал подлодку, оснащенную электрическими аккумуляторами, перископом и средствами регенерации воздуха.

Лодкой Джевецкого на двухмесячных испытаниях в 1882 году командовал лейтенант Ипполит Ильич Чайковский — брат великого русского композитора.

В отставку И. И. Чайковский вышел генерал-майором от адмиралтейства. Последние годы жизни (умер Ипполит Ильич в 1927 году) он посвятил работе в Доме-музее П. И. Чайковского в Клину.

Дочь Ипполита Ильича — Наталья Ипполитовна Алексеева-Чайковская подарила Воткинскому музею ряд подлинных фотографий отца и его последнюю художественную работу — резьбу по дереву, чем Ипполит Ильич увлекался долгие годы.

На снимке: И. И. Чайковский.

МИР

НА ЛАДОНИ

— С праздником Вас, Мария Ивановна!

Рисунок В. Режника

Топор-саморуб

Учитель И. П. Фатеев из села Касиб, что под Соликамском, сделал топор-саморуб. На длинной станине укреплены двигатель и гидравлический поршень. Чурка подается поршнем на неподвижное кованое лезвие. Топор колет любые чурки, как масло режет.

Механических дровоколов в селе уже несколько. Ими оснастили два трактора, и топоры обеспечивают дровами шесть совхозных ферм, школу, хлебопекарню, детсад...

Соковыжималка в поле

Скосить, переворочить, чтобы лучше сохло, и, наконец, подобрать — таков традиционный процесс заготовки сена. Это не только хлопотно. За три прохода машин по полю теряется до одной пятой части сухих листьев и стебельков.

Сотрудники университета в штате Висконсин (США) предложили не косить травы, а извлекать из них белки и аминокислоты в виде сока прямо на поле. Сок затем можно превратить в порошок, а твердые остатки — в жмых, в добавку к силосу.

Ежегодно в США идет в отходы 21 миллион тонн ботвы свеклы, моркови, картофеля. А ведь это около 400 тысяч тонн кормовых белков. Извлечь их поможет комбайн-соковыжималка.

Царь-лев и Сысой

В разное время у разных народов создавались предметы и сооружения необыкновенных размеров, которыми правители хотели удивить мир. Вспомните египетские пирамиды, гигантские фигуры фараонов и сфинксов, кремлевские царь-пушку и царь-колокол.

Царь-лев был отлит из чугуна более тысячи лет назад — в 954 году — и установлен на территории одного китайского монастыря. Время не оставило от храма следов. Лев высотой более пяти метров и весом около 100 тонн все еще стоит на пустынном теперь месте.

Кремлевский царь-колокол — крупнейший в мире, весит он более 12 тысяч пудов (205 тонн), отлит он из бронзы в 1735 году по чертежам и моделям Ивана Моторина. Колокол-гигант — с дефектом, и никогда не звонил. Во время отливки загорелось деревянное сооружение над колоколом. Колокол раскалился. Когда его начали поливать водой, треснул — откололся кусок весом 11,5 тонны. После пожара он так и оставался в литейной яме целое столетие. Подняли колокол и установили на постамент в 1836 году.

В Ростове Великом (Ярославская область) на звоннице Успенского собора висит двухтысячепудовый басовый колокол, названный Сысойем. Он отлит в 1688 году Фролом Терентьевым. Сысой звонит до сих пор.

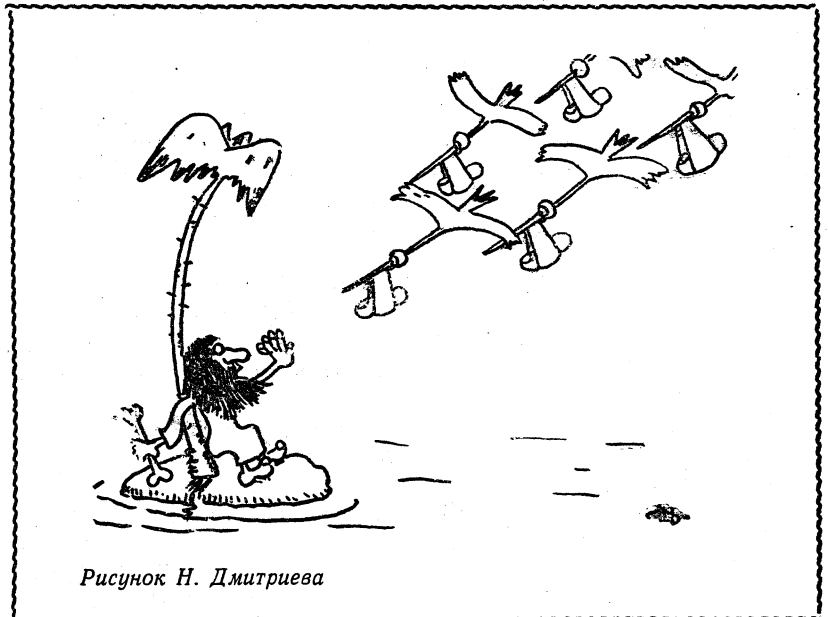

Рисунок Н. Дмитриева

Гиганты океанов

В 1975 году на судостроительных верфях во всем мире было построено 109 гигантских морских судов, валовой вместимостью (тоннажом) свыше 100000 регистровых тонн каждое. На верфях Японии было построено 61 такое судно, ФРГ — 10, Франции и Голландии — по пять. Два сверхбольших судна построили на верфях Югославии и одно — США.

И среди плавучих океанских гигантов есть свои исполины-суда дедвейтом (грузоподъемностью) свыше 350000 тонн каждое. Таких колоссов тринадцать.

Характерно, что все 13 гигантских судов — танкеры, предназначенные для перевозки сырой нефти.

Летяга в синичнике

Есть в окрестностях Свердловска, в районе поселка Семь Ключей, почти девственный уголок природы, которых мало сохранилось близ больших городов.

С приходом весны лес обживает разнородное племя пернатых — дрозды, зяблики, коньки, славки, пеночки. В густом разнотравье устраивают гнезда даже утки. Под огромным выворотнем уже несколько лет живет колонок.

В сумерках сюда нередко забредают лоси. Подолгу стоят, прядут ушами, вслушиваются: шумит электричка, доносится лай собак с притулившейся к лесу свинофермы. Беспокойно...

Юные орнитологи Свердловского Дворца пионеров избрали лес базой для своих наблюдений и опытов.

Как всегда, готовясь к прилету птиц, ребята привезли в лес синичники. В мае с радостью заметили: гнездовья заселены. Большинство синичников обживали мухоловки-пеструшки, у трех постоянно держались горихвостки, два выбрали для гнезда большие синицы. И лишь один домик сиротливо висел на березе, к нему не подлетали птицы.

В начале июня юные орнитологи детально осматривали все гнездовья. Крышки синичников крепились на одном гвозде и, сдвинув их в сторону, можно заглянуть внутрь, узнать, что там происходит.

В гнездах мухоловок и горихвосток были полные кладки из 5—6 голубеньких яиц, синицы уже выкармливали птенцов. Вскрыли ребята и последний домик. В нем, в шарообразном гнезде из тщательно измельченного луба липы, свернувшись калачиком и прикрывшись пушистым хвостом, затаилась... летяга. А в глубине гнезда копошились, стараясь спрятаться от солнечного света, три голых, слепых и беспомощных летяжонка.

Почему летяга, осторожное и скрытное существо, поселилась в синичнике? Осенью лесники спилили на дрова трухлявые, дуплистые деревья. Летяге просто негде стало жить, а уходить из леса, богатого кормом, ей, видимо, не хотелось. Вот и пригодился зверьку синичник.

Револьд МАЛЫШЕВ.

Фото автора

Каждый из нас видел электрический разряд, ну, хотя бы в проводах над троллейбусом. Молния, северное сияние — тоже разряд. А как себя ведут электрические искры в пустоте, в вакууме? На этот вопрос ищет ответы особая наука, чтобы дать человечеству новый источник энергии.

В искусственном вакууме, надеются ученые, можно нагревать мишень до фантастических температур, стреляя в нее электронами. Познание этого огня в пустоте (очень неустойчивого, мимолетного!), возможно, и ускорит создание энергетических установок невиданно большой мощности. Проблемы науки о разредах в вакууме обсуждались на международном симпозиуме в Новосибирске. Арсенал энергетических идей нашего века, как видите, пополняется.

Саратовский Айболит

Есть в Саратове больница для птиц, и доктор в ней есть — Яков Дмитриевич Скатин. Если говорить точнее, то Я. Д. Скатин — начальник областной ветеринарной лаборатории по болезням птиц. Хозяйство у лаборатории огромное — все птичье население области, занимается она также охраной здоровья рыб, пчел, кроликов. Но очень много и частных пациентов. Заболел ли у кого попугай или канарейка — несут в «больницу». Приходилось Айболиту лечить и экзотических птиц — однажды у него на приеме были даже страусята...

Усыпальница Каменских. Рисунок художника И. И. Туранского. Рисунок сделан в 1920 году.

Фрагмент майолики, сохранившейся на стене усыпальницы Каменских в Перми.

Заметку Владимира Шахова
«В глубине России» смотрите
на 60 стр.

АИСТЫ. Линогравюра
Николай ГНАТЧЕНКО (г. Сумы)

Александр сел в кресло и с любопытством посмотрел на аппарат. Самый обычный телефон из бежевого пластика. Но его собственный номер... Несколько секунд Александр не мог ничего сообразить. Неужели же он разговаривал, набрав собственный номер аппарата?!

**Новую фантастическую повесть Виктора Колупаева «Защита»
читайте в четвертом номере нашего журнала.**

И тогда он снова позвонил по 19-77-23.
— Здравствуй, Александр, — поприветствовал его тот же самый голос, знакомый и незнакомый одновременно.
— Кто говорит? — разъяренно спросил Александр...